

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

Кольского научного центра РАН

7/2018 (9)

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

выпуск 14

Апатиты
2018

7/2018 (9)

издается с декабря 2010 г.

УДК 316.7 (985)
ISSN 2307-5252

Российская Академия Наук

ТРУДЫ

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7

Кольского научного центра

Главный редактор – чл.-корр, д.г.-м.н.,
проф. С. В. Кривовичев

Заместители главного редактора:
д.г.-м.н., проф. В. П. Петров
д.т.н., проф. Б. В. Ефимов

Редакционный совет:

академик Г. Г. Матишов,
академик Н. Н. Мельников,
чл.-корр. В. К. Жиров, чл.-корр. А. Н. Николаев,
д.э.н. Ф. Д. Ларичкин, д.т.н. В. А. Маслобоев,
д.г.-м.н. В. П. Петров (зам. главного
редактора), д.т.н. В. А. Путилов,
д.ф.-м.н. Е. Д. Терещенко,
к.г.-м.н. А. Н. Виноградов (отв. секретарь)

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

выпуск 14

Редакционная коллегия серии

«Гуманитарные исследования»:

д.г.-м.н. В. П. Петров (отв. редактор),
д.и.н. И. А. Разумова (зам. отв. редактора),
д.и.н. И. Ю. Винокурова,
д.филол.н. Н. В. Дранникова,
к.филол.н. Н. Н. Измоденова,
к.социол.н. Э. С. Клюкина,
д.э.н. Т. П. Скуфьина, д.и.н. П. В. Федоров,
к.и.н. О. В. Шабалина, к.и.н. О. А. Бодрова
(вып. редактор)

Научное издание

Технический редактор: В. Ю. Жиганов

Подписано к печати 24.04.2018. Формат бумаги 70×108 1/16.
Усл. печ. л. 12.6. Заказ № 28. Тираж 500 экз.
Издательство ФГБУН ФИЦ КНЦ РАН
184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14
www.naukaprint.ru

184209, Мурманская область, г. Апатиты, ул. Ферсмана, 14,
ФИЦ Кольский научный центр РАН
Тел.: (81555) 79393, 79380, факс: (81555) 76425
E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.ksc.ru>

- © Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального исследовательского центра «Кольский научный
центр Российской академии наук», 2018
© ФГБУН ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук»,
2018

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Иванова М. В. Этническая экономика: подходы к определению	7
Разумова И. А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев.....	14
Саморукова А. Г., Петров В. П. История решения проблемы водооборота при переработке руд Хибинского месторождения в 1970-е годы.....	29
Дюжилов С. А. «Хибинская эпопея» И. Г. Эйхфельда: материалы для биографии (к 125-летию со дня рождения ученого).....	42
Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Материалы Конференции по обсуждению и согласованию научно-исследовательских работ в Мурманском крае (Ленинград, 17–19 февраля 1931 г.) – новый источник по истории освоения Кольского полуострова.....	59
Шабалина О. В. Материалы персонального фонда А. Ф. Лактионова Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории изучения и освоения Арктики.....	76
Зайцев О. А. Личный архив В. В. Чернолуского как источник по истории этнорелигиозных процессов в среде кольских саами в 1920–1930-х гг. (на материалах из фондов Мурманского областного краеведческого музея).....	84
Измоденова Н. Н. Образ будущего России: социальное воображаемое.....	96

Юбилеи. Памятные даты

Петров В. П. К 100-летию со дня рождения Г. И. Горбунова	102
---	-----

Научная жизнь

Бодрова О. А. Культурное наследие и трансформация культурного ландшафта российской Арктики в процессе освоения территорий.....	117
--	-----

Казакова К. С., Давыдова А. С.	О I Международной научно-практической конференции «Притяжение Севера: язык, литература, социум» (Петрозаводск, 15–17 февраля 2018 г.).....	120
Давыдова А. С., Сулейманова О. А.	VI Международная научно-практическая конференция «Полярные чтения – 2018: Технологии и техника в истории освоения Арктики».....	124
Змеева О. В.	Международная научная конференция «Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность»....	126

Аспирантские тетради

Лихачев В. А.	Петроглифы Канозера и номинация в лист всемирного наследия ЮНЕСКО «Петроглифы Онежского озера и Белого моря».....	130
Мулин К. В.	Кадровая политика периода восстановления КБАН СССР (1944–1949 г.).....	139

Russian Academy of Sciences

7/2018 (9)

UDC 316.7 (985)
ISSN 2307-5252

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7

transactions

Kola Science Centre

Editor-in-Chief – S. V. Krivovichev,
Cor. Member, Dr.Sc. (Geology and Mineralogy)
Deputy Editors-in-Chief:
Prof. V. P. Petrov,
Prof. B. V. Efimov

Editorial Council:
Acad. G. G. Matishov, Acad. N. N. Melnikov,
Cor. Member V. K. Zhironov,
Cor. Member A. N. Nikolaev, Prof. F. D. Larichkin,
Prof. V. A. Masloboev, Prof. V. P. Petrov (Deputy
Editor-in-Chief), Prof. V. A. Putilov,
Prof. E. D. Tereshchenko, Prof. A. N. Vinogradov
(Executive Secretary)

HUMANITARIAN STUDIES

series 14

Editorial Council of
«Humanitarian studies» Series:

Prof. V. P. Petrov (Editor-in-Chief),
Prof. I. A. Razumova (Deputy Editor-in-Chief),
Prof. I. Ju. Vinokurova, Prof. N. V. Drannikova,
PhD (Philosophy) N. N. Izmodenova,
PhD (Sociol.) E. S. Klyukina, Prof. T. P. Skufina,
Prof. P. V. Fedorov, PhD (History) O. V. Shabalina,
PhD (History) O. A. Bodrova (Executive Editor)

14, Fersman str., Apatity, Murmansk Region, 184209, Russia
Tel. (81555) 79380. Fax: (81555) 76425
E-mail: admin@admksk.apatity.ru, <http://www.kolasc.net.ru>

© Barents Center of Humanities KSC RAS, 2018
© Federal Research Centre "Kola Science Centre of the Russian Academy of
Sciences", 2018

CONTENTS

	Pages
Ivanova M. V. Ethnic Economy: Approaches to the Definition	7
Razumova I. A. Family Factor in the Integration of the Historical Community of “Special Settlers”.....	14
Samorukova A. G., Petrov V. P. The History of Solution of the Closed Water Recycling Problem in Processing the Khibiny Deposits ores in the 1970s.....	29
Dyuzhilov S. A. “The Khibiny Epopee” of I.G. Eihfeld: Materials for the Biography (on the 125-th Anniversary of the Birthday of the Scientist).....	42
Makarova E. I., Petrov V. P., Tokarev A. D. Proceedings of the Conference on Discussion and Coordination of Research Works in Murmansk region (Leningrad, 17–19 February 1931) as a Source on the History of the Kola Peninsula Development.....	59
Shabalina O. V. Materials of A. F. Laktionov's Personal Fund of the Museum-Archive of the BCH KSC RAS as Sources on the History of the Arctic Investigation and Exploration	76
Zaytsev O. A. Personal Archives of V.V. Charnolusky as a Source on the History of Ethnoreligious Processes among the Kola Sami in the 1920–1930s (on the Materials from the Funds of the Murmansk Regional Local History Museum).....	84
Izmodenova N. N. The Image of the Future of Russia: Social Imaginary	96
Anniversaries. Memorable dates	
Petrov V. P. G. I. Gorbunov: on the Occasion of the 100th Anniversary of his Birth	102
Scientific Life	
Bodrova O. A. Cultural Heritage and Transformation of the Cultural Landscape of the Russian Arctic in the Process of Development of Territories.....	117

Kazakova K. S., Davydova A. S.	About the I International Scientific and Practical Conference “Attraction of the North: language, literature, society” (Petrozavodsk, 15–17 February 2018).....	120
Davydova A. S., Suleymanova O. A.	VI International Scientific and Practical Conference “Polar Readings – 2018: Technologies and Technics in the History of Arctic Development”.....	124
Zmeyeva O. V.	International Scientific Conference “Private and Public in the Everyday Life of the Population of Russia: History and Modernity”.....	126

Postgraduate Notebooks

Likhachev V. A.	Rock Carvings of Kanozero and Nomination to the UNESCO World Heritage “Petroglyphs of Onega Lake and the White Sea”.....	130
Mulin K. V.	Staff Policy in the Period of the Kola Base of the USSR Academy of Sciences Recovery (1944–1949).....	139

М. В. Иванова

ЭТНИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ

Аннотация

В статье дается обзор направлений в исследовании этнической экономики. Представлены различные подходы к определению понятия «этническая экономика» (или этноэкономика) в двух основных аспектах: экономика этнических мигрантов и экономика коренных народов. Рассматриваются одни из первых экономических исследований экономики коренных народов в области сельского хозяйства, проведенные FSR. Анализ различных работ, посвященных вопросам этноэкономики, позволил сделать вывод о том, что этноэкономика еще не сформировалась как отдельное научное направление. Требуется разработка единого методологического подхода к определению и учету этнических факторов в экономических моделях малых экономик.

Ключевые слова:

этноэкономика, экономика коренных народов, экономический анализ, экономическая антропология.

M. V. Ivanova

ETHNIC ECONOMY: APPROACHES TO THE DEFINITION

Abstract

The article gives an overview of the directions in the study of the ethnic economy. Different approaches to the definition of the concept of ethnic economy (or ethnoeconomics) in two main aspects are presented: the economy of ethnic migrants and the economy of indigenous peoples. One of the first economic studies of the economy of indigenous peoples in the field of agriculture, conducted by the FSR, is being considered. The analysis of various works devoted to the issues of ethnoeconomics will make it possible to conclude that ethnoeconomics has not yet been formed as a separate scientific direction. It is required to develop a single methodological approach to the definition of ethnic factors and their inclusion in economic models of small economies.

Keywords:

ethno-economy, indigenous economy, economic analysis, economic anthropology.

«Этнос» и «экономика», на первый взгляд, — объекты изучения разных наук, но, как показывает эволюционное развитие общества, неразрывно связаны друг с другом. Сфера толкования содержания данных понятий достаточно широка, поэтому для целей нашего исследования мы будем рассматривать «этнос» (греч. *ethnos* — группа, племя, народ) как межпоколенную группу людей, объединенных длительным совместным проживанием на определенной территории, общим языком, культурой и самосознанием [Новейший философский словарь, 1999]. Под «экономикой» (в буквальном смысле «искусство ведения домашнего хозяйства») мы понимаем хозяйственную деятельность общества, совокупность отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления [Райзберг, Лозовский, Стародубцева, 2007].

История экономики свидетельствует о территориальном разделении труда между различными народами: одни были землепашцами, другие — кузнецами, третьи — ловцами жемчуга, четвертые — рыбаками и охотниками. С одной

стороны, можно предположить, что это было связано с этническими особенностями населения, с другой — ресурсными, природно-климатическими и другими особенностями территории, на которой проживала та или иная группа, что в совокупности определяло внутривозрастные отношения, систему производства и потребления, а также возможности обмена с внешними экономическими системами. Под экономическими системами в данном контексте понимается совокупность взаимосвязанных элементов, формирующих хозяйственную структуру определенной группы людей, объединенных по территориальному, языковому, культурному признакам; единство отношений, которые складываются по поводу производства, распределения, обмена и потребления результатов хозяйственной деятельности.

В процессе эволюционного развития локальные экономические системы изменялись под влиянием общественно-исторических и естественно-природных факторов. Существенную роль в трансформационных процессах играла этническая миграция, которая приносила на новую территорию свою хозяйственную культуру. При этом этнические мигранты использовали в своей экономической деятельности ту же ресурсную базу, что и представители коренного этноса, не учитывая сложившиеся «нормы и правила». Подобная экспансия в отдельных случаях приводила к нарушению традиций природопользования коренного населения и, как следствие, к экономическим потерям. Поэтому изучение локальных экономик требует междисциплинарного комплексного подхода, основанного и на количественных методах экономического анализа, и на методах социальной и когнитивной антропологии, которые дают представление о поведении людей, их мотивации, ценностях, организационной культуре.

Экономика преимущественно фокусируется на факторах производства и способах их распределения в процессе производства. Антропологический подход в экономике рассматривает людей, использующих эти факторы, и помогает понять мотивацию решений о том, как их распределять. Таким образом, экономисты измеряют переменные и их тенденции, антропологи идентифицируют соответствующие переменные с точки зрения того, как люди рассматривают организацию своих локальных экономических систем. Экономисты склонны обобщать, антропологи склонны сосредотачиваться на детальном знании отдельных культур [Mazzucato, 1996].

Различные определения и описания этноэкономики, представленные в исследованиях, позволяют выделить различные точки зрения о взаимовлиянии этнических, социальных и хозяйственных процессов, которые представлены экономикой этнических мигрантов и экономикой коренных народов.

Экономика этнических мигрантов

Сегодня практически все концепции этнической экономики исходят, главным образом, из того, что мигранты, которые в принимающей стране становятся меньшинством, попадают в особую ситуацию, но при этом имеют в своем распоряжении дополнительные ресурсы, которые принято называть «этническими». Этническими являются ресурсы, которые основаны на идентификации человека с определенным этническим сообществом. Таким образом, можно выделить антропологический подход к определению этноэкономики, где этничность рассматривается как особый ресурс для

организации экономической деятельности [Light, 1986: 21; Waldinger, 1986; Радаев, 1993]. «Экономика является этнической, если в ней участвуют представители одной этнической группы» [Light, Karageorgis, 1994: 649]. Признаками этнической экономики являются: этническая самозанятость, наличие этнических хозяев-нанимателей и этнических наемных работников [Bonasich&Model, 1980]. В данном контексте предполагается наличие предпринимателя, нацеленного на получение прибыли. Это может быть субъект хозяйствования любого масштаба: от индивидуального предпринимателя, семейного частного предприятия до предприятия с наемными рабочими. Таким образом, можно говорить о существовании «этнического бизнеса» или «этнического предпринимательства» (эти термины можно считать синонимами). Этническое предпринимательство Р. Ю. Тагиров рассматривает на примере представительства некоренных национальностей в производстве определенной региональной продукции с двух сторон. С одной стороны, как экономическую систему малых народов, выделяя особенности их экономического строя, быта, менталитета и хозяйственного поведения. С другой стороны, как экономическую деятельность мигрантов. Этническое предпринимательство, по мнению Р. Ю. Тагирова, как правило, представлено мелкотоварным производством в разрезе семейно-клановых неформальных экономических сетей, которое в результате генерирует особую форму социально-экономического поведения людей [Тагиров, 2010].

Рассмотренные подходы к определению этнической экономики мигрантов носят дискуссионный характер [Воронков, 1999]. Рассуждая об этничности «этнической экономики» О. Бердникова и О. Паченков приходят к выводу, что элемент этничности играет определенную роль при организации социальных сетей мигрантов, но в тоже время не определяет их экономические действия, то есть «этничность не является достаточно важным ориентиром в их экономическом поведении» [Бердникова, Паченков, 2002: 76].

В работе К. В. Павлова определение этноэкономики носит междисциплинарный характер. Посыл автора заключается в том, что для каждого народа свойственен определенный тип экономики: «Этноэкономика — это наука о взаимосвязи и взаимовлиянии, которое оказывают традиции, обычаи, культура, психология, идеология, религиозные воззрения различных этносов на характер и уровень развития производительных сил и производственных отношений» [Павлов, 2016: 140].

Определение С. В. Паникаровой построено на институциональном подходе, где институт этноэкономики — «это система устойчивых формальных и неформальных норм (правил), обуславливающих взаимодействие между двумя и более экономическими агентами, обеспеченная соответствующими механизмами принуждения, возникающая внутри региональной хозяйственной системы под воздействием традиционного хозяйственного уклада автохтонного этноса» [Паникарова, 2013: 19].

Экономика коренных народов

Изучение коренных народов в рамках различных наук ведется достаточно давно. Одновременно с особенностями исторического развития разных народностей постепенно выявляются общие законы и закономерности функционирования этносов, определяются экономические, социальные,

демографические и экологические факторы их существования. Однако в экономической литературе достаточно редко встречаются исследования по «экономике коренных народов», «экономическим системам коренных народов» или «малым экономикам». Экономические системы коренных народов характеризуются разнообразием мелкомасштабных видов экономической деятельности наряду с регулированием территорий, земли и ресурсов. Производство преимущественно имеет натуральный характер, торговля — бартерную форму и интегрирована с социальным взаимодействием. Специфика экономической деятельности коренных народов определила и особенности научных исследований их экономики. Именно поэтому одними из первых экономических исследований экономики коренных народов стали исследования в области сельского хозяйства [Иванова, Пация, Шабалина, 2018; Schultz, 1964].

Интересным опытом для понимания необходимости применения междисциплинарного подхода к изучению экономики коренных народов являются работы «Школы исследований сельскохозяйственных систем» (FSR), которые изучали экономическое поведение африканских фермеров и то, как их исторически сложившиеся системы ведения сельского хозяйства вписывались в современные экономические системы. Исследования FSR можно разделить на два этапа. Первый осуществлялся в 1970-х и 1980-х годах. Внимание ученых было сосредоточено не на экономической системе коренных народов как таковой, а на поиске трансформаций, необходимых для повышения экономической эффективности производства. В результате традиционные экономические системы коренных народов сравнивались с западными формами рыночной организации экономики, в том числе рассматривались наличие или отсутствие кредитных рынков западного образца, проблемы организации рыночной системы или «отсутствие» сельской инфраструктуры на локальном уровне [Eicher, Baker, 1982]. В результате сама экономика коренных народов априори признавалась неэффективной и должна была меняться в соответствии с современной рыночной моделью, а экономическая культура, накопленная поколениями, знания, опыт не признавались важным (или существенным) экономическим фактором. В более поздних исследованиях FSR рассматривались вопросы влияния организации хозяйственной деятельности коренных народов на цели производства и устойчивость их локальных экономических систем. Признавалось, что для получения более полного представления об экономиках коренных народов, в том числе об особенностях функционирования их хозяйственных систем, целевых установках, о понимании «эффективности», экономический анализ должен включать институциональные и культурные факторы, определяющие экономическое поведение коренных народов [Nayami, Ruttan, 1985].

Второй этап исследований FSR был сосредоточен на изучении технологий ведения хозяйства коренными народами. Под технологиями коренных народов понимались метод или практика, которые были разработаны на местном уровне или приняты, адаптированы из других источников, активно используются или хранятся местными жителями. Интересным результатом данных исследований стало то, что, несмотря на успехи в научно-развитых технологиях, подавляющее большинство африканских фермеров продолжало использовать местные технологии. Технологии коренных народов, возможно, были адаптированы в результате того, что люди подвергаются воздействию научных технологий, но последние редко принимаются в их первоначальной форме. Примеры

исследований неприсоединения научных технологий представлены в ряде исследований [Frankel, 1971; Gladwin, 1979; Jahnkeetal,1987; Mazzucato, Ly, 1994].

Рассмотренные работы представляют результаты анализа различных аспектов экономики коренных народов (в частности, африканских фермеров, которые были объектом исследования FSR), но не объясняют, почему «фермеры делают то, что делают». В процессе изучения экономик коренного населения зачастую недооценивается роль местных экономических и социальных институтов, поскольку предполагается, что основные правила и механизмы их исполнения устанавливаются на более высоком уровне. Однако на локальном уровне значительную роль играют следующие факторы: качество экономических местных институтов, формальных и неформальных норм и правил, устанавливающих ограничения для экономических агентов, соответствующие механизмы контроля по их соблюдению и защите, развитость местного сообщества; инициативы и специфика сложившегося традиционного хозяйства; местные традиции, прогрессивность местных элит и готовность их к инновациям. Усиление взаимодействия малых экономик с внешней институциональной средой рыночной экономики требует рассмотрения институционального подхода и теории социального капитала к изучению экономики коренных народов. Представители научной школы «нового» институционализма считают институты — объекты своих исследований — не только и не столько культурными или социально-психологическими феноменами, сколько набором формальных и неформальных установок («правил игры»), направляющих экономическое поведение индивида и организаций в условиях рыночного хозяйствования [Норт, 1997]. Институциональная школа экономики вносит институциональные и культурные факторы в свой анализ путем включения «транзакционных издержек», которые представляют собой ресурсы, необходимые для сбора информации, а также для ведения переговоров, контроля и обеспечения соблюдения прав и контрактов. Транзакционные издержки не фокусируются исключительно на товарной стоимости, однако, если их рассматривать как строго количественный фактор, они могут стать переменной catch-all; как таковые они не могут помочь объяснить, как культурные и институциональные факторы влияют на принятие решений. Понимание характера транзакционных издержек в экономике коренных народов требует изучения культурных и институциональных условий, в которых произведены эти транзакционные издержки. Понимание же их природы происходит через анализ экономических рассуждений людей, их представлений о богатстве, рабочей силе и капитале, а также о том, как управлять и инвестировать, то есть о процессах принятия решений. Эти тезисы находят подтверждение в работах антропологов-экономистов, которые показывают, как логика решений, определяемая культурой, позволяет выделять факторы, наиболее важные для принятия экономических решений для изучаемых групп людей [Hill, 1972; Barlett, 1980; Plattner, 1984; Gudeman, 1986; Toulmin, 1991; Enzinger, 1992].

Подводя итоги, следует заметить, что этноэкономика как научное направление базируется на антропологии, истории экономики и социологии, призвана преодолеть разрыв между экономикой и антропологией, однако уровня самостоятельной научной дисциплины она пока не достигла. Этноэкономика используется, например, при включении антропологической информации в экономические модели для определения экономических переменных и единиц

анализа в методологии экономического анализа. Она показывает, каким образом общество воспринимает экономические явления посредством использования экономических терминов. Это означает разработку национальной системы классификации экономических терминов, таких как: выгоды, издержки, страхование, проценты, прибыль, безопасность и риск. Система классификации и идеи, полученные в результате применения этноэкономической методологии, могут затем использоваться для определения (нерыночных) переменных в экономическом анализе. В перспективе требуется разработка единого методологического подхода к определению этнических факторов и их учету в экономических моделях малых экономик. Этноэкономики уникальны и зависят от особенностей территории, на которой они сформировались, географических и природно-климатических и других условий. В то же время можно выявить общие типичные факторы в схожих природных условиях или видах деятельности, что позволит идентифицировать некоторые сходства между экономическим поведением различных систем.

Список литературы

- Бредникова О., Паченков О. Этничность «этнической экономики» и социальные сети мигрантов // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 2. С. 74–81.
- Воронков В. Существует ли этническая экономика? // Этничность и экономика: Сб. ст. по материалам Междунар. Семинара, Санкт-Петербург, 9–12 сентября 1999 г. СПб.: Центр независимых социол. исслед., 2000. Вып. 8. С. 42–47.
- Иванова М. В., Пация Е. Я., Шабалина О. В. Некоторые особенности традиционного домохозяйства Кольского полуострова конца XIX – первой половины XX вв. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Вып. 13. С. 31–36.
- Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 1999.
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начало, 1997.
- Павлов К. В. Этнотерриториальные и национальные модели менеджмента и экономики (о формировании этноменеджмента и этноэкономики) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 9. С. 139–153.
- Паникарова С. В. Трансформация этноэкономики региона в современных условиях (на материалах регионов Южной Сибири): Автореф дис. д-ра. экон. наук. СПб.: СПбГЭУ, 2013.
- Радаев В. В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // ПОЛИС. Политические исследования. 1993. № 5. С. 79–87.
- Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2007.
- Тагиров Р. Ю. Этнический фактор в экономике региона: по материалам Ивановской области: автореф. дис. канд. экон. наук: 08.00.01; 08.00.05. Владимир, 2010.
- Barlett P. Adaptive strategies in peasant agricultural production // Annual Review of Anthropology. 1980. Vol. 9. P. 545–573.
- Bellon M., Taylor E. Folk soil taxonomy and the partial adoption of new seed varieties // Economic Development and Cultural Change. 1993. Vol. 41. P. 763–785.

Eicher C., Baker, D. Research on agricultural development in sub-Saharan Africa: A critical survey. MSU International Development Paper No. 1. Michigan, 1982.

Enzminger J. Making a Market: The Institutional Transformation of an African Society. Cambridge, 1992.

Frankel F. India's Green Revolution: Economic Gains and Political Costs. Princeton, 1971.

Gladwin C. Production functions and decision models: complementary models // American Ethnologist. 1979. Vol. 6(4). P. 653–667.

Gudeman S. Economics as Culture: Models and Metaphors of Livelihood. London, 1986.

Hayami Y., Ruttan V. Agricultural Development: An International Perspective. Baltimore, 1971.

Hill P. Rural Hausa: A Village and a Setting. Cambridge, 1972.

Jahnke H., Kirschke D., Lagemann, J. The impact of agricultural research in tropical Africa: A study of the collaboration between the international and national research systems (CGIAR Study Paper No. 21). Washington, 1987.

Light I. Immigrant and Ethnic Enterprise in North America // Ethnic and Racial Studies 1984. Vol. 7. No. 2. P. 195–216.

Light I. The Ethnic Economy // The Handbook of Economic Sociology. Princeton, 1994. P. 646–671.

Waldinger R. Ethnic Entrepreneurs // Entrepreneurship. The Social Science View. Oxford, 2000. P. 356–388.

Mazzucato V. Bridging the Gap between Economics and Anthropology: The Use of Ethnoscience in Economic Analyses of Indigenous Economies. URL: http://ifsa.boku.ac.at/cms/fileadmin/Proceeding1996/1996_WS03_29_Mazzucato.pdf

Mazzucato V., Ly S. An economic analysis of research and technology transfer of millet, sorghum and cowpeas in Niger (International Development Working Paper No. 40). Michigan, 1994.

Plattner S. Formal Methods in Economic Anthropology. Washington, 1975.

Toulmin C. Staying together: household responses to risk and market malfunction in Mali // Rural Households in Emerging Societies. Ed. Haswell M., Hunt D. Oxford, 1991. P. 115–140.

Bonacich E., Modell J. The Economic Basis of Ethnic Solidarity. University of Illinois at Urbana-Champaign's Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship. URL: <https://ssrn.com/abstract=1496171>.

Schultz T. Transforming Traditional Agriculture. New Haven, 1964.

Сведения об авторе

Иванова Медея Владимировна,

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник

Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Ivanova Medeya Vladimirovna,

Dr. Sci. (Economics), Leading Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities,

FRC KSC RAS

И. А. Разумова

СЕМЕЙНЫЙ ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ¹

Аннотация

Статья выполнена на материале опубликованных семейных воспоминаний спецпереселенцев Хибиногорска (Кировска). Интерпретация основывается на идее вариативности процесса спецпереселений и его зависимости от локальных контекстов, на современных социологических концепциях семьи и социальной памяти и на методе семейной истории. В отличие от большинства исторических исследований семья спецпереселенцев рассматривается не в качестве жертвы российской модернизации, а в роли социального актора и субъекта принятия решений. «Раскулаченные» крестьянские семьи утрачивали материальные основания жизни и разъединялись пространственно, но они мобилизовали физические, социальные и культурные ресурсы для самосохранения. В ответ на внешнее принуждение усиливалась внутренняя интеграция в границах не домохозяйства, а семейно-родственной общности. Условия, в которых осуществлялась советская модернизация, способствовали утверждению традиционных культурных и семейных ценностей. С одной стороны, логика модернизации, государственная политика в отношении молодежи и советская социализация способствовали разделению поколений. С другой стороны, пережитая травма не дала распасться семье спецпереселенцев как социальной и коммеморативной общности.

Ключевые слова:

семья, спецпереселенцы, советская модернизация, семейная история, социальная память.

I. A. Razumova

FAMILY FACTOR IN THE INTEGRATION OF THE HISTORICAL COMMUNITY OF SPECIAL SETTLERS

Abstract

The article is made on the material of published family memories of special settlers of Khibinogorsk (Kirovsk). The interpretation is based on the idea of displacement process variability depending on local contexts, on modern sociological concepts of family and social memory and on the method of family history. Unlike most historical studies, the family of special settlers is not considered as a victim of Russian modernization, but as a social actor and a decision-maker. The dispossessed peasant families lost material foundations of life and were separated spatially, but they mobilized physical, social and cultural resources for self-preservation. In response to external coercion, internal integration within the boundaries of the family community rather than the household was enhanced. The conditions under which Soviet modernization was carried out contributed to the promotion of traditional cultural and family values. On the one hand, the logic of modernization, state policy towards youth and Soviet socialization contributed to the division of generations. On the other hand, the trauma did not allow the family of special settlers to disintegrate as a social and commemorative community.

Keywords:

family, special settlers, Soviet modernization, family history, social memory.

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту № 18-09-00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность».

История – всего лишь длинная череда преступлений против человечности
(Пьер Нора)

Теоретические основания, метод, материал

В социальной истории российской семьи период насильственных переселений и репрессий в отношении крестьянства (конец 1920-х – 1930-е годы) занимает особое место по значимости и степени драматизма. Во-первых, процесс спецпереселений являлся частью советского модернизационного проекта. В глобальном контексте его последствием стал переход от допромышленных к промышленным формам семьи, то есть институциональный сдвиг семьи в специфическом национальном варианте. Во-вторых, форсированное осуществление проекта крайне антигуманными средствами поставило крестьянскую семью в ситуацию острого кризиса.

По мнению историка С. А. Красильникова, к началу 1930-х годов политические причины социальных преобразований уступали место экономическим. Историки подчеркивают, что в основе «социалистического раскрестьянивания» лежит «ликвидация единоличного (семейного) хозяйства, представляющего базовую единицу его социальной самоорганизации» [Красильников, 2003: 20–21]. Государственная политика объективно была направлена на деструкцию самостоятельных домохозяйств, и уже вследствие этого она влекла за собой институциональные изменения крестьянской семьи, которую принято относить к «патриархальному типу», территориальную и социальную дезорганизацию родственных сообществ и физическое уничтожение большого числа людей.

В исторических исследованиях спецпереселений, как правило, из системы отношений «государство — семья — индивид» выпадает среднее звено. Семье отводится исключительно роль «жертвы», а не социального актора. Одной из причин является смешение понятий «семья» и «домохозяйство». Эти термины относятся к различным социальным феноменам, но в отечественной историографии они часто взаимодополняются или взаимозаменяются [Муравьева, 2001: 11]. При всей важности экономической сферы жизнедеятельности для крестьянской семейной общности семья как институт была и остается полифункциональной, а как малая группа она базируется на различных формах отношений и взаимодействий, закрепленных в традиции.

Раскрестьянивание и миграции — закономерные модернизационные процессы, которые могут быть и деструктивны, и конструктивны для семьи. Убеждение, что миграции ослабляют родственные связи, следует отнести к стереотипам. Изучение социальной истории европейской семьи эпохи модернизации дало основание немецкому историку для заключения: «Связанные с работой переезды (миграции) способствовали усилению семейных и родственных связей, если вся семья или группы родственников отправлялись в путь. Конечно, миграция могла вести и к нарушению семейных уз, когда ничем не связанные рабочие-одиночки покидали родные места <...>. В любом случае многие мигранты даже на больших расстояниях поддерживали регулярные контакты со своими родными семьями или родственниками. Письма, посылки и периодические визиты позволяли сохранять семейные связи» [Зидер, 1997: 148]. Спецпереселение как форма насильственной миграции, на наш взгляд, также не может рассматриваться лишь в аспекте дезинтеграции семей в результате внешнего насилия.

С точки зрения системного подхода, семья представляет собой социальный организм, одновременно открытую и закрытую циклическую систему, которая, с одной стороны, стремится к стабильности, с другой стороны, «нуждается в периодических изменениях и развитии в ответ на воздействия как внутренние, так и внешние (например, нормативные и ненормативные стрессоры). Поэтому семейная система должна быть гибкой» [Гурко, 2016: 95]. В соответствии с потребностью воспроизводства и самосохранения семья выстраивает отношения с внешним миром, сообразуясь с внешними условиями и собственными возможностями. Она выступает в качестве субъекта взаимодействий даже в ситуациях бесправия. Согласно теории семейного стресса [McCubbin, Patterson, 1983; Lavee, McCubbin etc., 1985; Boss, 2002] переживание семьей критических обстоятельств зависит не столько от самих обстоятельств, сколько от их оценки и от состояния внутренних ресурсов семьи – материальных, культурных, психологических, физических и других – на момент испытания. В конце концов, она, как и отдельный человек, может использовать последнюю возможность выбора: отказаться от самосохранения.

У семьи собственные координаты, жизненные ритмы и способы существования во времени. Им соответствуют способы конструирования истории. На этом основании базируется метод «история семьи», при помощи которого социальная история рассматривается сквозь призму «жизненного пути» семьи и индивидов. Последовательное применение метода подтвердило, что модели семейных отношений, семейные традиции – в наследуемом, отрицаемом или трансформируемом виде — представляют контекст формирования жизненных стратегий [Томпсон, 2003] и определяют векторы социальной мобильности [Bertaux, 1994; Bertaux, Bertaux-Wiame, 1997; Thompson, 1997].

При изучении истории семьи под семьей понимается не нуклеарная семья, а сеть родственных отношений, имеющая вертикальное и горизонтальное измерения [Ткач, 2007: 274]. Семейная история включает линии жизни представителей нескольких поколений. Соотнесение персональных биографий позволяет понять, как создаются, передаются, модифицируются семейные модели поведения, ценности, цели, как осмысливается жизненный опыт — в зависимости от семейных ресурсов и конкретных обстоятельств, внутренних и внешних. В процессе взаимодействия с внешней социальной средой формируется семейная идентичность, основанная на взаимосвязи и взаимозависимости членов общности. Она занимает определенное место в иерархии других идентичностей, способствует или препятствует их формированию, усиливается в кризисные для семьи времена и ослабевает в периоды социальной стабильности.

Пониманию процессов спецпереселений, стратегий их участников способствует обращение к воспоминаниям самих действующих лиц из числа высланных семей. К тому времени, когда мемуары спецпереселенцев конца 1920-х – начала 1930-х годов стали активно записываться и публиковаться в России и на Западе, основную категорию мемуаристов составляли дети переселенцев и следующее поколение — носители опосредованных семейной памятью знаний и представлений [Memories of the Dispossessed, 1998; Раскулачивание, 2005; Раценас, 2006; Children of the Gulag, 2010 и др.]. Мы использовали воспоминания спецпереселенцев одного периода (1929–1934 годы) и одной поселенческой общности — города Хибиногорска Мурманского округа Ленинградской области (с 1934 года — Кировска, с 1938 года — Мурманской области). Материал есть

в региональных архивах, существует ряд публикаций различного вида и объема [Тимофеев, 2004; Тарараксин, 2006; Малыгина, 2014]. Большинство источников относятся к малодоступным даже в пределах области, поскольку они малотиражные и изданы силами авторов, на средства спонсоров и общественной организации «Хиби́нское добровольное историко-просветительское общество “Мемориал”».

Для детального рассмотрения были отобраны 60 текстов из сборников, изданных активистами «Мемориала» [Спецпереселенцы, 1997; Хибиногорск, 2012; Память, 2015]. Сборники имеют комплексный состав. Они включают кроме мемуарных текстов биографические материалы, архивные документы, статьи историко-краеведческого и публицистического характера. Анализ воспоминаний осложняется тем, что не всегда можно точно определить тип авторства, наличие и характер литературной обработки. Большой частью воспоминания, скорее всего, выполнены собственноручно. В других случаях они записаны интервьюерами. Анализ ряда текстов позволяет предположить, что существовал вопросник, который задавал структуру изложения. Очевидно, он был предложен мемуаристам членами «Мемориала» (или интервьюерами-журналистами, волонтерами). Использовался почтовый опрос, на что указывают отдельные языковые особенности. Некоторые тексты извлечены из архивов и атрибутированы в разной мере. При обращении к содержанию воспоминаний необходимо было учитывать вероятность различных форм сотрудничества авторов с профессионалами. Закономерно, что большинство мемуаристов — дети спецпереселенцев. В воспоминаниях воссоздаются истории семей, отправленных на работу в Хибиногорск, начиная с 1929 года. Основной массив воспоминаний относится к постсоветскому периоду, 1990–2000-м годам, хотя есть записи позднесоветского времени. Таким образом, мемуаристы — представители разных поколений: сами переселенные, на тот момент — трудоспособная молодежь; дети, которых привезли с родителями, и родившиеся вскоре после переселения (большинство); дети и внуки, родившиеся значительно позже описываемых событий (меньшинство).

Интерпретация основывалась на идее вариативности спецпереселения как процесса, который осуществлялся в определенных локальных контекстах, на современных социологических концепциях семьи и методе семейной истории.

Случай Хибиногорска

Современная наука принимает во внимание, что исторические события включают в себя социальные процессы с различными темпоральностями: долгосрочные, среднесрочные, циклические, единичные случайные события, индивидуальные или групповые решения и т.д. В силу различных причин они «объединяются все вместе особым образом, в особом месте, в особое время в определенной последовательности»; этим объясняется вариативность интерпретаций: «последствия данного действия не являются внутренне присущими данному действию, а будут зависеть от характера той социальной реальности, в условиях которой действие совершается» [Орлова, 2017: 73]. В частности, изучение истории спецпереселенцев в Карелии позволило сделать вывод о том, что «степень свободы спецпоселенцев в реальности могла зависеть от целого ряда факторов, не имевших отношения к правовым нормам, в первую очередь, от места их дислокации и предприятий, где использовался труд» [Вавулинская, 2013: 70].

Случай Хибиногорска характеризуется тем, что на территории, где ранее не было постоянного населения, в условиях Заполярья быстрыми темпами строились горно-обогатительный комбинат и город. Санитарно-бытовые, жилищные условия были критическими [Сулейманова, 2015], что вряд ли составляет специфику именно этого строительства. Можно предположить, что профиль строящегося объекта сказался на целом ряде сопутствующих обстоятельств. Создание горно-обрабатывающего предприятия химической промышленности требовало технологического обеспечения и квалифицированных кадров. Задачи определяли структуру руководящего состава, присутствие специалистов, необходимость технических знаний и образования у партийных и хозяйственных функционеров, допустимую при известных условиях степень их самостоятельности. Строительство, инициированное научными изысканиями, находилось под патронажем Академии наук, ленинградской парторганизации и С. М. Кирова. Все это не могло не отражаться как на темпах развития городской инфраструктуры, так и на характере режима и процессе обживания спецпереселенцев.

По всей видимости, среди переселявшихся циркулировали слухи о том, что есть места, где условия пребывания несовместимы с жизнью, а есть такие, в которых можно выжить. Слухи были противоречивы, они опирались и на стереотипные представления, и на знания, и на свидетельства очевидцев: «Когда где-то повернули, отец сказал: “Повезли на Мурман. Там нам будет гибель”. Прижал нас всех к себе и горько зарыдал, приговаривая: “За какие грехи нас хотят уморить?”» [Спецпереселенцы, 1997: 129]; «Бывалые люди сразу определили, что нас везут на Мурман. Это как-то взбодрило людей: Мурман — не самое гиблое место, там можно жить» [Память, 2015: 133–134]. В процессе спецпереселений членов семей то разъединяли, то воссоединяли (менялись нормативная база, категории спецконтингента, по-разному исполнялись инструкции [Земсков, 1990 и др.]). Родственники переписывались и узнавали о жизни в других местах. А. И. Ковалевская вспоминала, как плакали хибиногорские женщины, слушая рассказ ее маленькой дочки о голоде на спецпоселении в Приморском крае, куда девочка вначале была выслана с бабушкой и дедом [Память, 2015: 177].

Когда появлялась возможность сменить место спецпоселения, работе на новостройке отдавалось предпочтение. По воспоминаниям М. Бондаревой, ее семью вначале выселили на Урал, и как только отец узнал, что можно переехать в другое место, о котором известно лишь то, что это новостройка, он сразу принял решение: боялся, что зиму не переживут, умрут с голоду. Мемуаристка свидетельствует, что «желающих с окрестных сел набрался целый эшелон» [Спецпереселенцы, 1997: 47]. В рассказах о жизни в Хибиногорске, как правило, говорится о тяготах, болезнях и смертности в результате холода, скученности населения и инфекций. При этом почти нет упоминаний о голоде и массовых голодных смертях — атрибуте спецпоселений Архангельской области, Урала, Дальнего Востока. Худшими признаются условия труда на лесоповале: «Мужчин послали валить лес. Нас почти не кормили. Мы стали убегать, убегали, кто как мог» [Спецпереселенцы, 1997: 62]; «Было холодно, на голову капало, а хуже того — нечего было есть <...>. Если не можешь работать на лесоповале — иди в карцер. В карцере не давали еды до 12 суток» [Там же: 62] (в обоих примерах речь идет о Няндомском районе Архангельской области, авторы воспоминаний обе высланы с родителями из разных областей Украины). В воспоминаниях

о Хибиногорске отсутствуют такого рода подробности, касающиеся содержания спецпереселенцев и дисциплинарных мер, как нет и упоминаний о частых случаях бегства. Они изобилуют другими деталями, которые подтверждают тяжелые условия труда и быта.

Днем хибиногорские переселенцы работали на разных производственных участках, а по вечерам строили дома, «себе», как уточняют некоторые мемуаристы. Ситуация вполне ординарная для случаев, когда высланных привозили на неосвоенную территорию. В условиях строящегося нового города она приобретала специфические черты. Вначале строились деревянные бараки, а затем и каменные здания, жилые и общественные. От темпов и качества строительства зависело улучшение жилищных условий и качество жизни в целом. В экстремально сжатые сроки, повинаясь потребностям производства, создавалась городская инфраструктура, включая средние специальные учебные заведения и театры. В отсутствие «укорененных» культурных традиций советские утверждались вместе с городом. Бывшие крестьяне, не переставая быть невольниками, превращались в горожан и обретали идентичность «первостроителей города» [Змеева, Разумова, 2017]. Одна из типичных траекторий бывших хибиногорцев определяется сменой строительных объектов: «Строили улицу Хибиногорскую, водили туда на стройку. Затем жили в Старых Апатитах, на второй ферме. Строили. В 1936 г. перебросили всех в Мончегорск, строили соцгород» [Спецпереселенцы, 1997: 100].

Из возможных объяснений феномена «ударничества» спецпереселенцев наиболее аргументированной выглядит «семейная» версия. Пребывание на спецпоселении с семьями было стимулом для того, чтобы напрягать силы ради создания более благополучных условий жизни своей семье [Упадышев, 2006: 18]. В целом семейный фактор сыграл важную роль в модернизационном процессе, что хорошо сформулировал Р. Зидер: «Большинство людей готово подчиняться производственной дисциплине, и это объясняется не в последнюю очередь тем, что они делают это “для своих семей”». Таким образом, политическая функция семьи по поддержанию порядка сегодня заключается более не во власти отца семейства над нижестоящими членами семьи, а в той мотивации к труду и достижениям, которую порождает семья и которую экономическая система не может создать “сама собой”. С этой точки зрения семья в ее историческом отделении от сферы производства является фактором долгосрочного устойчивого поддержания готовности к труду» [Зидер, 1997: 292–293].

Одна из самых главных вех биографии спецпереселенца – восстановление в правах. У молодежи на это было больше шансов. Правовой статус разделял членов семьи на «вольных» и «невольных». «Вольные» использовали свой основной ресурс — относительную свободу передвижений для поддержания коммуникаций и взаимопомощи. В частности, они приезжали на спецпоселения за детьми, которых разрешалось увезти на родину, или отправлялись на поиски потерявшихся при переезде детей. Но возможна была и обратная ситуация, когда лишенные прав родственники становились обладателями ресурсов выживания.

Жизнь спецпоселенцев на строительстве заполярного города оказывалась лучше, чем у оставшихся в деревне близких. Каким бы скудным ни было материальное обеспечение хибиногорцев, особенно с точки зрения более позднего времени, признаем, что их положение не сопоставимо с тем, что было в колхозной деревне 1930-х годов. «Снабжением в общем были довольны. Хотя и

не всегда ели досыта. Давали пайки, деля две бутылки молока на месяц, а овощей долго не было» [Спецпереселенцы, 1997: 31]; «Голодать не приходилось, летом на деньги можно было купить и яблок, и даже арбузы. До 1933 г. картошек не было» [Там же: 32]. В целом сетования спецпереселенцев касаются правовой и экономической дискриминации (ограничения свободы передвижений, низкой оплаты труда и вычетов, отсутствия льгот) — и только в сравнении с «другими» хибингорцами: «еще полярные им платили, отпуска больше, путевки в дома отдыха и санатории, а нам отпуск 12 дней без выезда. За регистрацию брака с нас брали 15 рублей, а с вольнонаемных 3 руб. А за что такое наказание?» [Там же: 45]. Различия в уровне жизни побуждали семьи к воссоединению — «вольные» переезжали к высланным: «В 1935 году к нам с Украины перебралась моя старшая сестра. Ее муж и трое детей умерли с голоду» [Там же: 60]; «Теща приехала тоже с дочерью, не выдержала. К ним там, как к семье раскулаченных, плохо относились. <...>. Он им посылки туда посылал. Здесь много было чего купить <...>. А ее заставляли расписываться, а посылки не отдавали» (речь о деревне в Горьковской области) [Там же: 18]. Обратим внимание на то, что посылки отправляли не «с воли», а в обратном направлении; за счет родственных связей строящийся город делился с деревней.

Степень сегрегации родственников с разными правовыми статусами в пределах поселения зависела от решений местной администрации и фонда жилья. Как вспоминала М. П. Ильина (Макарова), когда в семью, проживавшую на поселении в Тик-Губе, вернулся ее брат, «его поселили к одинокому инвалиду и строго запретили посещать родителей, братьев, сестер. Он был вольный, имел паспорт, а мы, высланные, могли оказать на него дурное влияние. Помню, как мама посылала меня украдкой пройти к брату (он жил в другом доме) и отнести то супа, то хлеба» [Там же: 115]. В Хибингорске — Кировске, согласно воспоминаниям, в таких ситуациях родственники размещались «в тесноте, да не в обиде».

Спецпереселенцы, лишённые права покидать территорию, по мере обживания все больше идентифицировали себя с городом. Их траектории выстраивались в соответствии с местами работы, возможностями для улучшения бытовых условий, карьерного роста и детского образования, которые предоставлял город. Социальное самочувствие мемуаристов, бывших спецпереселенцев, на время написания воспоминаний определяется, в первую очередь, семейным фактором (наличием детей и внуков, их статусом, благосостоянием), а также осознанием своих заслуг перед городом и оценкой материальной и моральной компенсации за пережитые годы бесправия. А. И. Ермоченко (Дорошенко) так завершила свое повествование: «А рассказываю я о своей не слишком веселой и счастливой жизни потому, что хочу, чтобы о нас, старжилах Кировска и Апатитов, больше знала молодежь. Знала и уважала старших <...>. Ведь мы жизнь свою отдали, построили здесь все и вправе требовать достойного к себе отношения» [Там же: 64].

Семья как субъект принятия решений

Поскольку исследования по истории спецпереселений сосредоточены, главным образом, на деятельности государства в осуществлении репрессивной политики, его взаимодействия с прочими субъектами описываются большей частью в терминах власти и подчинения («смирения», «фатализма») или сопротивления («борьбы»). В частности, Л. Виола относит к формам

крестьянского сопротивления бегство, разбазаривание своего имущества, разделение семьи и развод [Виола, 2010: 66]. Использование категории «сопротивления» для объяснения поведения вынужденных переселенцев представляется не вполне оправданным. Как минимум, это понятие нуждается в дифференциации значений. В противном случае различные формы эскапизма или обмана придется приравнять к «борьбе» – выраженным протестным действиям (что также встречалось и заканчивалось трагически). Попытки обмануть власть и спрятаться от нее соответствуют другой стратегии — адаптивной. Это не борьба, а оборона. Такие действия нацелены не на противоборство с властью, а на избегание ее воздействия, минимизацию контактов с ней («отделиться малым» и дистанцироваться) и на физическое самосохранение. Историки констатируют, что депортированные «в экстремальной для себя ситуации продемонстрировали высокие адаптационные способности» [Земсков, 2005: 281–282]. Специалисты по изучению социальной памяти репрессированных считают, что дети спецпереселенцев обнаружили устойчивую способность к продуктивной жизни, несмотря на разрушение семьи и социальную стигматизацию. И с профессиональной, и с обыденной точки зрения, нередко кажется парадоксальным, что многие представители и потомки семей спецпереселенцев стали лояльными, и даже убежденными, советскими людьми. В попытках найти объяснение М. Кацнельсон и Н. Барон, в частности, пришли к выводу, что «кулацкие» дети не были пассивными жертвами, они брали на себя огромную ответственность за собственное выживание и благодаря этой жизненной стратегии, которая обозначается как «борьба», стали «нормализованными советскими гражданами» [Kaznelson, Baron, 2016].

Если и пользоваться понятиями «борьба» и «сопротивление», то субъектом в случае крестьян-спецпереселенцев следует признать не индивида, который защищал личные или классовые права или просто старался выжить, но семью. Как пишет Л. Виола, «некоторые с фатализмом смирились со своей участью <...>. Другие же выбирали самоубийство <...>. Но многие старались спасти хотя бы детей» [Виола, 2010: 66]. Субъект принятия решений здесь не назван (обозначен местоимениями), и стратегии поведения распределяются на некие группы индивидов. Между тем в крестьянской семье решение в большинстве случаев было делегировано главам семейств, принималось совместно родителями или на семейных советах: «Думали, что раздел семьи спасет от разорения, долго решали, но сделали вывод: “Будь что будет, будем вместе”» [Память, 2015: 128]; «Старшего сына родители отправили из дома в Карелию, чтобы он избежал участи ссыльного и получил паспорт» [Спецпереселенцы, 1997: 112] и т.д. Различаясь по форме, средства спасения основывались на использовании специфического семейного ресурса «совместности» (собственности, проживания). Им можно было манипулировать путем «разделов», «выделов», «разъездов», чтобы вывести семью из-под удара ради достижения стратегической цели — сохранения физической и символической целостности. Отделение части было одним из средств спасения семьи как преемственной общности.

Власть разделяла семьи по социальным и, скорее, прагматическим основаниям: на стройках социализма нужны были трудоспособные работники. Власть могла предоставить известный выбор, насколько это соответствовало ее

политическим и экономическим интересам, а делом семьи было принять его условия или отказаться: «Матери как батрачке предложили в ссылку не ехать. Могла ли она с 6-ю детьми жить одна? Папа сказал: “Вместе жить, вместе и помирать”» [Спецпереселенцы, 1997: 24].

Оказавшись на грани жизни и смерти, семья в лице тех, кто выступал от ее имени, могла делать выбор в пользу самоуничтожения: «Из дома всех выселили в баню. Отец хотел ее затопить, закрыть вьюшку, двери и умертвить всех угарным газом» [Спецпереселенцы, 1997: 100]. Однако необходимость сохранить потомков сдерживала индивидуальные эмоциональные решения: «Помню, плывя пароходом по реке, мать держала меня на руках, плача и рыдая от горя, что нас разлучили с родственниками и с родиной, пыталась кинуться в воду и утопиться. Отец вырвал меня из ее рук и сказал: “Ребенок не виноват, а ты топись, если жить надоело”» [Там же: 69].

В воспоминаниях членов семей и потомков спецпереселенцев преобладает альтруистическая мотивация поведения родных по отношению друг к другу. В первую очередь это относится к родителям, которые жертвовали здоровьем (единственным, что у многих оставалось) ради детей. Но личными интересами поступались не только родители, но и дети. З. Я. Малыгина (Тимошина), рассказывая, что на поселении в Хибиногорске от воспаления легких умерла ее красавица-сестра, уточнила: «Она не захотела остаться в деревне, выйдя замуж, а решила разделить участь родителей, не бросила их, хотя могла остаться “вольной”, как говорили раньше» [Спецпереселенцы, 1997: 106]; отец К. Д. Зайцева «не пожелал расставаться с отцом и решил разделить с ним судьбу» [Там же: 69]; у З. И. Шишовой выселяли только родителей, она могла остаться с бабушкой, но поехала с больной матерью [Там же: 98] и т.д.

Мотивы, по которым близкие родственники не хотят разъединяться в критический момент, в принципе, универсальны. Большей частью они социально-психологического свойства: эмоциональная привязанность, неизвестность будущего и места, куда увозят близких, страх за их жизнь и здоровье и за себя в их отсутствие, ненадежность соседской и иной поддержки и пр. Традиционной семье свойственна уверенность в том, что только внутри нее есть необходимый уровень доверия, и ценность семьи выше ценности личной свободы. Ценностный барьер разделил семьи, как и индивидов, на две социально-культурные категории. Дилемма «семья vs личная свобода» в данных условиях имела совершенно определенные официально-правовые основания. Семьи, которые отделяли часть себя «во спасение», обеспечивали не только продолжение рода перед лицом возможной смерти, но и сохранение статуса «вольного» тому, кого спасали. Это касается распространенных в период репрессий практик разводов, завещаний репрессированных своим детям и другим близким отказаться от них, односторонний разрыв контактов, имитация собственной смерти. В свою очередь, остающиеся «на воле» выбирали линию поведения в отношении высланных и репрессированных родственников. В период социального разлома семья особенно отчетливо проявила свою амбивалентную природу и заявила о своих правах, с одной стороны, требовать жертв от личности во имя продолжения рода и существования человека, с другой стороны, жертвовать собой, по существу, ради той же цели. В конечном счете, продолжение рода и осмысливается как способ противостояния власти и «победный» результат: «Невзирая на то что сталинская репрессия принесла много

горестей и печали нашей семье и семье старшего брата Павла, род наших родителей <...> не погиб, как этого хотели холоуи-исполнители Сталина, род их продолжается за счет детей, внуков и правнуков» [Спецпереселенцы, 1997: 83–84].

Память поколений

Выселение — рубежный момент истории семьи. У поколений внуков и правнуков спецпереселенцев он отмечает начало: «я (мои родители) — из семьи спецпереселенцев». В семейной памяти (семейном тексте) жизнь на утраченной родине до социальных притеснений и разорения предстает в типовом «вневременном» образе: благополучное хозяйство, большая дружная трудовая семья, любовь и согласие родителей, в развернутых вариантах добавляются описания красивой местности и деревни, картины счастливого детства. О. И. Ершова, высланная в составе большой семьи из Вологодской области, так описала родной дом: «Дом, усадьба, сад возле нашего подворья — все было ухожено, окружено деревьями: липами, черемухой, березой, яблонями. Рядом колодец. Постройки срублены из строевых бревен. Жили, как подобает настоящему деревенскому хозяину. Была изба-зимник, пятистенка, кухня, амбар, сарай, гумно. Лошадь, жеребенок, восемь овец, корова, теленок, поросенок, десять кур. В праздники приезжали гости. Отец играл на гармонии. Он усаживал меня рядом с собой, и я запевала старинные песни, частушки под гармонию» [Спецпереселенцы, 1997: 89]. Этот образ создается в контрапункте с последующими событиями, когда жизнь внезапно обрывается приходом в дом «чужих».

Существует и другой образ, относящийся ко времени, которое непосредственно предшествовало выселке. Семья перестала быть социально защищенной в своей деревне. В утверждениях о ее жизни в этот период подспудно присутствует стратегия оправдания, характерная для официальных советских автобиографий «выходцев из крестьян»: «Хотя об особой нашей зажиточности говорить не приходится, у нас и дома-то своего не было — жили у тети. И в колхоз отец вступил одним из первых» [Спецпереселенцы, 1997: 45]; «Все делали своими руками, никого не нанимали. Хозяйство было бедное, но были злые люди, которые завидовали моему отцу, что он в поте лица старался. Мои родители были неграмотные, забитые работой, трудом, не сидели сложа руки. Они первыми записались в колхоз. В хозяйстве было две лошади, две коровы, шесть овец, десять кур» [Память, 2015: 210] и т.п. Для сравнения — из заявления бывшего спецпереселенца о восстановлении в правах, написанного в форме автобиографии: «имел кустарное кожевенное ремесло, машинного производства не было, работал своей семьей, наемных рук не было. За что был выслан» [Спецпереселенцы, 1997: 129].

Зло предстает не только в виде деперсонифицированной силы («посчитали кулаками», «отобрали», «выселили»), но имеет конкретные воплощения: «Жили мы не богаче тех, кого не тронули, все, что имели, было нажито честным трудом. Уже в годы войны моя сестренка видела человека, который нас выселял, и слышала от него: “Они день рождения справляли и меня не пригласили. Вот я их и раскулачил”» [Спецпереселенцы, 1997: 50]. Причиной несчастья многие считали зависть или месть односельчан, поскольку в действиях власти они не могли найти разумной логики. Позже на спецпоселение приходили письма с родины о разграблении хозяйства земляками: «Пролетарии всю живность поделили и устроили “пир на весь мир”» [Память, 2015: 42].

В Хибиногорске, если судить по воспоминаниям, семьи спецпереселенцев оказались в среде равных: «Люди в это время старались как-то помочь друг другу, наверное, потому, что у всех была одна судьба, одно горе» [Спецпереселенцы, 1997: 45]; «Не было случаев, чтобы между семьями возникали какие-либо конфликты (при одной кухонной плите на 17 семей)» [Там же: 139] и т.п. Здесь все были переселенцами, хотя и разделенными на «вольных» и «невольных». Спецпереселенцы были дискриминированы во многих отношениях, но быт хибиногорцев мало в чем различался: «Несмотря на неравные социальные права, в бараке жили дружно <...>. Коридор, общественные места содержали в чистоте, очень мало выпивали. У барака был садик и клумба, и там же участок земли, где любой, кто хотел, мог иметь грядку и выращивать картофель» [Там же: 56]. Семьи включились в сеть социальной поддержки в пределах локального сообщества, основанного на традиционных коллективистских ценностях уже в новой форме советского коммунизма.

Коммунальный «барачный» быт — предмет ностальгии мемуаристов — стал основой адаптации к условиям советского общежития. Ответ на вопрос о том, каким образом выходцы из социально ущемленных семей стали убежденными или лояльными советскими гражданами, дает осмысление факта, что «индустриализация и урбанизация порождали такие формы совместного существования, как бараки, общежития, коммунальные квартиры. Эти коммунальные формы общности лишены идеологического измерения, так как их целью было прежде всего бытовое выживание, но именно они стали влиятельной силой и мощным фактором формирования советского человека в качестве реально существующего антропологического типа» [Круглова, 2009: 73].

Социальная интеграция спецпереселенцев в нормализованную советскую жизнь происходила на основе согласования таких ценностей официального советского дискурса и одновременно традиционной культуры, как «труд», «коллективизм», «равенство», «народность», «солидарность». Удар по семье со стороны советской власти по существу мало чем отличался от ущерба, нанесенного соседом, разграбившим чужое имущество. Просто во втором случае корыстные мотивы очевиднее. Выбор семьи заключался в том, чтобы или затаить злобу, передав ее по цепи поколений, и при случае отомстить (например, дождавшись войны), или внутренне «реабилитировать» обидчика, который проявил несправедливость сильного, наладить с ним мирное сосуществование, закрыв глаза на кардинальное расхождение по вопросу о ценности частной собственности. «Золотым веком» деревни фактически признается время перед раскулачиванием, то есть советские НЭП-овские 1920-е годы, о которых один из авторов воспоминаний заметил: «Так что хорошо жили. Но недолго» [Спецпереселенцы, 1997: 118].

Воспоминания о травматичном опыте выселения и о выживании на строительстве города в Хибинах сформировали коммеморативную («помнящую») общность спецпереселенцев. Можно было бы отнести такую коммеморацию к «негативной», или «обвиняющей историю» (по терминологии П. Нора). В некоторых текстах присутствуют резкие прямые обвинительные высказывания и во всех без исключения — описания тягот и страданий и их эмоциональные экспликации. Вместе с тем спецпереселенцев объединяет память о солидарности хибиногорцев и их трудовом подвиге — создании города. Опыт и коллективная память о нем не столько противоречивы, сколько амбивалентны.

Соотношение положительных и негативных значений и оценок зависит от целого комплекса факторов, включая целевое назначение текста и авторские интенции. Первостепенную роль играет семейный исторический дискурс, в рамках которого оценивается и транслируется опыт.

В большинстве спецпереселенческих семей старшие не обсуждали при детях и тем более с детьми политические вопросы, связанные с их положением. З. Я. Малыгина (Тимошина), родившаяся в Кировске уже после переселения родителей, размышляет: «Удивительно, почему мама никогда не говорила мне — пионерке, комсомолке, что советская власть несправедливо поступила с нами. Берегла меня или боялась, как все боялись в те годы? Вот поэтому я мало задумывалась, почему отобрали имущество у крестьян-тружеников, хотя собственность считается неприкосновенной» и т.д. [Спецпереселенцы, 1997: 108]. Политика умолчания как раз типична для советских семей и продиктована потребностями не травмировать ребенка, особенно если он сам не претерпел переселения, обеспечить ему беспроблемную государственную социализацию и не подвергать семью новой опасности. Дети и так испытывали на себе последствия лишения прав, особенно тогда, когда оказывались за пределами своего поселения. Если в Хибиногорске-Кировске они учились в техникуме или фельдшерско-акушерской школе, где «ощущали теплоту и внимание учителей-врачей, которые старались дать нам хорошее образование» [Спецпереселенцы, 1997: 122–123], то уехав, например, в Ленинград, рисковали быть исключенными из учебного заведения. Такой факт есть в воспоминаниях З.И. Шишовой, сестра которой хорошо училась и поступила в техникум, а «через восемь месяцев ее отчислили, велели в 24 часа покинуть Ленинград, поскольку она — дочь спецпереселенца, а следовательно, врага народа» [Спецпереселенцы, 1997: 100]. Потенциально конфликтогенным для семьи было положение, при котором дети рисковали всю жизнь прожить с «клеймом». Ряд мемуаристов утверждает, что так оно и было. Вряд ли можно установить соотношение семей, в которых дети предъявляли за это счет родителям, к тем, в которых такого конфликта не возникало. Можно только предполагать, что слишком наглядными были усилия родителей по обеспечению благополучия детей (многие из них получили высшее образование), и достаточно сильными традиции уважительного к ним отношения, к которому по мере взросления добавлялось сочувствие, для того, чтобы конфликт был выражен словами и поведением. В текстах воспоминаний этот момент проявился лишь один раз, на уровне оговорки: «Наверняка и меня из-за отца неоднократно проверяли <...>. Но, несмотря ни на что, я очень благодарна своему отцу — труженику, честнейшему человеку. Благодарна за то, что он воспитал нас такими же, как он. Горжусь им и в то же время очень его жалею. Оказывается, может быть и такое...» [Спецпереселенцы, 1997: 100].

Понятие амбивалентности лучше всего позволяет отразить противоречия в межпоколенных отношениях в семье «как на макроуровне в понятиях ролей и норм, так и на микроуровне в суждениях, эмоциях и мотивах» [Гурко, 2016: 90]. Оно наиболее точно обозначает отношения «отцов и детей» в семьях спецпереселенцев. Напряжение между поколениями из-за «противоречия между авторитарными семейными структурами и падением авторитета отцов», которые теряют престиж и возможность обеспечивать молодежь — закономерное следствие модернизации [Зидер, 1997: 228]. Логика этого процесса, который сопровождается формированием новых жизненных проектов, в российских

условиях дополнялась и корректировалась государственной советской социализацией, а в отношении «классово чуждых» групп также политикой, направленной на «правовой» раскол поколений. В совокупности эти причины способствовали дистанцированию молодежи от старшего поколения. Но это только с одной стороны. С другой стороны, общее переживание травмы, эмпатия, практическая необходимость в поддержке и культурная традиция не позволяли распасться семье спецпереселенцев в качестве социальной и культурной целостности.

Усиление идентификации с семьей проявляется у детей и внуков спецпереселенцев в подчеркнутом почитании родителей и предков, в культивировании семейной памяти и ее социализации, в частности, путем собирания документов и составления семейных историй, их публикации в печатных и интернет-изданиях, участия в мемориальных мероприятиях. Что касается судьбы родителей и прародителей, ключевые отношения — обида за них, жалость и благодарность за воспитание жизнестойкости: «Я иногда задумываюсь и очень сожалею о его стремлении к жизни, как он работал, как заботился, чтобы все дети его были одеты и обуты, — и на тебе, — все прахом прошло. Я всегда буду чтить его имя как человека, как отца, который все свои силы и старания отдавал, чтобы мы, его дети, были продолжателями его традиций» (об отце, из письма брата к К. З. Мильчевской) [Память, 2015: 204–205]; «Мы верили в людей, в справедливость, в возможность жить свободно. Эту веру воспитывали в нас наши родители» [Спецпереселенцы, 1997: 118].

Для мемуаристов, которые были свидетелями времени, воспоминания о травматичном опыте — это способ преодоления его последствий, связанный с социальной, поколенческой идентичностью. Их ностальгия по прошлому — это ностальгия по детству и юности, утраченной малой родине, а потом и стране. У потомков то и другое опосредовано идентификацией с родителями и прародителями. Потребность в сохранении семейной памяти находится в прямой зависимости, во-первых, от степени эмоциональной привязанности к близким, во-вторых, от социально-статусных амбиций. Наличие семьи (предков) «с прошлым» значительно увеличивает символический капитал личности.

«Из семьи спецпереселенцев» — маркер социального происхождения, который обозначает принадлежность к особой символической общности. Она включает цепь поколений, ассоциируется с конкретной территорией, отграничивает себя от других жителей этой территории, идентифицируется на основе семейной истории и мыслится исполнителем одной из главных ролей в истории региона. Все эти значения содержит высказывание составителя сборника воспоминаний: «Несколько поколений семей, берущих начало от спецпереселенцев, составляют костяк коренных жителей Кировска и Апатитов. Они не теряются в массе приехавших позже, их семейные предания хранят богатую историю народной жизни» [Спецпереселенцы, 1997: 11]. Символическая историческая общность «из спецпереселенцев» представляет «мемориальную группу» (П. Нора), у которой свое прочтение прошлого.

Представляется, что сейчас для российского общества, постоянно переосмысливающего свою историю, очень важно услышать все «голоса прошлого» (П. Томпсон) и одновременно не допустить перехода «от скромной памяти, которая лишь просит признания, уважения и хочет войти в большой нарратив коллективной истории нации, к памяти, обвиняющей и уничтожающей эту историю» [Нора, 2010].

Список литературы

Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х – середине 1950-х гг. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 337 с.

Виола Л. Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М.: РОССПЭН, 2010. 335 с.

Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи. М.: Институт социологии РАН, 2016. 210 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Gurko_Teoreticheskie_podkhody_k_izucheniyu_semyi_2_izd_electron_final_2016.pdf.

Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С. 3–21.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука, 2005. 306 с.

Зидер. Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX вв.). М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 1997. 302 с.

Змеева О. В., Разумова И. А. Спецпереселенцы Хибинского государственного университета // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 33–43.

Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: Изд-во РОССПЭН, 2003. 344 с.

Круглова Т. А. Ценности и символы «коммунальной коллективности» сквозь призму диалога поколений // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. Труды Уральского МИОНа; вып. 21. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. Т. 1. 244 с. URL: <http://hdl.handle.net/10995/23728>.

Мальгина З. Я. Мы родом из детства (Записано по воспоминаниям Кировчан). Кировск, 2014. URL: <http://www.docme.ru/doc/853735/my-rodом-iz-detstva>.

Муравьева М. Г. История брака и семьи: западный опыт и отечественная историография // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул: Изд-во «Аз Бука», 2001. С. 5–24.

Нора П. Расстройство исторической идентичности // Мир истории. 2010. № 1. URL: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm>.

Орлова И. Б. Историческое знание как предмет социологического анализа (феноменологический аспект) // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 66–77.

Память неподвластна времени / Сост. И. Я. Хищенко, А. А. Барсамов; Кировско-Апатитская районная общественная организация «Хибинское добровольное историко-просветительское общество “Мемориал”». Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2015. 227 с.

Раскулачивание и крестьянская ссылка в социальной памяти людей: Исследования, воспоминания, документы / Сост. Г. Ф. Доброноженко, Л. С. Шабалова. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. 295 с.

Раценас Р. Литва – Коми – Литва: записки спецпереселенца. Сыктывкар: Коми республиканский благотворительный общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние», 2006. 119 С.

Спецпереселенцы в Хибинах: Спецпереселенцы и заключенные в истории освоения Хибин (книга воспоминаний). Апатиты: Хибинское общество «Мемориал», 1997. 222 с.

Сулейманова О. А. Материально-бытовые аспекты повседневной жизни жителей Хибинского государственного университета. Новые гуманитарные исследования. 2015. № 3 (44). С. 489–492.

Тарараксин С. В. Судеб сгоревших очертанье. Мурманск: «Север», 2006. 148 с.

Тимофеев В. Г. История одной семьи. Повесть. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2004. 170 с.

Ткач О. Изучение истории семьи как стратегия качественного исследования // Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2007. С. 265–288.

Томпсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека // Хрестоматия по устной истории / ред. М. Лоскутова. СПб.: Изд-во ЕУ СПб, 2003. С. 110–145.

Упадышев Н. В. Спецпоселенцы в Северном крае: концептуальное видение проблемы. Часть 2: Кулацкие семьи в спецпоселках // Вестник Поморского университета. Гуманитарные и социальные науки. 2006. № 1. С. 14–23.

Хибиногорск. Память сердца. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2012. 360 с.

Bertaux D. Families and Mobility: The European Experience // Innovation. 1994. Vol. 7. No. 1. P. 89–104.

Bertaux D., Bertaux-Wiame I. Heritage and its Lineage: A Case History of Transmition and Social Mobility over Five Generations // Pathways to Social Class. A Qualitative Approach to Social Mobility / Ed. by D.Bertaux. P.Thompson. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 62–97.

Boss P. Family stress management: A contextual approach. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. 217 p.

Children of the Gulag / Ed. By Cathy A. Frierson, Semen Samuilovich Vilenskiĭ. Yale University Press, 2010. 450 p.

Kaznelson M., Baron N. Memories of Displacement: Loss and Reclamation of Home/Land in the Narratives of Soviet Child Deportees in the 1930-s // Displeced Children in Russia and Eastern Europe. 1915–1953: ideologies, identities, experiences / ed. by Nick Baron. Leiden: Brill, 2016. (Series: Russian History and Culture, vol.15). P. 97–130.

Lavee Y., McCubbin H.I., Patterson J.M. The Double ABCX Model of Family Stress and Adaptation: An Empirical Test by Analysis of Structural Equations with Latent Variables // Journal of Marriage and Family. 1985. Vol. 47. No. 4. P. 811–825.

McCubbin H., Patterson J. The family stress process: A double ABCX model of adjustment and adaptation // H. McCubbin, M. Sussman, & J. Patterson (Eds). Advances and developments in family stress theory and research. New York: Haworth, 1983. P. 7–37.

Memories of the Dispossessed: Descendants of Kulak Families Tell Their Stories / O. Litvinenko, J. Riordan (eds.). Nottingham: Bramcote Press, 1998. (Russian Memoirs Series). 110 p.

Thompson P. Women, men, and transgenerational family influences in social mobility // Bertaux and P. Thompson (eds). Pathways to Social Class. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 32–59.

Сведения об авторе

Разумова Ирина Алексеевна,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Razumova Irina Alexeyevna,

Doctor of Science (History), Chief Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities,
FRC KSC RAS

А. Г. Саморукова, В. П. Петров

ИСТОРИЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ВОДООБОРОТА ПРИ ПЕРЕРАБОТКЕ РУД ХИБИНСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ В 1970-Е ГОДЫ

Аннотация

В статье рассмотрен опыт участия академической науки в лице Кольского филиала АН СССР в научно-технологическом и организационно-техническом обеспечении решения значимой социально-экономической и экологической проблемы водооборота при переработке апатитонефелиновых руд Хибин. В социально-экономических и политических условиях советского времени важную роль в организации эффективного конструктивного взаимодействия науки и производства приобретали государственные и местные партийные и советские органы.

Ключевые слова:

оборотное водоснабжение, опытно-промышленная установка, проектные схемы, лабораторные исследования, полупромышленные испытания, охрана окружающей среды.

A. G. Samorukova, V. P. Petrov

THE HISTORY OF SOLUTION OF THE CLOSED WATER RECYCLING PROBLEM IN PROCESSING THE Khibiny DEPOSITS ORES IN THE 1970S

Abstract

The paper considers the experience that the Kola Branch of the USSR Academy of Sciences, the representative of the academic science, has got when taking part in the scientific-and-technological and organizational and technical support necessary in solution of a significant problem such as closed water recycling in processing the Khibiny apatite-nepheline ores. Of great importance under the socio-economic and political conditions of the soviet period was the significance of the state and the local party and soviet bodies in organization of effective and constructive interaction between science and industry.

Keywords:

closed water recycling, pilot plant, design schemes, laboratory investigations, pilot tests, environmental protection.

Анализ исторического опыта советского периода в деле научного обеспечения крупных организационных и технико-технологических проблем, связанных с освоением природных ресурсов Крайнего Севера показывает сложный, в отдельных моментах противоречивый характер и разнообразие форм и механизмов взаимодействия общества (в лице государственных и партийных органов), фундаментальной, отраслевой прикладной науки и конкретного народно-хозяйственного производства. На примере изучения организации и создания крупного горно-химического комплекса на базе Хибинских месторождений апатитонефелиновых руд было показано, что исследование и решение сложнейших технико-технологических задач, имеющих значимое, но не критическое социально-общественное или экологическое значение в условиях советской системы определялось уровнем и качеством непосредственного взаимодействия науки и производства практически без активной роли различных властных структур. К числу таких успешно решенных проблем относятся

исследования и реализация разработок по обеспечению безопасности проходческих и добычных работ в условиях напряженного состояния горных массивов [Саморукова, Петров, 2017: 21].

Если при создании новых промышленных предприятий или реконструкции и развитии уже действующих производств возникали проблемные вопросы, имевшие большое общественное значение, от решения которых зависели жизненные интересы людей, их здоровье, изменения экологической среды, важную роль приобретали властные (партийные и советские) органы различных уровней. Их активная роль проявлялась и в постановке задач, и в координации работ, и, главным образом, в контроле за их выполнением. Одним из примеров научного, технико-технологического и организационного решения подобных проблем может рассматриваться реализация оборотного водопользования на обогатительной фабрике АНОФ-2 комбината «Апатит» в Мурманской области.

Апатитнефелиновые руды Хибинского массива по минеральному составу и физическим и физико-химическим свойствам являются уникальными. Опыт промышленной переработки таких руд в мировой практике до начала организации первых производств в Хибинах отсутствовал. Это предопределило необходимость проведения исследований по комплексному использованию полезных компонентов этих руд с учетом минимальных воздействий на окружающую среду.

Одной из особенностей технологических процессов обогащения апатитнефелиновых руд Хибинского массива является потребление больших объемов воды.

Первая обогатительная фабрика АНОФ-1 была введена в эксплуатацию в 1931 г. и по проекту не имела очистных сооружений. С 1931 по 1956 гг. все производственные сточные воды фабрики сбрасывались непосредственно в р. Белую, по которой далее они поступали в оз. Имандра. Существовавшая изначально технология на горно-обогатительном предприятии допускала загрязнение водных объектов путем поступления недостаточно очищенных сточных вод. Только после ввода в 1956 г. первого и в 1963 г. второго хвостохранилищ АНОФ-1 появилась возможность складировать отходы флотации и проводить отстаивание сточных вод перед сбросом их в оз. Имандра [Кайтмазов, Панов, 1989: 88]. В результате принятых мер резко сократилось общее количество твердых веществ, сбрасываемых в оз. Имандру.

К концу 1950-х гг. фабрика АНОФ-1 достигла своих предельных мощностей. В марте 1959 г. началось строительство второй обогатительной фабрики АНОФ-2, которая была введена в действие в 1963 г. Фабрика была оснащена новым, более совершенным и производительным оборудованием. Некоторые машины, установленные здесь, ранее не выпускались в стране и были созданы специально для АНОФ-2.

8 декабря 1963 г., вскоре после того как мощность АНОФ-2 была доведена до 2,5 млн. тонн апатитового концентрата, в центральной печати было опубликовано приветственное письмо ЦК КПСС и Совета Министров СССР [Киселев, Краснобаев, Барабанов, 1981: 114]. В конце 1965 г. государственная комиссия подписала акт о приеме в эксплуатацию четвертой очереди фабрики, мощность которой была доведена до проектной и составила 5 млн т апатитового концентрата.

В 1960–1970 гг. перед комбинатом «Апатит» встала задача обеспечить дальнейшее наращивание обогатительных мощностей сверх достигнутых 10 млн т. При этом следовало учитывать, что расширение производства требовало решения чрезвычайно важной задачи по уменьшению загрязнения оз. Имандра. Только одна обогатительная фабрика АНОФ-2 к концу 1970-х гг. каждые сутки забирала из озера 400 тыс. м³ чистой пресной воды и почти столько же сбрасывала в озеро после ее отстоя в чаше хвостохранилища. При этом загрязнение оз. Имандра продолжалось, так как очищение воды в хвостохранилищах было недостаточным.

Единственным кардинальным решением, позволявшим полностью ликвидировать промышленные сбросы в водоемы, являлось внедрение оборотного водоснабжения. Проблема эта оказалась сложной. Опыта оборотного водоснабжения при обогащении таких руд ни в отечественной, ни в зарубежной практике не было. В 1967 г. у специалистов комбината «Апатит» появилась возможность приступить к планомерным научно-исследовательским работам, к которым подключились ученые КФАН СССР, Механобра, ЛИСИ, ГИГХСа, Ленинградского и Казахского политехнических институтов, Ленинградского и Московского горных институтов.

В 1969 г. комбинат «Апатит» определил институту «Механобр» задание на проектирование комплекса оборотного водоснабжения АНОФ-2. Проект был выполнен в приоритетном порядке и принят к реализации.

По инициативе Мурманского обкома КПСС в марте 1970 г. на базе КФАН СССР состоялось совещание с участием руководителей комбината «Апатит», инженерно-технических работников и ученых Кольского филиала АН СССР. В работе совещания приняли также участие представители Министерства химической промышленности СССР, Президиума АН СССР и др.

На совещании были рассмотрены основные проблемы развития комбината «Апатит», в том числе вопрос об использовании оборотного водоснабжения. Было признано, что в решении проблемы охраны окружающей среды, наряду с комплексной переработкой минерального сырья, исключительно важное значение приобретало освоение процессов переработки руд в замкнутом водообороте.

К этому времени над решением проблемы очистки технологических сточных вод и использования оборотной воды работал Ленинградский инженерно-строительный институт, работавший по теме «Разработка методов очистки технологических сточных вод обогатительных фабрик комбината» и Горно-металлургический институт КФАН, разрабатывающий тему «Применение оборотной воды для флотации апатитнефелиновой руды». Этими же проблемами занималась Центральная технологическая лаборатория комбината [Гущин, Колесников, 1971: 34]. Даже с учетом того, что велась напряженная работа, участники совещания констатировали, что не было закончено ни одной исследовательской работы по флотации апатита с использованием воды от слива хвостохранилища. Было признано, что проблему использования оборотной воды следовало на данный момент считать наиболее острой. В связи с этим совещание приняло решение о необходимости комбинату «Апатит» совместно с ЛИСИ, институтом «Механобр», ГИГХСом, КФАН СССР ускорить исследования и промышленную проверку наиболее эффективного способа очистки «хвостов» и использования оборотных вод при флотации. Рекомендовалось также все работы

по совершенствованию реагентных режимов флотации апатитовых руд осуществлять с учетом использования оборотной воды [Решение..., 1971: 144].

Решение совещания значительно активизировало работу. За относительно короткий срок исследователями Центральной лаборатории объединения «Апатит», ГИГХСа, ЛИСИ, КФАН и других организаций был выполнен значительный объем лабораторных исследований, показавших принципиальную и практическую возможность решения проблемы.

В обсуждении планов научно-исследовательских работ по проблеме водооборота на 1970-е гг. приняли участие директор Горного института д.т.н. И. А. Турчанинов и главный инженер комбината «Апатит» к.т.н. В. В. Гуцин. В 1971 г. между КФАН и комбинатом «Апатит» был заключен хоздоговор о совместной работе и о разделении сфер деятельности. По договору лабораторные исследования проводились в лаборатории поверхностно-активных веществ и поверхностных явлений Горно-металлургического института КФАН, а полупромышленные испытания — инженерно-техническими работниками комбината «Апатит» с участием сотрудников ГМИ. Руководителями работ являлись зав. лабораторией Н.А. Алейников и директор комбината «Апатит» к.т.н. Г. А. Голованов [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 897. Л. 27].

В 1972 г. сотрудники ГМИ завершили тему «Применение оборотных вод при промышленной флотации апатитонепелиновых руд» и передали комбинату практические предложения по организации оборотного водоснабжения.

Итоги совместной работы лабораторий ГМИ и обогатительного отделения Центральной технологической лаборатории комбината «Апатит» были рассмотрены на техническом совещании при главном обогатителе комбината и на общем заседании Ученого совета ГМИ. Заведующему лабораторией Н. А. Алейникову совместно с представителями комбината предписывалось разработать план мероприятий по подготовке и проведению испытаний использования оборотных вод на одной из секций АНОФ-2 в промышленных условиях. Руководство комбината «Апатит» обратилось в Отдел экономических исследований КФАН с просьбой провести экономическую оценку, связанную с использованием оборотных вод на обогатительных фабриках АНОФ-1 и АНОФ-2.

Во исполнение выработанных рекомендаций Горный институт совместно с комбинатом «Апатит» запланировал на 1973–1974 гг. проведение промышленных испытаний, однако по причинам, зависящим от комбината, такие испытания даже не были начаты.

В сентябре 1972 г. Постановлением Верховного Совета СССР о мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов нейтрализация вредных для природы и человека побочных явлений хозяйственной деятельности, какими являлись сбрасываемые фабрикой хвосты, была определена как важнейшая социальная и экономическая задача общества.

В свете постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 29 декабря 1972 г. «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» работа по использованию оборотных вод обогатительных фабрик комбината «Апатит» представлялась как государственная задача. Во исполнение указанного постановления были приняты подобные решения по вопросам охраны от загрязнения воздушной и водной среды Кольского полуострова Мурманским областным комитетом и Кировским городским комитетом КПСС.

В соответствии с указанными постановлениями КФАН регулярно направлял в Мурманский обком КПСС справки и донесения о ходе выполнения работ по охране от загрязнения воздушной и водной среды Кольского полуострова.

11 декабря 1974 г. На V пленуме Кировского горкома КПСС при обсуждении вопроса «О работе КФАН СССР по повышению эффективности научно-исследовательских работ и ускорению внедрения их результатов в производство» критике было подвергнуто руководство комбината «Апатит», которое практически сорвало работу, не обеспечив приобретения необходимых реагентов. В своем выступлении на Пленуме председатель КФАН д.г.-м.н. Г. И. Горбунов еще раз подчеркнул, что Горный институт уже с декабря 1974 г. готов приступить к комплексу работ, связанному с проверкой схемы прямой фильтрации хибинских руд и использованием оборотного водоснабжения.

Повышению эффективности научно-технических разработок и ускорению их реализации, в том числе по проблеме водооборота, во многом способствовало создание в 1974 г. в Горном институте КФАН опытно-промышленной обогатительной установки (рис. 1). Она являлась одной из важнейших составляющих экспериментальной базы, где отрабатывалась технология обогащения различных типов руд Кольского полуострова и других регионов страны при замкнутых системах водооборота [Токарев, Петров, 2014: 32].

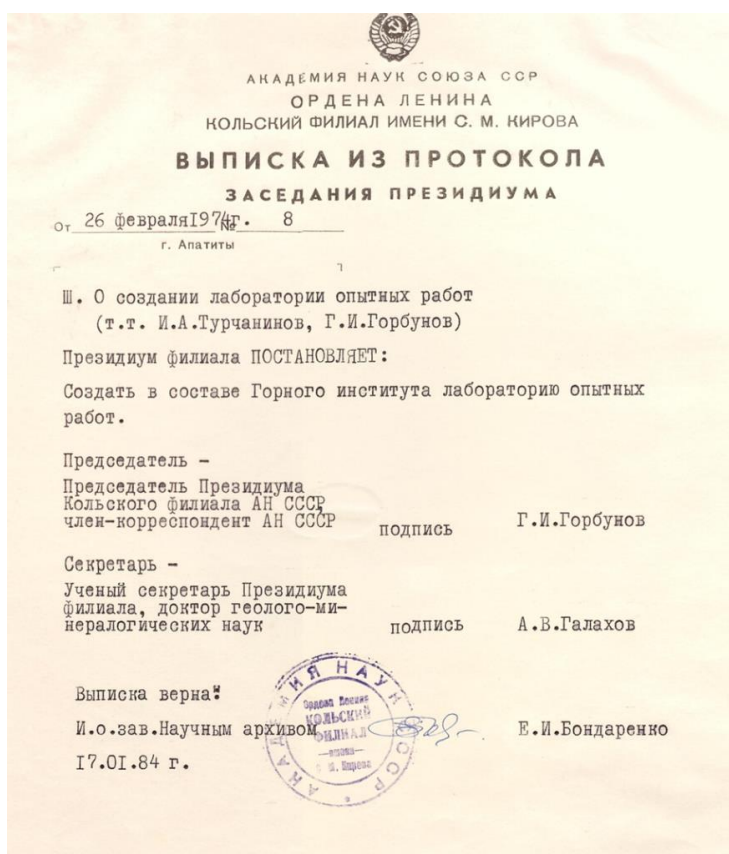

Рис. 1. Выписка из протокола заседания Президиума о создании лаборатории опытных работ

Опытно-промышленная установка была создана и введена в эксплуатацию под руководством к.т.н. А. И. Андреевой, заведующей лабораторией опытных работ Горного института (рис. 2).

Рис. 2. К.т.н. А. И. Андреева (справа) — заведующая лабораторией опытных работ

В создании установки и в целом в строительстве экспериментальной базы Кольского филиала АН СССР большую помощь оказывал секретарь Мурманского ОК КПСС В. Н. Птицын.

Перспективный план работы опытно-промышленной обогатительной установки (рис. 3) предусматривал проведение полупромышленных испытаний различных технологических схем и режимов, разработанных в Горном институте для комплексного обогащения руд Кольского полуострова. При этом предполагалось максимально использовать оборотные воды.

Рис. 3. Общий вид корпуса опытно-промышленной обогатительной установки

Рис. 4. Опытно-промышленная установки Горного института КФАН СССР

Институтом «Механобр» был разработан проект расширения и реконструкции АНОФ-2 с учетом результатов исследований, проведенных производственным объединением «Апатит», ГИГХСом и ЛИСИ по вопросам использования водооборота.

Изучение данного проекта сотрудниками ГМИ показало, что, несмотря на значительные капитальные затраты по механико-химической очистке части промышленных стоков, дальнейшее загрязнения оз. Имандра продолжалось. Исходные параметры для проектирования были представлены производственному объединению ГИГХСом и ЛИСИ без детальной отработки технологии получения апатитового и нефелинового концентратов.

Задача становилась все более актуальной в связи с тем значением, которое приобрели вопросы охраны окружающей среды в 1970-е гг. Увеличивающееся влияние хозяйственной деятельности человека на окружающую природу привело к необходимости пересмотреть представление о критериях прогрессивности той или иной технологии. Наряду с техническими и экономическими показателями важное место приобретал экологический фактор [Крючков, Моисеенко, Яковлев, Лукин, 1989: 8]. Так, в справке от 15 марта 1976 г. о ходе выполнения постановлений бюро Мурманского ОК и бюро Кировского ГК КПСС от 25 июля 1974 г. по вопросам охраны от загрязнения воздушной и водной среды Кольского полуострова руководство КФАН сообщало о том, что в целях предотвращения дальнейшего загрязнения оз. Имандра промышленными стоками комбината «Апатит» учеными КФАН выполнена работа по предварительной технико-экономической оценке оборотного водоснабжения на АНОФ-2. Основой послужили полупромышленные испытания технологии получения концентрата с использованием оборотных вод, разработанной в КФАН [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 938. Л. 74].

Одновременно с этим предполагалось, что перевод апатитнефелиновой фабрики на оборотное снабжение даст значительный экономический эффект,

который реализуется в смежных производствах и предотвратит экономический ущерб, наносимый производством оз. Имандре.

Справка в Мурманский обком КПСС содержала сообщение о выполненной КФАН работе по хозяйственному договору с производственным объединением в период с декабря 1975 по июнь 1976 гг. Горный институт в этот период провел полупромышленные испытания с целью проверки надежности рассматриваемой проектной схемы «Механобра» и определения возможности использования полного водооборота.

Программа испытаний была утверждена руководством ВПО Союзгорхимпрома и ставила перед учеными следующие задачи:

- проверку всех технологических показаний схемы, заложенной в проект;
- рекомендации по ее усовершенствованию в случае получения показаний ниже предусмотренных проектной схемой;
- определение технических требований к оборотной воде, обеспечивающих получение проектных технологических показаний;
- на основании полученных результатов предоставление данных для корректирования регламентов получения концентратов с использованием оборотных вод.

Испытания проектной схемы «Механобра» показали, что из-за высокого содержания в оборотной воде шламов, растворимых солей и органических соединений происходило значительное снижение технологических показателей получения апатитового концентрата, а транспортировка такой воды вызывала ряд технических трудностей.

В результате анализа результатов технологических испытаний было обнаружено, что ряд важных параметров недостаточно отработан. Главным недостатком являлось то, что в проект была заложена схема, которая не предусматривала комплексного извлечения ценных компонентов руды. Во всех проведенных промышленных испытаниях расход технологической воды был в два раза выше, чем в проекте и на действующем предприятии. Технологические параметры фильтрации апатитового концентрата были заложены в проект без какой-либо предварительной экспериментальной проработки.

Таким образом, принятая в проекте «Механобра» дорогостоящая механохимическая очистка технологических вод не обеспечивала защиты оз. Имандры от дальнейшего загрязнения. Помимо этого приведенные данные свидетельствовали, что реализация проекта могла затянуться на несколько лет.

Наряду с проведенными испытаниями по схеме «Механобра» была разработана и проверена в полупромышленных условиях новая технология обогащения апатитонефелиновой руды с поцикловым использованием стопроцентной оборотной воды, разработанная сотрудниками Горного института. При этом получены показатели обогащения более высокие, чем заложенные в проекте производственного объединения «Апатит». Предлагаемая КФАН схема обогащения апатитонефелиновой руды отличалась от проектной следующими технологическими решениями:

- использованием стопроцентного водооборота, исключавшего сброс промышленных стоков в оз. Имандру;
- применением оборотного водоснабжения отдельно для флотации апатита и нефелина.

Поскольку при рассмотрении отчета на техническом совете объединения «Апатит» 29 октября 1976 г. был высказан ряд замечаний, касающихся проведенных испытаний, Кольский филиал АН СССР принял решение осуществить в ноябре–декабре 1976 г. дополнительные испытания проектной схемы «Механобра» и обратился с просьбой в ВПО Союзгорхимпрома дать указание объединению «Апатит» и ГИГХСу, представить технологический регламент проекта и принять участие в проведении испытаний. Однако КФАН не получил ответа от Союзгорхимпрома, а объединение отказалось принять участие в работе.

В связи с этим дополнительные испытания были проведены по разработанной Горным институтом технологии с учетом замечаний, высказанных на техническом совете объединения «Апатит» 29 октября 1976 г. Испытания еще раз подтвердили ранее полученные данные о практической возможности 100 % циклового водооборота без снижения технологических показателей, достигнутых АНОФ-2.

Тем не менее и после дополнительных испытаний при рассмотрении отчета КФАН 1 марта 1977 г. руководство Союзгорхимпрома высказало мнение о необходимости продолжения испытания проектной схемы «Механобр». Не находя убедительных мотивов, КФАН в этом усмотрел несогласие Союзгорхимпрома с полученными результатами. Обращала на себя внимание и длительность сроков рассмотрения выполненной работы: отчет, представленный заказчику в августе 1976 г., был рассмотрен на техсовете Союзгорхимпрома только в марте 1977 г.

Однако, оценивая всю важность и необходимость решения задачи оборотного водоснабжения, руководство Горного института приняло решение включить в план работы обогатительной установки на июнь–июль 1977 г. проверку проектной схемы АНОФ-2 за счет бюджета АН СССР. Вместе с тем в Союзгорхимпром было направлено обращение дать четкие указания п/о «Апатит» и ГИГХСу обеспечить опытную установку рудой, реагентами и выделить ответственных представителей для участия в испытаниях на весь их период.

Сложившуюся ситуацию рассмотрело бюро Кировского ГК КПСС, и 6 апреля 1977 г. первый секретарь ГК КПСС Г. Г. Гильманов направил запрос председателю Президиума КФАН СССР Г.И. Горбунову с просьбой высказать мнение о преимуществах и слабых сторонах схемы оборотного водоснабжения АНОФ-2, разработанной институтом «Механобр». Помимо этого предлагалось изложить, в чем заключаются преимущества, а также недостатки схемы проекта КФАН СССР по водообороту, которые, по мнению руководства Союзгорхимпрома, исключали ее внедрение [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40. Д. 20. Л. 37].

В подготовленной для ГК КПСС справке «О флотации апатитонепелиновой руды на оборотной воде» была дана характеристика проекта «Механобра»: «Проектная схема оборотного водоснабжения АНОФ-2 выполняется институтом Механобр на основании исследований, проведенных п/о «Апатит», ГИГХСом и ЛИСИ. По этим данным в проекте предусматривается сброс в оз. Имандра около 20 % технологических вод. Капитальные затраты для осуществления механохимической очистки сбрасываемых стоков определены в сумме около 13,2 млн руб. Однако после механохимической очистки вода по химическому составу превышает предельно допустимые концентрации и будет продолжать загрязнять оз. Имандра.

Основные исходные параметры для проектирования АНОФ-2 с использованием оборотной воды не подтверждены детальной полупромышленной или промышленной проверкой. Разрабатываемый проект не решает основной задачи — защиты оз. Имандра от загрязнения» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 40. Д. 20. Л. 38].

В документе также отмечалось, что разработанная Горным институтом схема в целом не имела принципиального отличия от проектной схемы института Механобр, но являлась более надежной и обеспечивала полное использование технологических вод. Реализация предложенной КФАН технологии могла быть осуществлена без существенного изменения технической части проектной схемы.

По оценке сотрудников Отдела экономических проблем КФАН, экономия от внедрения в производство технологической схемы оборотного водоснабжения Горного института на АНОФ-2 по сравнению со схемой, принятой в проекте института «Механобр», составит 6,9 млн руб. [Пешев, Викторовская, 1977: 89].

Самое главное, новая схема решала основную задачу — исключить сброс технологических вод АНОФ-2 в оз. Имандру. Особенно отмечалось, что предлагаемая КФАН схема не была свободна от недостатков, но проверить и ликвидировать их можно было только в промышленных условиях. Поэтому с целью быстрого решения вопроса защиты оз. Имандры от загрязнения, повышения надежности проектных решений и своевременного ввода полного оборотного водоснабжения необходимо было ускорить организацию и проведение на АНОФ-2 промышленных испытаний схем оборотного водоснабжения.

14 июля 1977 г. бюро Кировского ГК КПСС вновь рассмотрело вопрос «О серьезных недостатках во внедрении оборотного водоснабжения АНОФ-2 производственного объединения «Апатит»». В принятом постановлении отмечалось, что руководство производственного объединения не принимает энергичных мер по сокращению и — в дальнейшем — полному прекращению сбросов промышленных стоков обогатительных фабрик в оз. Имандру. Загрязнение озера принимало угрожающие размеры. Механохимическая очистка, которая предлагалась институтом «Механобр», не предохраняла оз. Имандру от загрязнения взвешенными веществами и реагентами, а между тем объединение «Апатит» не решало вопроса о проведении промышленных испытаний в целях ускорения внедрения замкнутого водооборота. Бюро Кировского ГК КПСС постановило провести промышленные испытания разработанной Кольским филиалом схемы, предусматривающей внедрение полного водооборота на АНОФ-2, в течение 1978 г. Бюро потребовало от руководства объединения «Апатит» и треста «Апатитстрой» принять меры к выполнению утвержденных графиков строительства объектов оборотного водоснабжения. Срок ввода в эксплуатацию намечался на 1 сентября 1978 г.

В целях осуществления постоянного контроля за ходом внедрения водооборота Бюро признало целесообразным создать штаб при ГК КПСС.

Редакция газеты «Кировский рабочий» и радиостанция «Хибины» бюро горкома КПСС рекомендовало постоянно информировать читателей и радиослушателей о проводимых мероприятиях по внедрению оборотного водоснабжения на АНОФ-2.

С целью повышения эффективности исследований, ускорения их внедрения Кольский филиал и производственное объединение «Апатит» заключили в январе 1977 г. генеральный договор о научно-техническом сотрудничестве на 1978–1980 гг. В план совместных работ, в частности, было включено совершенствование технологии комплексного обогащения руд в условиях водооборота.

В сентябре 1977 г. в объединении «Апатит» состоялось техническое совещание по рассмотрению результатов полупромышленных испытаний использования оборотной воды при обогащении апатитонефелиновых руд на установке КФАН. На совещании присутствовали представители КФАН, объединения «Апатит», Союзгорхимпрома и ГИГХС. Вернувшись к рассмотрению результатов технологических испытаний, проведенных Горным институтом КФАН в 1975–1977 г., совещание приняло решение провести на АНОФ-2 в 1978–1979 гг. опытно-промышленные испытания обогащения апатитонефелиновой руды с использованием оборотной воды по технологии, предложенной Горным институтом КФАН [ГОКУ ГАМО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 7258. Л. 1].

Оборотное водоснабжение на АНОФ-2 планировалось с самого начала внедрять поэтапно, с постепенным вовлечением в систему водооборота все большего количества осветленной воды хвостохранилища вплоть до стопроцентного его использования.

С октября 1978 г. на АНОФ-2 началось использование оборотной воды в технологическом процессе обогащения апатитонефелиновых руд. По существу с этого периода производственное объединение вступило на качественно новую ступень в технологии обогащения апатитонефелиновых руд (табл.).

График поэтапного внедрения оборотного водоснабжения на АНОФ-2
[Петровский, Маслов, Пахомчик, 1989: 21]

Этап	Сроки освоения, год	Объемы, %
1 этап	1979	45
2 этап	1980	60
3 этап	1981	80
4 этап	1982	100

В декабре 1979 г. Президиум Филиала во исполнение постановления бюро Кировского ГК КПСС от 11 мая 1978 г. «О состоянии и мерах по ускорению внедрения научных разработок в п/о «Апатит»» утвердил планы работ на 1980 г., согласованные со службой главного инженера п/о по продолжению работ по оборотному водоснабжению на АНОФ-2.

В 1982 г. была сделана попытка перевести АНОФ-2 на стопроцентный водооборот. Однако резкое снижение технологических и экономических показателей работы фабрики отчетливо показало, что устойчивое ведение технологического процесса в условиях полного водооборота при традиционном реагентном режиме практически невозможно. Вместе с тем внедрение на АНОФ-2 восьмидесятипроцентного водооборота все же позволило резко снизить объем загрязнений оз. Имандры.

Таким образом, была принципиально решена проблема перевода обогатительных фабрик объединения «Апатит» на замкнутый водооборот при получении апатитового и нефелинового концентрата. Вместе с тем это не исключало необходимости дальнейшей доработки при внедрении этих режимов, так как не все процессы в полной мере моделировались в масштабе ОПУ. Ближайшей задачей являлась отработка оптимального реагентного режима, а именно промышленные испытания новых реагентов при флотации апатитонефелиновых руд на оборотной

воде. Велись и другие совместные исследования с целью повышения технико-экономических показателей обогащения руды по бессточной технологии [Петровский, Кельник, Бойко, Кайтмазов, 1989: 34].

Рассмотренный опыт участия академической науки в лице Кольского филиала АН СССР в научно-технологическом и организационно-техническом обеспечении важной социально-экономической и экологической проблемы водооборота при переработке апатитонефелиновых руд Хибин позволяет сделать некоторые выводы, существенные для понимания характера и механизмов взаимодействия науки и промышленного производства в условиях советского времени.

1. При разработке и практической реализации крупных задач по освоению минеральных ресурсов уже в то время по некоторым направлениям проявлялись элементы конкурентных взаимоотношений между академическими и отраслевыми институтами, что обуславливалось ведомственными интересами.

2. Практическая реализация (внедрение) научных идей и разработок академической науки в случаях, подобных рассмотренному проекту, требовала укрупненных опытных и опытно-промышленных испытаний и проверок. Одним из эффективных путей явилось создание в академических учреждениях соответствующей материально-технической базы.

3. В социально-экономических и политических условиях советского времени важную роль в организации эффективного конструктивного взаимодействия науки и производства приобретали государственные и местные партийные и советские органы.

Авторы статьи выражают благодарность руководителю Опытной промышленной установки Горного института М. В. Шкрибееву.

Список сокращений

АНОФ — Апатитонефелиновая обогатительная фабрика
АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
ВПО Союзгорхимпром – Всесоюзное промышленное объединение горно-химической промышленности
ГИГХС — Государственный институт горно-химического сырья
ГМИ — Горно-металлургический институт
КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
ЛИСИ — Ленинградский инженерно-строительный институт
Механобр — Всесоюзный научно-исследовательский и проектный институт механической обработки полезных ископаемых
ОПУ — опытная промышленная установка
п/о — производственное объединение
ЦК КПСС — Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза

Источники

ГОКУ ГАМО. Ф. 179. Оп. 1. Д. 7258.
НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 897.
НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 938.
НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 40. Д. 20.

Список литературы

Гущин В. В., Колесников В. Г. Состояние и задачи исследований по совершенствованию процессов разработки и обогащения апатитонефелиновых руд // Основные проблемы развития комбината «Апатит». Материалы совещания, проходившего в г. Апатиты 18–20 марта 1970 г. Апатиты, 1971. С. 29–34.

Кайтмазов В. А., Панов С. Н. Основные направления природоохранной работы в производственном объединении «Апатит» // Научно-технический прогресс в производственном объединении «Апатит». Ч. II. М., 1989. С. 88–92.

Киселев А. А., Краснобаев А. И., Барабанов А. В. Гигант в Хибинах. Мурманск, 1981. 200 с.

Крючков В. В., Моисеенко Т. И., Яковлев В. А., Лукин А. А. Экологическое обоснование замкнутого водооборота при обогащении минерального сырья // Теория и практика интенсификации флотации руд в условиях водооборота. Апатиты, 1989. С. 8–12.

Петровский А. А., Маслов А. Д., Пахомчик А. П. Практика работы АНОФ-2 производственного объединения «Апатит» в условиях оборотного водоснабжения // Теория и практика интенсификации флотации руд в условиях водооборота. Апатиты, 1989. С. 20–27.

Петровский А. А., Кельник Н. В., Бойко А.Ю., Кайтмазов В. А. Замкнутый водооборот на обогатительных фабриках // Научно-технический прогресс в производственном объединении «Апатит». Ч. II. М., 1989. С. 29–34.

Пешев Н. Г., Викторовская Т. И. Исследование экономической эффективности схем оборотного водоснабжения АНОФ-2 производственного объединения «Апатит» // Проблемы повышения эффективности общественного производства Мурманской области. Апатиты, 1977. С. 83–89.

Решение совещания по основным проблемам развития комбината «Апатит» // Основные проблемы развития комбината «Апатит». Материалы совещания, проходившего в г. Апатиты 18–20 марта 1970 г. Апатиты, 1971. С. 140–145.

Саморукова А. Г., Петров В. П. Опыт организации сотрудничества академической науки и производства: Кольский филиал АН СССР – комбинат «Апатит» (1960–1980 гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Вып. 9. С. 20–29.

Токарев А. Д., Петров В. П. К истории строительства Кольского филиала АН СССР — Кольского научного центра РАН в 1971–1998 годы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. Вып. 6. С. 29–47.

Ученые Кольского научного центра 1930–2010. Апатиты, 2010. 514 с.

Сведения об авторах

Саморукова Антонина Григорьевна,

научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Петров Валентин Петрович,

доктор геолого-минералогических наук, профессор,

директор Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Samorukova Antonina Grigoryevna,

Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

Petrov Valentin Petrovich,

Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Director of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.42-59
УДК 63 (092)(470.21)

С. А. Дюжилов

**«ХИБИНСКАЯ ЭПОПЕЯ» И. Г. ЭЙХФЕЛЬДА: МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ БИОГРАФИИ (К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)**

Аннотация

В статье рассмотрены малоизвестные фрагменты биографии И. Г. Эйхфельда, оставившего глубокий след в истории Кольского Севера. Представленные автором материалы отражают разные грани научно-организационной, просветительской и общественно-политической деятельности «беспокойного агронома из Хибин» в 1920–1930-е годы.

Ключевые слова:

Полярная опытная станция, полярное земледелие, апатитнефелиновая проблема, культурная трансформация, просветительство, депутатская работа, лидер общественного мнения.

S. A. Dyuzhilov

**"THE Khibiny EPOPEE" OF I.G. EHFELD: MATERIALS
FOR THE BIOGRAPHY (ON THE 125-TH ANNIVERSARY
OF THE BIRTHDAY OF THE SCIENTIST)**

Abstract

The paper deals with little-known facts of I. G. Eihfeld's biography who has played a very significant role in the history of the Kola North. The materials presented by the author present different sides of scientific-and-organizational, educational and social-and-political activity of a "restless agronomist from the Khibiny region" in the 1920s–1930s.

Keywords:

Polar experimental station, polar agriculture, apatite-nepheline problem, cultural transformation, enlightenment, deputy work, the leader of public opinion.

«Мурманчане меня никогда не забывают»

«Мурманский период» в жизни И. Г. Эйхфельда (с 01.04.1923 по конец 1940 года) занимает особое место в биографии ученого. Ветеран музейного дела, научный сотрудник Мурманского областного краеведческого музея С. П. Мартюшова в одной из своих публикаций по этому поводу приводит любопытное откровение самого Иогана Гансовича: «Когда я уехал из Мурманской области, то и потом имел хорошую интересную работу, почетные возможности, но если я в своей жизни и делал какие-то ошибки, так это то, что после семнадцати лет работы согласился оставить Север» [Мартюшова, 2015: 15]. Трудно однозначно оценить сказанное известным «покорителем Заполярья». Вряд ли слова-признания Эйхфельда можно назвать простой «дежурной» фразой, произнесенной им в знак благодарности за то, что «мурманчане его никогда не забывают». Иоган Гансович никогда не являлся чужаком и временщиком на Кольской земле, ему была присуща психология «коренного» северянина, проявляющего, по словам поэта и публициста В. А. Смирнова, глубокий интерес к любому месту нашей страны, к любому событию в ее жизни, чувствительность ко всему живому и, прежде всего, к ранимости заполярной природы. Смеем предположить, что в основе приведенного выше признания Эйхфельда, «засвидетельствовавшего свое сыновство» и любовь к Кольскому Северу, лежит

вполне разумное объяснение, подчеркнутое нами из переписки и общения проф. А. А. Киселева с Иоганом Гансовичем. Просто, как замечает патриарх мурманского краеведения, «работа известного ученого-селекционера на Мурмане в 1920–1930-е годы была самым счастливым периодом его большой и нелегкой жизни» [Киселев, 1993: 3].

Казалось бы, о деятельности И. Г. Эйхфельда на Кольском Севере многое известно. Однако достаточно углубиться в поднятую нами проблему, чтобы поймать себя на мысли, как много в мурманском периоде жизни ученого содержится «неизвестного в известном».

«Победитель суровой полярной почвы»

Начало систематическим почвенно-ботаническим исследованиям на Мурмане было положено еще в 1920 году одним из отрядов Севэкспедиции под руководством проф. Н. И. Прохорова. На следующий год по его же инициативе в Хибинах, как центральном месте для Кольского полуострова, началось строительство сельскохозяйственного пункта для проведения стационарных опытных работ, связанных с развитием огородничества в крае. Распространение семян среди местного населения, инструктирование по вопросам посадки и ухода за растениями производились Г. М. Крепсом и М. М. Хренниковой, «в лице которых Мурманский край и рабочий впервые столкнулись с агрономической помощью» [Труды Северной научно-промысловой экспедиции, 1922: 42]. К сожалению, по ряду объективных причин (прежде всего, из-за отсутствия финансирования) строительные работы в Хибинах в конце 1922 – начале 1923 годов были свернуты. Заметим, что на данном этапе институционализации аграрной науки на Мурмане среди его участников имя Эйхфельда еще не фигурирует, о чем свидетельствует предварительный отчет Севэкспедиции за 1921 год. Да и в воспоминаниях самого Иогана Гансовича ничего не говорится о его сопричастности к начинаниям почвенно-ботанического отряда проф. Н.И. Прохорова.

На переднем крае борьбы за разрешение проблемы полярного земледелия И. Г. Эйхфельд, выпускник Петербургского сельскохозяйственного института, оказался лишь весной 1923 года. В апреле он в качестве сотрудника Института опытной агрономии был откомандирован на Мурман с целью выяснения отношения мурманских партийных и советских органов к организации в губернии сельскохозяйственных исследований. Сама же эта поездка в Мурманск была впервые предпринята И. Г. Эйхфельдом по совету специалиста по вопросам сельского хозяйства, работника вновь созданного Колонизационного отдела Беяева, который также советовал ему встретиться с Г. М. Крепсом, тогда еще начальником северного участка агрономической службы Мурманской железной дороги.

Эта встреча состоялась в Петрограде, однако, по воспоминаниям И. Г. Эйхфельда, он точно не запомнил, когда же это произошло: до поездки в Мурманск или позднее. На наш взгляд, это во многих отношениях знаменательное событие приходится или на конец 1922 года, или, что более вероятно, на начало 1923 года (скорее всего, на февраль или март месяцы), когда была приостановлена деятельность опытного пункта в Хибинах. Нужно признать, что первая встреча Эйхфельда с Крепсом не добавила ему оптимизма по поводу дела на Севере, задуманного им еще на студенческой скамье. «Своей честной откровенностью Крепс привел меня в начале беседы в уныние. Оказывается,

в Хибинах нет готового жилья, имеется только кое-как сколоченная избушка лесорубов, в одном конце могут жить люди, в другом лошади. Имеется наспех собранный на вкопанных столбах сруб без окон и дверей, из инвентаря, в описи значатся одноконный плуг и борона “зиг-заг”. Лошади отправлены на лесозаготовки за озеро и едва ли будут возвращены к полевым работам. В Хибинах раскорчевано около гектара земли, а на площади около 200 м² во второй половине лета (1922 г.) произведены посевы. Эти сведения не очень меня обрадовали» [Музей-Архив ... НВФ 492: 4].

Возвращаясь к командировке И. Г. Эйхфельда в Мурманск, следует отметить, что здесь, согласно его же воспоминаниям, молодой агроном провел как минимум две встречи с представителями местной власти: сначала он встретился с секретарем Мурманского губернского экономического совещания В. К. Алымовым, а затем — с заведующим губернским земельным отделом Маругиным. В разговоре с Алымовым Эйхфельд поделился с ним своими планами по поводу продвижения земледелия на Крайний Север и был несколько обескуражен полученным на его вопрос ответом. «Вам мои намерения кажутся несерьезными?» «Нет, — был ответ, — Дело это нужное, но трудное. Я вспомнил, что к этому делу имели отношения несерьезные люди. Это осложняет ваши первые шаги» [Музей-Архив ... НВФ 490: 1]. Собеседник Эйхфельда имел в виду «прожекты» некоего доктора Черного (речь идет об известном оккультисте А. В. Барченко — С. А.), который предлагал земельному управлению легкомысленные проекты. В дальнейшем именно В. К. Алымов станет автором первого отклика в печати о результатах опытных посевов сельскохозяйственных культур в 1923 году.

Встреча И. Г. Эйхфельда с заведующим губернским земельным отделом Маругиным не нашла отражения в его известных нам воспоминаниях. Тем не менее можно предположить, что она вполне обнадежила покорителя суровой северной почвы в его планах на будущее. Косвенным подтверждением высказанного суждения служит записка Эйхфельда в Мурманское губземуправление, подготовленная 25 апреля 1923 года, то есть по горячим следам после проведенного им разговора с руководителем названного органа власти. В ней Эйхфельд обращается с просьбой к местным хозяйственникам:

- обеспечить сельскохозяйственный опытный пункт 5 пудами семян картофеля местного происхождения и оказать помощь ему в приобретении у местных огородников небольшого количества огородных семян и маточников для опытов по выращиванию огородных семян;
- выделить для него термометр, а также 50–100 туков извести для известкования почвы, 500 туков навоза и 50 туков водорослей для постановки опытов по удобрению почвы [Музей-Архив ... ОФ 95: 1].

Так, при содействии местных органов власти, с персоналом в количестве двух человек (в лице И. Г. Эйхфельда и М. М. Хренниковой) при годовом бюджете в размере всего 300 руб., отпущенного Колонизационным отделом Мурманской железной дороги, были продолжены работы на опытном пункте, начатые здесь еще в 1921 году. Одновременно в Хибинах развернулись научные исследования по вопросу продвижения растениеводства в условиях Крайнего Севера за Полярным кругом: был высеян большой набор селекционных семян, полученных в ВИРе (овощных, зерновых, кормовых культур и картофеля). Вся работа проводилась лично Эйхфельдом и Хренниковой при помощи только

поденных рабочих и поддержке местного лесничества (лесничего Я. И. Ромина, одновременно окончившего с Эйхфельдом сельскохозяйственный институт) [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 35. Л. 41–42].

С проведением в жизнь (с 1 октября 1923 года) постановления Совета Труда и Оборона (СТО) о колонизации Карело-Мурманского края опытные работы на Кольском полуострове перешли в ведение Колонизационного отдела Мурманской железной дороги. Согласно архивным данным 15 ноября того же года состоялось официальное открытие Хибинского сельскохозяйственного опытного пункта [ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Д. 157. Л. 51]. С весны 1924 года он функционировал уже на постоянной основе. Это событие знаменовало собой начало новой страницы в истории Хибинского опытного поля.

Под руководством И. Г. Эйхфельда агропункт в Хибинах становится опорным сельскохозяйственным научным учреждением Мурманского колонизационно-промышленного и транспортного комбината с отделениями в Коле и Лоухах. Его сотрудники развернули исследования широким фронтом: они одновременно начали изучать климат, типы и свойства почвы, разрабатывать приемы освоения и быстрого окультуривания, выяснять какие культуры и сорта были пригодны для выращивания в местных условиях, вести большую селекционную работу по выведению скороспелых, холодостойких и высокоурожайных сортов главнейших культур, а также разрабатывать приемы агротехники и меры борьбы с вредителями сельскохозяйственных растений, обеспечивающие получение высоких и устойчивых урожаев выращиваемых культур. К концу 1920-х годов усилиями немногочисленного персонала Хибинского опытного пункта было изучено около 4 тыс. образцов мировой коллекции растений, отобрано около 25 сортов разных культур, пригодных для возделывания в суровых условиях Заполярья. К этому времени первое сельскохозяйственное научное учреждение на Кольском полуострове уже располагало 15 га культурных площадей (как на минеральной почве, так и на осушенном болоте), имело вполне сложившуюся инфраструктуру, включающую в себя дома для персонала, агрохимическую лабораторию, агрометеорологическую станцию и музей.

В результате на основе исследовательских и опытных работ, проведенных Хибинским агропунктом под началом и при материальной поддержке Колонизационного отдела Мурманской железной дороги, были сделаны первые шаги по развитию сельского хозяйства как основы «быта колонизационного населения Карело-Мурманского края» [Федоров, 2009: 220].

Основными формами взаимодействия агрономической науки и практики на данном этапе стали:

- создание опытно-показательных огородов в хозяйствах переселенцев;
- объезды агрономами переселенческих поселков в целях инструктирования поселенцев по агровопросам;
- специальные обследования переселенческих хозяйств;
- подготовка методических рекомендаций для персонала агроучастков.

В этом деле Хибинский опытный пункт опирался на поддержку и помощь со стороны Мурманской железной дороги, о чем свидетельствует записка Эйхфельда от 7 сентября 1926 года в Колонизационный отдел. Приведем полностью текст этого документа:

«Лето 1926 г. на Кольском полуострове выдалось исключительно неблагоприятным для сельского хозяйства.

В силу неудовлетворительных результатов этого года прошу Колонизационный отдел Мурманской железной дороги освободить всех переселенцев от платы за отпущенные им семена огородных растений и от платы за семена картофеля (у которых картофель погиб).

Стоимость розданных огородных семян выражается в сумме около 30 руб., а картофеля около 150 руб.» [Музей-Архив... ОФ 101: 1].

Вовлечение переселенцев в сельскохозяйственное освоение колонизационного отвода, многогранная и бескорыстная помощь им в этом деле со стороны персонала опытного учреждения в Хибинах дали свои результаты. В 1926–1927 годах огороды и пробные посевы кормовых растений были уже в каждом переселенческом поселке, причем потребность для них в семенном картофеле полностью удовлетворялась сортовым посевным материалом Хибинского пункта. Избранный им сорт картофеля «Эпикур» разводился агробазами Мурманской железной дороги «Ильич» и «Зеленец», расположенными недалеко от Ленинграда, для снабжения семенным материалом переселенцев.

Говоря о научно-производственной деятельности Хибинского агропункта, нельзя не подчеркнуть его вклад в продвижение апатитонефелиновой проблемы. С первых же лет сельскохозяйственных опытных работ на Мурмане в связи со спецификой северных почв огромное значение приобрел вопрос о минеральных удобрениях, содержащих в себе три важнейших начала: известь, калий и фосфор. Однако, по словам геолога проф. П. А. Борисова, в то время об источниках удобрительного минерального сырья у нас на Дальнем Севере почти ничего не было известно. Предпринятые им в этом направлении предварительные изыскания на Кольском полуострове дали основание ученому уже в 1924 году сделать весьма оптимистический прогноз: «Мурманский север в вопросах сельского хозяйства, связанных с колонизацией края и использованием его торфяно-болотных площадей под сельскохозяйственную культуру, обладает достаточными, естественными ресурсами в отношении удобрительных в прямом и косвенном смысле минеральных тел, а по отношению калия и фосфора перспективы рисуются и больше, чем местного значения. Своевременно теперь об этом напомнить и подумать о выяснении и с научной и с практической точки зрения запасов того минерального сырья, которое явится залогом лучшего сельскохозяйственного будущего площадей заселения в крае, чем их настоящее естественное состояние» [Борисов, 1924: 5].

Создание туковой промышленности на базе предполагаемых местных источников удобрений, безусловно, отвечало интересам как Колонизационного отдела Мурманской железной дороги, так и его подразделения — Хибинского опытного пункта. Экспедиция 1924 года на Турьев мыс с участием проф. П. А. Борисова и его ученика И. Г. Эйхфельда (под началом своего наставника он еще в 1921 году совершил поездку в Карелию, во время которой у него впервые возникла мысль о работе за Полярным кругом, на Кольском полуострове), организованная по инициативе Иогана Гансовича и материально поддерживаемая Мурманским промышленно-транспортно-колонизационным комбинатом, стала своеобразной предтечей борьбы персонала агропункта в Хибинах за камень плодородия.

Имея прямое отношение к геологии агрономических руд, П. А. Борисов немало сделал для выявления источников минеральных удобрений в Карелии и на Кольском Севере. Уже будучи именитым ученым, И. Г. Эйхфельд воздаст должное проф. П. А. Борисову, который помог ему, начинающему агроному, не только осмыслить в его пионерной работе значение данных геологии для сельскохозяйственного освоения края, но и увидеть ее перспективы в этом направлении: «С большой благодарностью вспоминаю те годы, когда Вы своими чудесными лекциями пробуждали в нас, молодых студентах, интерес к научным исследованиям, познанию <...> Ваши напутствия и наставления помогли мне в годы самостоятельной работы» [Щипцов, 2014: 174].

За этими словами Эйхфельда на самом деле скрывается глубокий подтекст. Когда проф. Борисовым были открыты (начиная с 1923 года) месторождения нефелинового песка близ станции Хибинь, то его образцы он посчитал крайне важным передать для проведения опытов не только в центральные институты, но и непосредственно Эйхфельду. Результаты же опытных работ на агростанции показали, что нефелин, внесенный в почву, повышает в полтора раза урожайность растений. Вместе с тем в ряде отчетов, а также в научных трудах можно найти слова благодарности в адрес того же Иогана Гансовича за его всемерное содействие тем же участникам хибинских экспедиций. В своей работе «Месторождение нефелиновых песков на Кольском полуострове» проф. П. А. Борисов, в частности, замечает, что работам (с 1926 года) карельского геологического отряда Института по изучению Севера и его сотрудникам «постоянное содействие оказывалось со стороны заведующего Хибинской сельскохозяйственной опытной станцией агронома И. Г. Эйхфельда» [Борисов, 1929: 7].

С открытием А. Н. Лабунцовым в 1925–1927 годах апатитовых месторождений встал вопрос об их использовании в качестве минеральных (фосфорных) удобрений. Однако не следует забывать о том, что первооткрыватель камня плодородия был не единственным, кто стоял у истоков апатитового дела. Буквально за год до его первой находки коренного месторождения апатита на плато южного Расвумчорра специалист по нерудным полезным ископаемым Карелии и Кольского полуострова, уже упомянутый нами проф. П. А. Борисов, по сути, предвосхитил создание в Мурманском крае первого горно-промышленного района: «Мы не имеем пока экспериментальных данных над усвоением почвами фосфора из апатитовых пород нашего Кольского полуострова, которые не только в отношении их сельскохозяйственного применения, но и научно-геологического недостаточно изучены и, можно сказать, ждут своего освещения в практическом смысле — это задача ближайшего будущего» [Борисов, 1924: 4].

Уже во второй половине 1920-х годов академик А. Е. Ферсман и профессор П. А. Борисов выдвигают практическую проблему — найти способы переработки апатитовой руды на минеральные (фосфорные) удобрения для нужд сельского хозяйства России [Киселев, 2000: 2, 16]. К концу 1926 года были завершены лабораторные исследования доставленных в Ленинград хибинских пород. В руде оказалось от 40 до 60 % апатита и от 35 до 45 % нефелина. Одновременно шли промышленные испытания апатита на обогатимость и переработку в качестве удобрений. Для завершения экспериментальных работ требовалось еще хотя бы 50–60 пудов руды. Доставить ее по просьбе

А. Е. Ферсмана взялся агроном И. Г. Эйхфельд. Так было положено начало «горной болезни», охватившей весь коллектив «хибинцев».

23 сентября 1926 года Эйхфельд передал в Колонизационный отдел Мурманской железной дороги записку следующего содержания: «Прошу выделить около 500 руб. для добычи и вывоза на линию железной дороги апатитовой породы 200–300 пудов с целью проведения опытов» [Музей-Архив... ОФ 363: 1]. Когда разрешение было получено, борьба за апатит стала едва ли не основным направлением в деятельности Хибинского опытного пункта. Обозначим лишь в тезисной форме те пути, которые были использованы пионерами полярного земледелия для актуализации поднятой ими на новую высоту проблемы:

- поиски, заготовка и доставка апатитовой руды для проведения опытов по ее применению в туковой промышленности;
- работы Хибинского опытного пункта по установлению способов применения апатитовой породы в качестве удобрения;
- работы Хибинского агропункта по содействию геологоразведочным партиям;
- отстаивание И. Г. Эйхфельдом и его единомышленниками в различных кругах целесообразности скорейшего освоения хибинских апатитов.

Во многом благодаря коллективному труду работников сельскохозяйственного опытного пункта было положено начало коренному перелому в освоении Хибин и созданию апатитовой промышленности.

Таким образом, к началу широкого освоения природных богатств Кольского полуострова, когда встал вопрос о создании здесь местной продовольственной базы, первый научный центр полярного земледелия в России смог дать рекомендации по практическому решению этой задачи. Семилетний опыт комплексного изучения всех тех вопросов, от которых в той или иной степени зависели результаты плодотворной деятельности Хибинского опытного пункта, был положен в основу работ заполярного первенца — совхоза «Индустрия».

Исследования в области сельского хозяйства в Хибинах были признаны важной государственной задачей, содействовавшей освоению природных богатств Крайнего Севера. В 1935 году И. Г. Эйхфельд как руководитель этих исследований был отмечен правительственными наградами — орденом Ленина, премирован легковой автомашиной, ему была выделена денежная премия на постройку коттеджа и присвоено звание действительного члена Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина.

Сам Иоган Гансович рассматривал эти поощрения не столько через призму собственных заслуг, сколько считал их наградой за труд всего возглавляемого им коллектива «хибинцев». «Исследования в Хибинах, — заметит позднее Эйхфельд, — проводились не только в трудных природных условиях Приполярной зоны, но также при крайне скромных материальных средствах. В этих условиях самоотверженное отношение небольшой группы помогавших мне рабочих имело решающую роль для успеха дела ...» [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 35. Л. 73]. И это было сказано бывшим директором ПОСВИР вовсе не для красного словца. Так, по воспоминаниям М. Ф. Онохина, «полученную машину он передал в пользование станции, а на денежную премию был построен 4-х квартирный дом для рабочих ПОСВИРА». Кстати, продолжает

Михаил Федорович, «все поездки в командировки он производил за свой счет». И еще один штрих к биографии Эйхфельда по поводу рассматриваемого события. По словам того же Онохина, «чувство долга и внимания к подчиненным было всегда отличительной чертой И. Г. Эйхфельда. В 1935 г. он пишет мне: “Дорогой Михаил Федорович! Вчера вернулся после долгих поездок в Хибинь. Разобрал телеграммы. Среди них нашел и твои. И в этом случае мне приходится отметить твою огромную помощь в том деле, за которое меня наградили. Чувство большого долга перед своими лучшими товарищами и помощниками в работе, и особенно перед тобой, на плечи которого пала самая трудная часть в начальном периоде работ <...> Немного поправлюсь, приеду в совхоз. Привет тебе, Неклюдову и семьям. Твой И. Эйхфельд”» [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р- 194. Оп. 1. Д. 35. Л. 48].

Середина 1930-х годов стала «звездным часом» для беспокойного агронома, возвысив его до героя своего времени. При этом Эйхфельда подпирали его сподвижники по «хибинскому цеху», ощущавшие свою пионерную роль в деле сельскохозяйственного освоения Крайнего Севера: «Высокая награда, которую получил наш руководитель, возлагает на весь коллектив нашей станции еще большую ответственность за успешное разрешение поставленных перед нами дальнейших задач.

Мы, работники станции, обязуемся в самый короткий срок вывести скороспелые и урожайные сорта картофеля, овощных и зерновых культур, внедрить их в колхозы и совхозы Крайнего Севера и тем самым оправдать эту высокую награду, полученную нашей станцией в лице директора и научного руководителя Эйхфельда» [Полярная правда, 1936, 8 января: 3].

Посвировцы были искренне уверены, что только прогресс науки обеспечит будущее процветание страны. К сожалению, в 1930-е годы ее отношения с властью претерпевают серьезные изменения. В условиях жесткого административно-государственного управления происходит невиданная политизация, идеологизация и бюрократизация науки. Деформация общественного сознания неминуемо вела к становлению и неуклонному усилению антинаучных концепций. В биологии их выразителями стали Т. Д. Лысенко и его сторонники, получившие публичную поддержку И. В. Сталина. Построения Лысенко, выдававшиеся на самом высоком уровне за некую передовую советскую науку, не могли не оказать влияние и на деятельность Полярной опытной станции во главе с Эйхфельдом. Впрочем, обозначенная выше проблема, как нам представляется, для объективного своего разрешения потребует выявления и анализа целого корпуса еще неопубликованных первоисточников.

В культурной среде региона

Наряду с выполнением своих основных профессиональных обязанностей научное сообщество Хибин проявило удивительную сопричастность к процессам великой культурной трансформации края, направив свою энергию на создание здесь социально-значимых научных и культурных институтов (опорных сельскохозяйственных пунктов Мурманской железной дороги в Коле и Лоухах, Хибинской горной станции Академии наук, Лапландского заповедника, Краевого музея и Общества изучения края в г. Мурманске), а также на презентацию своих «продуктов» (таких как: пропаганда агрознаний, экскурсии, выставки, публикации в периодике и т.д.), ценностей и норм новой региональной культуры.

С началом индустриализации края стали складываться предпосылки для перехода от экспедиционной деятельности отдельных отрядов к стационарной работе. Академия наук в начале первой пятилетки инициировала создание на базе Кольской комплексной экспедиции Хибинской горной станции — первого многопрофильного учреждения на Кольском Севере. Деятельное участие в этом начинании приняли Мурманская железная дорога вместе с Хибинским агропунктом. На Эйхфельда в феврале 1928 года с его согласия Мурманской железной дорогой была возложена обязанность принять на себя руководство постройкой сторожки в Хибинах (у истока р. Белой и оз. Вудъявр) для горной станции Академии наук. В распоряжении старшего агронома Колонизационного отдела находился специальный счет № 9, куда поступали деньги на строительство «академического» объекта. Куратором Эйхфельда в этом вопросе выступал представитель Правления железной дороги Н. Я. Овчинников. В фондах Музея-Архива ЦПИ КНЦ РАН не только отложилась служебная переписка между ними по поводу постройки деревянного строения, размером 2 на 3 сажени, но и представлен текст трудового соглашения Иогана Гансовича с рабочим Петром Случнис о заготовке леса на берегу оз. Вудъявр (всего на сумму 462 руб. 50 коп.) и переселенцем Зосимой Куимовым, который брал на себя перевозку фуража, разного имущества и материалов от Хибинского опытного пункта до оз. Вудъявр на расстояние 30 км [Музей-Архив ... НВФ 1029–1031: 1–3].

Таким образом, давнюю мечту А.Е Ферсмана о постройке небольшой хижины, ставшей бы местом приюта для геологов-первопроходцев, суждено было воплотить в жизнь при активном содействии правления Мурманской железной дороги И. Г. Эйхфельду — одному из основателей первого научного учреждения в Хибинах.

Как известно, Хибинский опорный пункт возник на базе опытно-огородного хозяйства — временной точки Севэксспедиции, так до конца и не обустроенной. Немало усилий для сохранения Хибинского поля приложил Г. М. Крепс, в итоге передав его в «наследство» Эйхфельду. Позднее Иоган Гансович признавался: «Я чувствовал всегда должником перед ним. Я понимал, что если бы в Хибинах в 1922 г. не были проведены работы по корчевке и обработке земли, мне весной 1923 г. не за что было бы зацепиться, в том же году произвести посевы не удалось бы» [Музей-Архив... НВФ 492: 3]. Спустя семь лет Крепс станет первым директором Лапландского заповедника. Но уже не без участия благодарного Эйхфельда. Будем объективны, именно Иоган Гансович своими помыслами, начинаниями и инициативами во многом предвосхитил появление особо охраняемых территорий на Кольской земле, всячески способствовал становлению и развитию кольской экологии как биологической, так и культурной, или нравственной.

Еще в августе 1924 года состоялось его путешествие в бассейн реки Чуны с партией работников леса (лесничим Я. Роминым, инженером по лесозаготовкам Н. Неведомским) с целью выяснения возможности организации заготовки леса на Чуне и его сплава. Позднее, вспоминая этот, казалось, ничем не примечательный эпизод из своей биографии, Иоган Гансович скромно заметит: «Я “охлаждал” лесников в их намерениях. Не уверен, имели ли влияние мои соображения о сохранении в этом районе леса, но в то время лесозаготовки на Чуне не были намечены. Возможно, истинная причина заключалась в том, что Чуна будучи мелководной и извилистой рекой вызывала большие трудности вывоза и сплава леса» [Музей-Архив ... НВФ 492: 5].

А уже на следующий год в «Вестнике Карело-Мурманского края» (№ 14) появится публикация Эйхфельда о целесообразности создания заповедника в районе Чуна-тундры, которая нашла полное понимание и поддержку со стороны тогдашнего научного сотрудника Александровской биологической станции Г. М. Крепса. Вот такое удивительное переплетение судеб мы наблюдаем в «мурманский» период этих двух ученых-единомышленников.

Трудно представить, чтобы один человек мог стоять у истоков целого научного кластера в Хибинах. Надо признать, что всеохватывающее подвижничество «беспокойного» Эйхфельда заставляет нас в это поверить.

Время стирает человеческую память. Но стоит прикоснуться к архивному документу, и память оживает. Настоящей находкой для нас стали воспоминания первого руководителя Мурманского областного краеведческого музея М. Н. Михайлова о краеведческой деятельности И. Г. Эйхфельда. Приведем некоторые выдержки из этого восьмистраничного документа: «В октябре 1926 г. в Мурманске возникло общество краеведения и музеев. Иоган Гансович отлично понимал значение и научно-общественную ценность этих учреждений и естественно явился одним из учредителей и активным членом их.

С целью пропаганды сельскохозяйственных достижений и возможностей ежегодно осенью в музее устраивалась выставка экспонатов урожая зерновых, огородных культур и кормовых трав Хибинского опытного пункта. Я вспоминаю то исключительно большое впечатление, которое оказывала выставка на посетителей украшенная в октябрьские дни яркими цветами с клумб пункта. Это было необычно для Заполярья и города, так как он в те годы имел иной рисунок; мало было благоустроенных домов, преобладали бараки и среди них бараки-чемоданы, сохранившиеся от первых лет возникновения города, интервенции.

Кроме того И. Г. Эйхфельд часто выступал в местной печати и журнал «Карело-Мурманский край» регулярно публиковал его статьи... В связи с 10-летним юбилеем журнала ЦИК и СНК АКССР постановил 29 декабря 1932 г. п. б. (№ 1–2, 1933): старейшего сотрудника журнала «Карело-Мурманский край» агронома т. Эйхфельда И. Г., опубликовавшего по северному земледелию ценнейшие работы — наградить библиотекой специальной литературы стоимостью в 500 руб.» [Музей-Архив ... НВФ 47: 6].

Рассуждая о библиографии работ ученого, трудно не согласиться в этой связи со словами писательницы А.Б. Ложечко: «Эйхфельд так и не нашел времени для того, чтобы в виде увесистого тома изложить свои исследования» [Ложечко, 1969: 68]. Его библиографическое наследие, относящееся к 1920–1930 годам, нам еще предстоит в полной мере «открыть» и оценить. Например, среди его работ имела место рукопись, посвященная разведению картофеля и овощей среди местного населения с целью улучшения его питания. Была ли она издана на русском языке, нам доподлинно неизвестно, а вот на саамском языке — вполне возможно. Сохранился любопытный архивный документ — выписка (адресованная И. Г. Эйхфельду) из протокола № 11 заседания Президиума Комитета нового алфавита при Президиуме Мурманского окрисполкома от 19 марта 1934 года, в которой за подписью Луйска и Чернякова четко записано: «Считать необходимым издание на саамском языке статьи тов. Эйхфельда “Улучшим питание разведением картофеля и овощей”» [Музей-Архив ... ОФ 94: 1].

За короткий период деятельности названного комитета (1933–1936 годы) не только был разработан саамский алфавит на латинской основе, но и начался

перевод и выпуск книг на саамском языке. Их тематика отражала те изменения, которые происходили в это время в регионе. Под влиянием культурной революции в тундре менялся уклад жизни коренных жителей Кольского полуострова. С переходом к оседлости саамы стали более интенсивно заниматься земледелием. Поэтому неслучайно в списке готовившихся Мурманским окружным Комитетом нового алфавита изданий на саамском языке наряду с учебной литературой, предназначенной для ликвидации неграмотности среди кольских саамов, оказалась уже упомянутая нами рукопись Эйхфельда, представляющая собой тогда, на злобу дня, что-то вроде памятки и агитки для начинающих огородников. Не вызывает сомнения, что подобный книжный раритет для нынешних краеведов не может не представлять библиографической и исторической ценности.

Иной исторический подтекст имеет работа Эйхфельда, посвященная культурным пастбищам Скандинавии. Ее появлению предшествовала командировка ученого к нашим северным соседям в 1928 году для ознакомления с методами и результатами опытных селекционных станций и обществ по культуре болот Финляндии, Швеции, Норвегии и Дании. На ее результаты большое влияние оказало знакомство Эйхфельда с датским полярным исследователем и писателем Петером Фрейхеном, о котором Иоган Гансович оставил краткие воспоминания. Прочитируем небольшой отрывок из них: «Благодаря любезности и неутомимости Петера Фрейхена я имел возможность познакомиться с рядом хозяйств – от самых крупных до самых небольших». И далее: «Позднее в 1937 г. в приемной О. Ю. Шмидта произошла моя вторая встреча с ним» [Музей-Архив ... НВФ 491: 2]. Собранный Эйхфельдом во время этой поездки материал и был положен в основу названного труда, вышедшего в свет в Ленинграде в 1929 году. По нему широкие круги советских агрономов впервые ознакомились с опытом создания и использования культурных пастбищ, имевшим, по словам Эйхфельда, для северных территорий нашей страны большую экономическую целесообразность. Достижения науки и практики сельского хозяйства скандинавских стран были в дальнейшем использованы в работе как Хибинского опытного пункта, так и хозяйств Кольского Заполярья.

Возвращаясь к воспоминаниям М. Н. Михайлова о краеведческой деятельности Эйхфельда, нельзя не заметить, что известный зачинатель музейного дела на Мурмане лишь контурно обозначил заслуги Эйхфельда на этом поприще. К примеру, им не был затронут вопрос о вкладе Иогана Гансовича в практику экскурсий в Хибирах.

Много раз Эйхфельду как директору опытного пункта приходилось принимать в качестве гостей иностранных ученых. Первым из них побывал в Хибирах проф. Лондонского университета Р. А. Гэтс в 1926 году (автор книги «Наследственность и евгеника», 1926). В 1928 году по дороге в Мурманск пожелали сделать остановку на станции Хибины и посетить сельскохозяйственный опытный пункт участники Международного арктического конгресса. Для них, по воспоминаниям Эйхфельда, наспех была приготовлена небольшая выставка с натуральными экспонатами и фотографиями. «Было, — отмечает известный ученый-агроном, — еще начало лета, всходы на полях едва покрывали землю, кругом была безрадостная лесная гарь. Да и дороги не было со станции на опытный пункт — только тропа между камней, пней и еще не убранных обгорелых стволов» [Музей-Архив ... НВФ 491: 2]. Среди посетителей

агропункта вполне мог оказаться и знаменитый норвежский ученый полярник Фритьоф Нансен. Но вот незадача, заболела супруга, и он вынужден был срочно вернуться в Осло. Сохранились ли фотодокументы, запечатлевшие это событие, нам неизвестно. Зато мы можем лицезреть фото одного из ведущих американских физиологов растений Р. Гарвея на страницах журнала «Карело-Мурманский край» (1929), сделанное в отрогах Хибин (у горы Тахтарвумчорр) и размещенное Эйхфельдом в его статье «Экскурсионное дело и охрана природы в Хибинских тундрах».

«Лицо» и «рупор» мурманчан

Нельзя в полной мере оценить феномен Эйхфельда в рассматриваемый нами период, не обращаясь к его многогранной общественной деятельности. Контурно обозначим и проиллюстрируем примерами некоторые из его «кипостасей» на этом поприще.

Революция 1917 года не только открыла для Эйхфельда путь в науку, но и позволила ему реализовать свой организаторский потенциал. В качестве солдатского депутата он принимал участие в работе Чрезвычайного и Второго съездов Советов крестьянских депутатов. В студенческие годы (1918–1923) Эйхфельд постоянно работал в выборных студенческих органах, был уполномоченным Наркомпроса по социальному обеспечению студентов, членом правления Петроградского сельскохозяйственного института. Неудивительно, что и в «мурманский период» своей жизни Иоган Гансович практически всегда находился в эпицентре важнейших событий, происходящих в крае. В Хибинах И. Г. Эйхфельд в течение многих лет был членом исполкома местного сельского Совета (Экостровского сельсовета). В 1934 году он был избран членом Мурманского окружного исполкома, а в 1939 году — Мурманского облисполкома Совета депутатов трудящихся. В послевоенные годы И. Г. Эйхфельд четыре раза избирался депутатом Верховного Совета СССР и трижды — депутатом Верховного Совета Эстонской ССР [На пути к обновлению земли, 1968: 23].

И все же, рассматривая депутатскую деятельность знаменитого ученого в Советах разных уровней власти, следует иметь в виду, что первый опыт работы в качестве народного избранника он обрел именно на Кольской земле. Это позволило ему в дальнейшем, будучи Председателем Президиума Верховного Совета Эстонской ССР, поставить на разрешение перед Верховным Советом СССР вопрос о повышении эффективности работы местных органов власти — сельских Советов.

Какую бы общественную работу, малую или большую, Иоган Гансович не выполнял, он всегда исключительно добросовестно относился к своим обязанностям [На пути к обновлению земли, 1968: 23]. В Хибинах Эйхфельд нередко по вечерам после выполнения своих основных трудовых обязанностей помогал работникам сельского Совета составлять планы работы, отчеты, оказывал помощь в финансовой деятельности. Став членом Мурманского окружного исполкома, он поднимал важные общественные вопросы, добиваясь решения реальных жизненных проблем своих избирателей, учреждений, в которых они сами трудились. Так, в одном из своих докладов на заседании Пленума Кировского райисполкома (от 16 августа 1935 года) Эйхфельд, указав на плохо налаженное культурно-бытовое обслуживание персонала Полярной

опытной станции, добился от местного органа исполнительной власти принятия, в частности, следующих решений:

- открыть в 1937 году в пос. Экострово врачебный пункт, построить амбулаторию с родильной комнатой и дом для детского очага и яслей;
- обеспечить развертывание в Хибинах культурно-массовой работы, выделив на 1937 год штатную единицу, средства и работника-культурника;
- немедленно наладить бесперебойное и полное снабжение лавки РАЙПО в Хибинах необходимыми продуктами и полное снабжение промтоварами, улучшить работу столовой при ПОСВИР;
- предложить райотделу связи при предстоящей телефонизации района в первую очередь связать телефоном Хибины с Кировском [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 16. Оп. 1. Д. 10. Л. 80].

Социальные вопросы всегда были приоритетными в общественно-политической работе Эйхфельда. Подтверждением тому может служить его предвыборная компания, связанная с выдвижением директора ПОСВИР кандидатом в депутаты Мурманского областного Совета депутатов трудящихся общественными собраниями рабочих, инженерно-технических работников и служащих лесоучастков Чирвис-губа, Уполокша, Пиренга, Ена, колхоза «Ена» и слюдяного рудника (713 чел.) по 39 избирательному округу. Выявив наиболее острые проблемы Заимандровья, Эйхфельд предал их огласке на страницах местной периодики, предложив следующие конкретные пути их разрешения:

1. Особое внимание должно быть обращено на улучшение культурного и врачебного обслуживания.
2. Самым важным является дорожное строительство. Необходимо незамедлительно построить дорогу длиной 9 км от Кур-губы до Коровьей ламбины, которая на целых 80 км сокращает водный путь от Упалакши до Ены.
3. Необходимо немедленно расчистить русло реки ниже Пиренгской плотины, чтобы не потерять сплав Енского и Пиренгского лесоучастков.
4. Большой проблемой является кормовой вопрос. Необходимо расчистить площадь под покосы и тем самым удовлетворить потребность района в сене [Кировский рабочий, 1939, 22 ноября: 3].

Не менее критично в отношении местной бюрократии кандидат в депутаты высказался по поводу проблем, связанных с деятельностью колхоза «Ена». «Колхозники говорят, — пишет Эйхфельд, — что им спускают планы только весной, не считаясь ни с чем, а организационной и агрономической помощи для получения урожая с запланированной площади нет. И решаешь — зря на два колхоза в РайЗО сидят четыре специалиста, зря Обузу занимается покровительством бездельников из Областной зональной станции, расхваливая их «активную» работу в колхозе и прикрывая очковитительство об организации хаты-лаборатории. А больше всего упрекаешь себя — давно пора кончить разговоры и переписку с ОблЗУ и всем активом Полярной опытной станции взяться за колхоз «Ена» и сделать его передовым колхозом области. Возможности к этому имеются большие» [Эйхфельд, 1939: 3].

Уже будучи депутатом Мурманского областного Совета трудящихся от Заимандровья — одного из отдаленных избирательных участков, — Иоган Гансович на лодке и пешком добирался за десятки километров от железной

дороги до своих избирателей, чтобы ознакомиться с их нуждами, выслушать их наказы или отчитаться в депутатской работе.

Используя свой депутатский статус, Эйхфельд нередко «примерял» на себя роль лидера общественного мнения. Показательной в этом отношении является его статья «Мои замечания», помещенная в газете «Кировский рабочий».

Первоначально это печатное издание (начало выходить с декабря 1930 года) завоевало «горячие симпатии маленького коллектива Полярной опытной станции из четырех научных работников и горсточки рабочих, крепко сплоченных в единую семью советских людей, борющихся за молодую идею создания собственной продовольственной базы на Крайнем Севере». Связано это было с тем, считает Эйхфельд, что «Хибиногорский рабочий» (впоследствии «Кировский рабочий») «больше, чем какая-либо другая газета Севера, уделяла внимание вопросам сельского хозяйства. С первых же лет вопросы сельского хозяйства занимали в газете целые полосы. Со страниц этой небольшой газеты тогда впервые знакомились с сельскохозяйственной проблемой Крайнего Севера работники центральных правительственных органов и черпали темы советские писатели (правда не всегда удачно — любовь к экзотике и “развесистой клюкве” губила хорошие намерения)» [Эйхфельд, 1939]. .

К сожалению, во второй половине 1930-х годов данная тема на страницах старейшего печатного органа Хибин потеряла былую актуальность. По мнению Иогана Гансовича, газета за последние два года (1937–1938) «многое проглядела», стала поверхностно и бесстрастно отражать сельскохозяйственную жизнь района и «как бы забыла огромную роль совхозного и колхозного строительства в Кировском районе для всего Крайнего Севера в выполнении сталинского наказа об обеспечении района собственными молоком, овощами и картофелем».

Чтобы исправить сложившуюся ситуацию, Эйхфельд предложил редакции издания концептуально изменить свои подходы к освещению поднятой им темы:

1. «Не обязательно, чтобы сельское хозяйство занимало много места в газете, но зато каждая строка должна бить по нашим недостаткам, помогать преодолению самотека в развитии совхозов и колхозов, плохой связи науки с производством».

2. «Необходимо, чтобы работники печати четко понимали задачи нашего сельского хозяйства, задачи сельскохозяйственной науки, умели бы вскрывать недостатки и видеть и поднимать наиболее важные вопросы, мобилизовать на них внимание как работников сельского хозяйства, так и всей общественности».

3. «Самое главное сейчас — это план развития сельского хозяйства на ближайшие 5–10 лет, борьба за механизацию, высокую агро- и зоотехнику» [Кировский рабочий, 1939, 5 мая: 3].

Выступая обличителем недочетов в деле совхозно-колхозного строительства на Кольском Севере, И. Г. Эйхфельд в то же время был активным борцом за их устранение. Вот несколько штрихов из «хибинской эпопеи» директора ПОСВИР.

Обратимся сначала к примечательным на сей счет воспоминаниям научного сотрудника М.К. Знаменской, впервые попавшей в Хибины в 1933 году: «Руководителя станции Иогана Гансовича Эйхфельда можно было видеть и встречать на полях в любое время суток. Ежедневно он успевал осматривать все участки работы, от его зоркого взгляда, а также от взора агротехника станции Петра Ефимовича Ефимова нельзя было скрыть ничего. Они замечали всякий “брак” в работе. Неправильно заложенные опытные делянки, плохое качество

прополки, забытые инструменты, орудия и прочее. Ничто не ускользало из их поля зрения. Поэтому на утреннюю и вечернюю разнарядку они приходили вполне осведомленные о состоянии работ на любом участке. Благодаря этому наряды проходили быстро и четко. Замеченные недостатки сразу же отмечались, подчас довольно "ядовитыми" замечаниями. Это подтягивало всех — и сотрудников и рабочих» [ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-194. Оп. 1. Д. 35. Л. 66].

Не менее примечательной по содержанию является «Записка секретарю Кировского РК ВКП (б) тов. Сергееву В.А. от директора ПОСВИР Эйхфельда и секретаря парторганизации ПОСВИР Манькова», датированная 26 июня 1940 года. Приведем полностью текст этого документа:

«При поездке в колхоз "Заполярный труд" 16 июня 1940 г., председатель колхоза тов. Богданов и агроном РайЗО тов. Корнильев сообщили нам, что у них не хватает минеральных удобрений на 9 гектаров. По просьбе председателя колхоза мы обратились к директору совхоза "Индустрия" тов. Левакину и ст. агроному тов. Скривелу с просьбой выделить необходимое количество удобрений. Фосфорнокислые удобрения и одну тонну калийной соли совхоз отпустил колхозу.

Однако РайЗО раздал эти удобрения другим хозяйствам. Агроном Сидоров сообщил, что в колхозе "Заполярный труд" были и собственные удобрения, что колхоз давал излишки другим организациям. В действительности это неверно.

Считаем нужным сообщить Вам об этом, так как РайЗО раздает принадлежащие колхозу удобрения, а потом скрывает действительное положение вещей и вводит в заблуждение не только Райком, но и Обком партии. Чтобы не допустить гибели посевов и вовремя помочь колхозу мы обратились к агроному Сидорову, который ввел всех в заблуждение» [ГОКУ ГАМО. ФП-112. Оп. 1. Д. 357. Л. 38].

Какими мерками мерили свою жизнь фигуранты данного «Заявления»? Автор документальных очерков под общим названием «Поле в Хибинах» О. И. Иванова (О. Ю. Ланская — С. А.), размышляя над судьбами людей, осваивавших Кольский Север, приводит поучительную притчу об угольках: «...У каждого человека есть в сердце маленький уголек. У одних это уголек доброты. Любви. Таланта. Есть уголек зла. И ненависти. Некоторые люди всю жизнь носят в себе незатухающий уголек жажды — власти, денег, славы. Есть уголек страха. И бесстрашия. Зависти. И бескорыстия. У одних он прикрыт пеплом. Под ним может затаиться давняя обида или давняя боль. Коснись неосторожно - и занеет, засаднит старая рана. Вспыхнет затаенное под пеплом. У других уголек горит, жжет. Порой так ярко, что люди быстро распознают, что за уголек носит в своем сердце этот человек...» [Иванова, 1979: 15–16].

«Незатухающим угольком, считает журналистка (в то время газеты «Полярная правда»), поселилась в сердце Эйхфельда Хибинская земля» [Иванова, 1979: 15–16]. Иоган Гансович — «беспартийный большевик», оформивший свою партийную принадлежность лишь в 1961 году, — мерил свою жизнь не иначе как «мерками всего человечества». Исходя из этого, он считал, что в наступившую советскую эпоху время принадлежит не тем, кого И. В. Сталин называл «политическими обывателями» (людьми «неопределенного типа»), а «лучшим из энтузиастов юной Республики» [Иванова, 1979: 14–16]. Именно на них ложится ответственная и почетная задача «сделать дикий Крайний Север обжитой, здоровой и счастливой частью нашей великой родины». И «в этом деле

агрономами-опытниками было вложено немало упорного и настойчивого труда, проявлен подлинный, не кричащий о себе героизм» [Эйхфельд, 1937: 11].

Что же двигало этими людьми? Эйхфельд дает следующий ответ на этот вопрос: «Едва ли есть благородная и увлекательная работа, чем продвижение сельского хозяйства в новые, суровые области Севера. В этой работе особенно ярко проявляется преобразующая природу роль человека. Огромное моральное удовлетворение от результатов работы на Севере обычно с избытком вознаграждает трудности» [Эйхфельд, 1937: 11].

И в заключение — следующий штрих. Конечно, на основе небольшой коллекции использованных нами документальных материалов невозможно восстановить все грани «мурманского периода» в жизни И. Г. Эйхфельда, но выделить главное — что стало смыслом пребывания «беспокойного агронома» на Мурмане в 1920–1930-е годы — мы вполне можем. И. Г. Эйхфельд нашел себя на Кольской земле. А Кольская земля нашла в нем одного из своих сыновей, не только победившего суровую полярную почву, но и много сделавшего во благо северянам.

Список сокращений

Севэкспедиция — Северная научно-промысловая экспедиция
проф. — профессор
Губземуправление — Губернское земельное управление
СТО — Совет Труда и Оборона
ЦГП КНЦ РАН — Центр гуманитарных проблем Баренц региона
Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»
Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
ПОСВИР — Полярная опытная станция Всесоюзного института растениеводства
РайЗО — Районный земельный отдел
Обузу — Областное земельное управление

Список источников

ГОКУ ГАМО. Ф. П-112. Оп. 1. Кировский (до 1934 г. Хибинский) городской (с 1935 г. районный) комитет партии.

ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-194. Оп. 1. Архивная коллекция документов об освоении Кольского полуострова и строительстве города Кировска (Хибинского). 1920–2006.

ГОКУ ГАМО в г. Кировске. Ф. 16. Оп. 1. Экостровский сельский Совет депутатов трудящихся.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. НВФ. 47. М. Михайлов. Воспоминания об Эйхфельде. 8 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. НВФ. 490. Эйхфельд И. Г. Василий Кондратьевич Алымов (воспоминания). 3 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. НВФ. 491. Эйхфельд И. Г. Полярный исследователь и писатель Петер Фрейхен (краткие воспоминания). 3 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. НВФ. 492. Эйхфельд И. Г. Герман Михайлович Крепс (из воспоминаний). 6 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. НВФ. 1029–1031. Делопроизводственная документация, связанная с постройкой сторожки в Хибинах для горной станции Академии наук. 3 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. ОФ. 94. Выписка из протокола № 11 заседания Президиума Комитета нового алфавита при Президиуме Мурманского окрисполкома от 19 марта 1934 г. 1 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. ОФ. 95. Записка Эйхфельда в Мурманское губземуправление от 25 апреля 1923 г. 1 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. ОФ. 101. Записка Эйхфельда в Колонизационный отдел Мурманской железной дороги от 7 сентября 1926 г. 1 с.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. ОФ. 363. Записка Эйхфельда в Колонизационный отдел Мурманской железной дороги от 23 сентября 1926 г. 1 с.

Список литературы

Борисов. П. А. Источники минерального удобрения в районах колонизации Мурманской железной дороги // Вестник Мурмана. 1924, № 22. С. 3–5.

Борисов П. А. Месторождение нефелиновых песков на Кольском полуострове. Труды Института по изучению Севера СССР. НТУ ВСНХ. № 297. Вып. 44. М.: НТУ ВСНХ; Н. Новгород: тип. «Нижполиграф», 1929. 64 с.

Иванова О. И. Поле в Хибинах. Документальные очерки. Мурманск: Мурманское книжное изд-во, 1979. 80 с.

К награждению акад. И. Г. Эйхфельда орденом Ленина. Высокая честь. (30.12.1935) // Полярная правда. 1936. 8 января. С. 3.

Киселев А. А. Пионер заполярного земледелия: К 100-летию со дня рождения И.Г. Эйхфельда и 70-летию ПОВИРа // Советский Мурман. 1993. 3 февраля. С. 3.

Киселев А. А. Все началось с «Тизтты» // Мурманский вестник. 2000. 19 июля. С. 2, 16.

Ложечко А. Б. Пионер северного земледелия. М.: Политиздат, 1969. 112 с.

Мартюшова С. П. Становление общественного краеведения в Хибинах // Материалы III областной краеведческой конференции, посвященной 80-летию юбилею Кировского историко-краеведческого музея. Кировск, 2015. С. 9–15.

На пути к обновлению земли. Сборник статей, посвященный 75-летию И. Г. Эйхфельда. Таллин: Изд-во «Валгус», 1968. 320 с.

Труды Северной научно-промысловой экспедиции. Вып. 14. Работа отрядов Севэкспедиции в 1921 г.: предварительный отчет. Петербург: Госуд. изд-во, 1922. 95 с.

Федоров П. В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск: МГПУ, 2009. 388 с.

Щипцов В.В. Петр Алексеевич Борисов (к 135-летию со дня рождения) // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. № 1. С. 172–174.

Эйхфельд И. Г. «За Имандрой (О Заимандровском промышленном районе)» // Кировский рабочий. 1939. 22 ноября. С. 3.

Эйхфельд И. Г. Сельскохозяйственная наука на Крайнем Севере // Сельскохозяйственное освоение Крайнего Севера. Материалы совещания по научно-исследовательской работе на Крайнем Севере. 27 февраля – 3 марта 1936 г. / Под ред. акад. И. Г. Эйхфельда и Н. Я. Чмора. М.: Изд-во ВАСХНИЛ, 1937. С. 5–11.
Эйхфельд И. Г. Мои замечания // Кировский рабочий. 1939. 5 мая. С. 3.

Сведения об авторе

Дюжилов Сергей Александрович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Djuzhilov Sergej Aleksandrovich,
PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.59-75
УДК 061.62:94 (470.21)

Е. И. Макарова, В. П. Петров, А. Д. Токарев

**МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ОБСУЖДЕНИЮ И СОГЛАСОВАНИЮ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ РАБОТ В МУРМАНСКОМ КРАЕ
(ЛЕНИНГРАД, 17–19 ФЕВРАЛЯ 1931 Г.) — НОВЫЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА**

Аннотация

В статье рассмотрены ранее ограниченно доступные материалы Конференции по обсуждению и согласованию научно-исследовательских работ в Мурманском крае, проходившей 17–19 февраля 1931 года в г. Ленинграде. Конференция проводилась по инициативе Академии наук СССР и Мурманского окрисполкома. Основной целью конференции являлась консолидация всех научно-исследовательских работ на Кольском полуострове. Представителями различных ведомств и учреждений была сделана первая попытка по объединению научных исследований Мурманской области. Материалы конференции являются ценным источником по истории освоения Кольского полуострова в раннесоветский период 1920–1930-х годов.

Ключевые слова:

Кольский полуостров, 1931 год, Академия Наук, Мурманский окрплан, конференция по планированию и согласованию научно-исследовательских работ.

E. I. Makarova, V. P. Petrov, A. D. Tokarev

**PROCEEDINGS OF THE CONFERENCE ON DISCUSSION AND COORDINATION
OF RESEARCH WORKS IN MURMANSK REGION (LENINGRAD,
FEBRUARY, 17-19, 1931) AS A SOURCE ON THE HISTORY
OF THE KOLA PENINSULA DEVELOPMENT**

Abstract

The paper deals with the Proceedings of the conference, not accessible earlier, on discussion and coordination of research works in Murmansk region, which was held on February, 17–19, 1931 in Leningrad. The conference was held under the initiative of the Academy of Sciences of the USSR and the Murmansk regional executive committee. The main aim of the conference was to consolidate all the research works carried out on the Kola peninsula. The representatives of various departments and establishments

have made the first attempt to integrate research works carried out on the Kola peninsula. The Proceedings of the conference are the valuable source on the history of the Kola peninsula development in the early soviet period of the 1920s-1930s of the XX century.

Keywords:

Kola peninsula, 1931, Academy of Sciences, Murmansk regional executive committee, conference on planning and coordination of research works.

История индустриализации Мурманской области связана с деятельностью Академии наук на Кольском полуострове в 1920-е гг. и рождением первого стационарного научно-академического учреждения — Хибинской исследовательской горной станции (ХИГС АН СССР) — в 1930 г. Создатель и идеолог научных исследований на территории отдаленных регионов страны академик А. Е. Ферсман дал станции имя «Тиетта», что в переводе с саамского языка означает «наука, знание, школа», тем самым определив функциональное назначение созданного учреждения. В раннесоветский период освоения российской Арктики «Тиетта» стала пристанищем экспедиций Академии наук СССР и других организаций, направлявших свои полевые отряды на Кольский Север. Уже первое десятилетие планомерной исследовательской работы увенчалось рядом научных открытий, сформировавших представление о богатом природном потенциале территорий Кольского полуострова, давших посыл к его промышленному освоению.

По материалам ранее ограниченно доступных, не публиковавшихся документов одной из первых научно-практических конференций по обсуждению и согласованию научно-исследовательских, экспедиционных работ в Мурманском крае, сохранившимся в фондах Научного архива ФИЦ КНЦ РАН можно провести историческую реконструкцию раннесоветского периода освоения заполярной горно-тундровой окраины страны [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–191] (рис. 1).

Рис. 1. Титульный лист стенограммы Конференции

Сложнейшие задачи научного обеспечения индустриализации и урбанизации региона определяли направленность научно-исследовательских работ Академии наук, различных ведомств и организаций. Эти многоцелевые работы не имели единой программы, единого координирующего органа, что отражалось на их результативности и эффективности.

Почином объединения научно-исследовательского потенциала разных ведомств и организаций, нацеленных на изучение и освоение природных ресурсов Кольского Севера, стал созыв Конференции по обсуждению и согласованию научно-исследовательских, экспедиционных работ в Мурманском крае. Она состоялась 17–19 февраля 1931 г. в г. Ленинграде с участием правительственных и плановых органов Мурманского округа, треста «Апатит», Главного геологоразведочного управления (ГГРУ) и специализированных научно-исследовательских организаций, в числе которых ведущее место занимала Академия наук. Анализ материалов Конференции позволяет проследить первые шаги на пути объединения науки с производством и определить роль Академии наук в этом процессе.

Конференция была инициирована Академией наук и в первый день проходила под председательством академика И. М. Губкина. В состав президиума вошли от Академии наук — академик А. Е. Ферсман, ученый секретарь ХИГС О. А. Воробьев[а], Зеленко (ХИГС); от Облплангоскомиссии — Штейн; от Мурманского окрисполкома — В.К. Алымов; от СНК Карельской АССР — Левин; от Мурманской железной дороги — Салазкин; от Комитета по химизации — Свицин.

Программа конференции включала вступительную речь академика И. М. Губкина, три пленарных доклада и доклады представителей хозяйственных организаций и научно-исследовательских учреждений:

1. Доклад Мурманского окрплана (В. К. Алымов);
2. Перспектива научного изучения и хозяйственного использования производительных сил Кольского полуострова (академик А. Е. Ферсман);
3. Проект пятилетнего плана Академии наук СССР по изучению производительных сил Кольского полуострова (А. Н. Лабунцов);
4. Сообщения хозяйственных организаций и научно-исследовательских учреждений о планах работ и их согласование;
5. Текущие дела:
 - 5.1. Вопрос организации учета работ по изучению Кольского полуострова за прошлые годы и учет их хозяйственного использования;
 - 5.2. Составление библиографического справочника по Кольскому полуострову;
 - 5.3. Переиздание по новым данным гипсометрической карты Кольского полуострова.

Открывал конференцию академик И. М. Губкин (рис. 2), возглавлявший в тот период Главное геологоразведочное управление.

Свое выступление он начал с основных моментов истории освоения Мурманского края в советский период, подчеркнув роль Академии наук в этом процессе: «...Исследование Кольского полуострова в советское время началось с 1920 года под руководством академика Александра Евгеньевича Ферсмана, и в течение 11 лет им ведутся непрерывные исследовательские работы на Кольском полуострове. С этого времени получен чрезвычайно большой и ценный материал, а что главное — началось промышленное освоение результатов научно-исследовательской работы. Достаточно указать вам на то значение, которое

приобрела, так называемая апатитовая и нефелиновая проблема <...>. Кроме Академии Наук, которая ведет там комплексные работы, там работает и целый ряд других научно-исследовательских учреждений. И вот, **в настоящее время возникает необходимость все эти исследовательские работы увязать таким образом, чтобы они велись по одному увязанному плану, под одним общим руководством, чтобы их результаты были использованы в нашем социалистическом строительстве, освоены без промедления и не остались бы лежащими втуне**» (*Выделено здесь и последующие, авт.*). И. М. Губкин определил основные задачи конференции: «Мне думается, что основной задачей нашей Конференции, где собрались представители различных исследовательских учреждений и хозяйственных организаций, заинтересованных в правильном хозяйственном развитии всего Края — явится создание такой организационной схемы, которая бы позволила вести работу без перебоев, вести работу в плановом порядке, без ненужного параллелизма и без ненужных перекрытий. Это является одной из основных задач Конференции. Другая основная задача Конференции — выработать на будущее такой план работ, чтобы задачи обследования Кольского полуострова, по различным линиям, были бы тесно увязаны с основными задачами социалистического строительства» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 1–2].

Обстоятельный обзорный доклад по итогам экспедиционной деятельности на Кольском полуострове, представленный секретарем Мурманского окрисполкома В. К. Алымовым (рис. 3), стал логическим обоснованием идеи академика И. М. Губкина о необходимости планомерного подхода к проведению исследовательских работ в крае и единого руководства работами.

Рис. 2. Губкин Иван Михайлович²

Рис. 3. Алымов Василий Кондратьевич³

² Губкин И. М. (9 (21) сентября 1871, село Поздняково, Муромский уезд, Владимирская губерния — 21 апреля 1939, Москва). Академик АН СССР (1929), начальник Главного геолого-разведочного управления (1931), организатор советской нефтяной геологии, вице-президент АН СССР (1936), председатель Азербайджанского филиала Академии наук СССР (1936–1939). Лауреат премии им. В. И. Ленина (1931). Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва (1937).

³ Алымов В. К. (4 апреля 1883, село Ручьи Новгородской губернии — 22 октября 1938, Левашовский лес, Ленинградская обл.). Советский этнограф, геодезист, краевед, исследователь истории и культуры саамов Кольского полуострова,

Отмечая «исключительно высокие темпы развития хозяйства на Кольском полуострове», В. К. Алымов остановился на проблемах: «Кольский полуостров в хозяйственном отношении растет темпами более быстрыми, чем другие окраины СССР. Проблемы стоят громадные, и каждый год возникают новые. Намечается широкая рыбацкая колонизация, возведение целых рыбацких городков, не становищ, а именно городков; рост города Мурманска намечен в 2–3 раза против нынешнего. В последние годы возникают новые отрасли промышленности: горная, лесная, водная. Быстро развиваются старые отрасли промышленности и хозяйства, которые надо перевести на новые, социалистические рельсы. Задачи расширяются, и все это требует огромного внимания и серьезного изучения» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 5]. Подчеркивая важное значение научно-исследовательских работ на Кольском полуострове, В. К. Алымов отметил и недостатки при их проведении: «Основной метод изучения до сих пор был метод экспедиционный. Стационарных работ до последних лет почти не было. Приезжают экспедиции, работают, собирают богатейший материал, увозят в центр и на месте часто не остается и следов. Еще одна из характерных черт научных исследований — обилие организаций, которые ведут работу. В том году было 35 экспедиций, в 1931 г. планируется — 40. Это явление, конечно, положительное: хорошо, что многое исследуется. Но тут есть и отрицательная черта, часто одни и те же работы ведутся в одних и тех же районах различными организациями без всякой увязки между собой. Часто дублируются» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 5об.]. В качестве примера были приведены работы в Мотовском заливе, проводившиеся исследовательскими судами Института Севера и Мурманской биологической станции, которые «проводили одни и те же исследования, не согласуя их между собой». «Следующая отрицательная черта работы — это длительное затягивание обработки материалов, запоздалое их опубликование. Способ решения проблем В. К. Алымов видел во внедрении планового проведения исследовательских работ под руководством Академии наук: «Есть такое мнение на месте, чтобы Академия Наук взяла бы в свои руки общую увязку и руководство работами на Кольском п-ве <...> Логически с этим связана и необходимость увязать все научные исследовательские работы с планами развития народного хозяйства <...> Затем необходимо переходить от экспедиционного метода к методу стационарному. Этот вопрос мы поднимали на съезде советов Мурманского округа два года тому назад. В местной печати его тоже ставили. Теперь такой переход начинается в Хибинах. Организуется станция Академии Наук. Развивает работы Океанографический институт. Я не говорю о Хибинской сельскохозяйственной станции и Мурманской биологической, работающих стационарно ряд лет.

известный общественный деятель Мурманского округа Ленинградской области. В 1922–1923 гг. заведовал Мурманским губстатбюро. В 1923–1924 гг. секретарь губернского экономического совета при СНК РСФСР (ЭКОСО), в 1924–1927 гг. председатель плановой комиссии Мурманского губисполкома. С 1926 г. один из организаторов Общества изучения Мурманского края. В 1928–1932 гг. секретарь Мурманского окрисполкома, в 1932–1934 гг. заведующий сектором народнохозяйственного учета окружной плановой комиссии, в 1934–1935 гг. старший экономист Мурманского окрплана. В 1936–1938 гг. директор Мурманского краеведческого музея. В 1938 г. был репрессирован по делу о «Саамском заговоре».

На стационарную работу могут быть переведены и геологоразведочные, поисковые работы в отношении полезных ископаемых и работы по исследованию рыбных промыслов, и целый ряд исследований социально-экономических. Эти 3 комплекса работ должны быть работами стационарными» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 7–9].

Говоря о «разумном сочетании задач общегосударственных и местных», В. К. Алымов подробно рассматривает каждое направление работ: «...Все они должны быть тесно увязаны с планом развития народного хозяйства Мурманского округа и общим планом социалистического хозяйства СССР <...> Надо лишь усилить научными силами и средствами местные организации. Затем надо, чтобы для каждой работы был бы свой календарный план. Я выскажу несколько пожеланий по поводу тех экспедиций, которые намечены в плане 1931 года. Прежде всего: все геологоразведочные, поисковые и другого порядка экспедиции, энергетические и все, которые связаны с комплексом исследований Хибин, Монча- и Чуна-тундр — все это Мурманским Окрисполкомом одобряется и приветствуется. Но мы хотим указать на расширение некоторых работ.

Первое: нам необходимо расширение энергетических исследований. Мурманск быстро растет, возникают новые города. Те электрические станции, которые у нас есть, нас не удовлетворяют. Нас не удовлетворяют тепловые станции. Нам необходимы гидроустановки, необходимы и в городах, и в рыбацких становищах. Энергетические исследования надо расширить на район Мурманска, Туломы, Умбы, на Мурманское побережье и район апатитовых разработок.

Вопрос о карте Кольского полуострова. Когда академик Ферсман делал в Мурманске доклад, он привел такой пример, на карте река течет на север, а в действительности она на протяжении 80 верст течет на юг. Если мы будем приводить примеры, то увидим много курьезов! В этнографической карте Мурманской губернии, данной Академией Наук, есть целый ряд населенных пунктов, которые никогда не существовали. Вопрос о карте — очень важный вопрос. Работы геодезического порядка ведутся с 1921 года. Северо-западная часть Геологическим комитетом заснята. Надо только ускорить получение результата.

Далее — крайне необходимы экономические исследования по рыболовству, оленеводству, сельскому хозяйству. Все эти работы должны быть сосредоточены у нас в Мурманске, в наших местных организациях. Они должны производиться под руководством окружной плановой комиссии и никаких экспедиций из центров, по вышесказанным соображениям для экономических исследований посылать на Мурман нецелесообразно» [Там же].

Алымов подчеркнул важность и других направлений исследований, которые не вошли в план. Это исследование воздушных путей сообщения, работы по изучению физического состояния населения, лопарского языка, этнографических работ. В отношении последних он заметил, что подобные работы уже велись 3–4 года подряд. Лопарское население уже исследовано, русское — также. Результаты работ были напечатаны. Окрплан полагает, антропологические работы — не ударные, что в данное время эти работы должны быть заменены медико-санитарными исследованиями тундрового населения. Такие исследования совершенно необходимы. Население живет в условиях, о которых трудно себе составить представление. Изучение это является наиболее живым и важным делом.

В заключении своего доклада Алымов еще раз подчеркнул, что нужны единый план, нужна увязка научно-исследовательских работ с планами народного хозяйства, нужны стационарные исследования, полученные результаты необходимо в срочном порядке прилагать к требованиям социалистического строительства [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 15].

Академик А. Е. Ферсман (рис. 4) в докладе «Перспектива научного изучения и хозяйственного использования производительных сил Кольского полуострова» перечислил и проанализировал основные задачи научного изучения ресурсного потенциала Кольского полуострова.

«Моя задача заключается в том, чтобы попытаться ответить на вопрос, что с общесоюзной точки зрения, с точки зрения социалистического строительства, нужно ли вкладывать большие средства в это дело. Достаточны ли естественноисторические предпосылки, на фоне которых можно строить здесь большие хозяйства и большие культурные районы, достаточны ли запасы производительных сил, чтобы говорить о крупном индустриальном будущем этого района и нужно ли сейчас, когда это является таким затруднительным, выделять большие суммы и кадры на работу в этом районе, нужно ли выделять эти средства чтобы ставить как ударную работу на Кольском полуострове. Разбирая вкратце основные предпосылки и анализируя только еще намечающиеся научно-исследовательские работы, надо сказать, что они являются недостаточными для такой огромной территории как Кольский полуостров. Имеется целый ряд белых пятен, огромное количество белых пятен, о которых мы ничего не знаем <...>

Мы пойдем по большим типам разделов производительных сил, по которым строится хозяйственная жизнь Кольского полуострова. *Прежде всего, энергетика.* <...> Это одно из узких мест, но узкое место благодаря тому, что мы не подошли к изучению и выявлению запасов этой энергетической базы, на фоне которой развивается Кольский полуостров — гидроэнергетической установки.

Вторая производительная сила — это торф. В отношении торфа сделано еще меньше, чем в отношении гидроэлектроустановки. ...Мы не имеем данных для суждения о торфяных массивах района за исключением прошлых экспедиций Рихтера.

Тут ведется большое лесное хозяйство. <...> Наши знания не только недостаточны для хозяйственного освоения леса как объекта лесной промышленности, но и несовершенны для использования отбросов древесины от Умбского и Кандалакшского заводов и Мурманского. Между тем совершенно необходимо правильное исследование остатков древесины, которые является не только источником энергетическим, но и химическим - крупная задача, о которой мы забываем [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 16-25].

По мнению А.Е. Ферсмана, Кольский полуостров принадлежит к районам, «наиболее обеспеченным энергетической базой по сравнению с другими районами, где мы работаем и строим энергетическую базу для большой промышленности.

Другие “производительным силы”, которые являются основными для построения индустриализации страны и хозяйства, я постараюсь разделить их на три группы:

1). Область металлов, 2). Строительные материалы и 3). Область нерудных ископаемых.

Прежде всего, рудные запасы. <...> Мы имеем два типа железных руд в этом районе. Первый тип, хорошо знакомый по Норвежскому месторождению, пересекающий аномалию Кольского залива у мыса П[инагория]. <...> Надо поставить вопрос о пересмотре работ, связанных с этим месторождением.

И второй тип — вся территория на запад от озера Имандры. <...> Здесь открываются возможности, на которые надо обратить внимание. Мы встречаем здесь железную руду того же типа, который встречается в Швеции и Лапландии и также известен и по Норвежской территории. <...> Здесь перед нами большая область, требующая серьезного исследования и дающая нам ценные возможности, так как вся Северо-Западная область нуждается в железорудной базе.

Вся сульфидная руда, которая сейчас является узким местом построения промышленности, основывается на Кольском полуострове. Сульфидная руда имеется 3-х типов. Первая полоса тянулась от Кандалакши, от Карельского берега к Кандалакшскому заливу. Это была первая группа. Она была затронута работами Геолкома. Это не достаточная база для разговоров. <...> Столь же недостаточная база выявленных месторождений в случае с сульфидными рудами, дело обстоит неблагоприятно с точки зрения серной кислоты. Серная кислота нужна для целого ряда химических процессов, связанных с апатитонефелиновым делом. <...> Без серной кислоты разрешение апатитонефелинового дела, является нереальным, если запас никелево-медных руд не отвечает тоннажу нужной потребности этого вида промышленности.

...Второй вопрос — это строительные материалы. Представитель Облисполкома правильно отметил, что здесь мы находимся в очень тяжелом положении, это второе узкое место. <...> Известковая проблема должна решаться в южном районе (прилегающем к Финляндии), в верховьях Кандалакши и в верховьях Варзуги. С глинами более благополучно и те находки, которые в настоящее время указаны на Умбе и которые изучены А. Н. Лабунцовым в низовьях Варзуги — это своеобразный продукт, в котором имеются диатомовые [продукты], как уже показал целый ряд анализов. Вопрос диатомовых продуктов является одной из интереснейших проблем Кольского полуострова. ...Инфузорит представляет собой интересную проблему. <...> Тут имеются новые сорта, привезенные из экспедиции Григорьевым, и тут речь идет не только о строительном материале, но и высоких сортах для химического производства, для высокой очистки химических, пищевых и нефтяных продуктов. <...> Такова картина строительных материалов» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. К. 16–25].

В своем докладе академик А. Е. Ферсман обрисовал также состояние изученности ресурсов Кольского полуострова по нерудным ископаемым и металлам (молибдену, цирконии и титану).

А. Е. Ферсман сформулировал идею создания Кольского горно-химического комплекса: «Благодаря развитию нового края, мы углубленно подошли к анализу этого комплекса. И этот комплекс представляет исключительный интерес не по отдельному рассмотрению апатитов или нефелинов, а по комбинированию того производства, которое позволяет использовать все многообразие его составных частей. Уже сейчас он занял определенное место в хозяйстве нашей страны. Вряд ли есть другая область в химической промышленности, где был бы обеспечен такой запас сырья, и благоприятно так складывалась бы обстановка. <...> Дальше мы имеем здесь громадные запасы дешевой гидроэнергии с отсутствием пиков, что не осложняет

использование гидроэнергии. Мы имеем здесь водные пути и широкие водные возможности, которые имеются в области Кандалакшского залива и на озере Имандра и водные запасы. Грандиозные запасы высокосортных апатитов во много миллионов тонн и феерические запасы нефелиновых пород, выражаемых не миллионами, а миллиардами тонн. Эти масштабы заставляют нас (а жизнь требует этих масштабов), что сейчас нельзя строить большие хозяйственные планы на мелких кустарных подходах. Постройка комбинатов есть постройка комбинированных хозяйственных единиц» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 29–30].

Доклад, представленный зав. геологоразведочным отделом треста «Апатит» А. Н. Лабунцовым (рис. 5), стал логическим продолжением предыдущих докладов и был посвящен проекту пятилетнего плана Академии Наук СССР по изучению производительных сил Кольского полуострова.

Рис. 4 Ферсман Александр Евгеньевич⁴

Рис. 5 Лабунцов Александр Николаевич⁵

«Представителем Мурманского окрплана было высказано пожелание об экспедиционно-исследовательской работе. Александр Евгеньевич [Ферсман] осветил проблемы, которые тут намечаются и хозяйственное их освоение, — начал свое выступление А. Н. Лабунцов. Все эти задачи должны начинаться с поисковых исследовательских работ, они должны найти, углубить, выявить производительные исследования и подвести прочную базу под то строительство, которое уже начато и которое с каждым годом будет расти и расширяться.

⁴ Ферсман А. Е. (27 октября (8 ноября) 1883, Санкт-Петербург — 20 мая 1945, Сочи). Выдающийся советский геохимик и минералог, один из основоположников геохимии, действительный член, вице-президент (1926–1929) Академии наук СССР. Директор Хибинской горной станции (1930–1934), Кольской базы АН СССР (1934–1945).

⁵ Лабунцов А. Н. (25 сентября 1884, г. Владикавказ — 14 апреля 1963, Москва). Советский ученый-минералог, один из первооткрывателей Хибинских апатитовых месторождений (1923–1926), в 1929 г. — ученый секретарь Комитета по организации Хибинской горной станции АН СССР; с декабря 1929 г. по декабрь 1930 г. — заведующий изыскательно-разведочным отделом, а до 1933 г. — сотрудник геологоразведочного отдела треста «Апатит». С 1933 по 1957 гг. (с перерывом в 1938–1939 гг.) — сотрудник ЛИГЕМа, научный сотрудник Минералогического музея АН СССР в Москве.

В выполнение этих задач участвует много научных учреждений и хозяйственных организаций. Целью нашей конференции является согласование этих работ. Как они должны быть согласованы? Они должны быть согласованы тематически, территориально и, наконец, по времени, чтобы они объединяли в один общий комплекс работы, преследующие общую цель, и чтобы одна работа дополняла другую, предшествовала другой. Таким образом, этот комплекс может привести к полному хозяйственному освоению края» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 33 об.].

А. Н. Лабунцов предложил обсудить и согласовать со всеми организациями-участниками план исследований Мурманского округа и прилегающих к нему территорий Северной Карелии, включающий продолжение уже начатых работ, а также новых перспективных проектов. Было предложено конкретно наметить их очередность, распределить между привлеченными к изысканиям учреждениями, «чтобы в дальнейшем правильно планировать работу и возможно в короткий срок хозяйственно освоить Мурманский край <...> В силу этого работы, которые намечались по первоначальной наметке, должны быть согласованы с учреждениями и хозяйственными организациями и вестись на средства последних» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 34].

Пятилетний план работ Академии наук, предложенный А.Н. Лабунцовым, включал продолжение геохимического изучения отдельных небольших районов Хибинской тундры силами трех отрядов: «Из них один отряд приблизился к Кукисвум горам, в этом районе имеются предпосылки для нахождения полезных ископаемых <...> Второй отряд шел около Юкспора с теми же задачами. 3-й район — Тахта — Унчор в 6–7 км от апатитовых месторождений. Тут затронуты исследования 1930 года, где есть месторождения молибдена, полевошпатовые жилы и найдено небольшое месторождение флюорита и т.д.» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 35].

Из перспективных исследований А. Н. Лабунцов обозначил «мало изученные месторождения титанита и сфена» в Хибинских тундрах, намеченные на 1931 г.; в целях поиска циркононой руды, месторождения молибденовой руды — исследование района Ловозерского погоста в Ловозерских тундрах, запланированное до 1936 г.; в поисках наличия крупной магнитной аномалии — исследование северной части Монче-тундры с участком Волче-тундры: «...Исследование этого района представляло большой интерес из-за возможного нахождения благородных металлов — золота, а оливинные породы, о которых говорил Александр Евгеньевич [Ферсман], дают основание ждать благородных металлов группы платины вплоть до алмазов» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 36].

В план работы были включены два общегеографических отряда — один отряд в связи с исследованиями инфузородного месторождения, строительных материалов, глин, известняков и более детального исследования инфузоритов. Работы этого отряда предполагалось проводить по согласованию через финансирование Мурманской железной дороги. Далее — по согласованию с Гидроэнергостроем планировалось направить два отряда с морфологическим изучением и попутным изучением и поисками полезных ископаемых в южном районе Кольского полуострова — в районе реки Умбы.

В план были включены по согласованию с Академией наук и гидрогеологическими учреждениями начатые в 1930 г. гидрологические работы по исследованию озер Хибинской тундры, включающие ряд небольших озер и

Умбозеро. Исследования планировалось проводить силами специализированного гидрологического отряда на средства треста «Апатит».

Работы ботанического отряда, начатые профессором Ганешиным в Хибинах в 1930 г., предполагалось в последующие годы расширить в других районах. И, наконец, в план был включен «один отряд по зоологообследованию животного мира, в частности, млекопитающихся Хибинского района, который будет расширять зону обследования к западу и к востоку от Хибинской тундры».

А. Н. Лабунцов отдельно остановился на обсуждении деятельности созданной в 1930 г. Хибинской горной станции Академии наук, поскольку в 1929 г. он был ученым секретарем Комитета по организации Хибинской горной станции АН СССР: «...Мы придаем очень большое значение стационарным работам на Хибинской горной станции. Вопрос об этой станции уже давно стоит на очереди, и в 1930 г. удалось, к сожалению, только неполно подойти к его разрешению. При помощи треста «Апатит» построен стандартный дом, Мурманская железная дорога проводит дорогу. Этот дом оказал большую услугу экспедициям, на нем базировались отряды. Построен большой дом с кабинетами для занятий, чтобы тут можно было бы проводить нужные исследования в летний период и вести нужные зимние работы. Чтобы можно было бы материал не посылать в Ленинград, а по возможности все производить на месте. В экспедиционных исследованиях предусматривается сумма на Хибинскую горную станцию. Таким образом, в Ленинграде будет вестись только камеральная обработка и получение конкретных результатов от данной экспедиции» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 36–40].

На второй день работы конференции под председательством академика А. Е. Ферсмана были заслушаны и обсуждены «Сообщения хозяйственных организаций и научно-исследовательских учреждений о планах работ».

Н. Н. Матусевич (рис. 6), представитель Главного геодезического управления, сделал сообщение о состоянии изученности геодезического описания побережья Кольского полуострова.

«В прошлом году [1930] закончена съемка и промер триангуляцией от Мурманска вдоль Кольского залива. Съемка закончена и опубликована <...> Новая триангуляция до Святого Носа и вся триангуляция восточного Мурмана, съемка и промеры займут 3–4 года <...> Когда триангуляция будет выпущена, она будет опубликована для всеобщего сведения. В этом году [1931] Гидрографическое управление выпустит известия о своих работах с 1915 по 1929 годы, где будет дано описание всего Мурманского берега и берегов Белого моря. Она будет отпечатана и будет краткое описание выполненных работ со всеми рабочими координатами» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 48].

Обзор работ с 1920 г., проводимых Гидрологическим институтом на территории Мурманского округа по двум направлениям – морским и озерным исследованиям, представил К. М. Дерюгин (рис. 7).

«Мы продолжали исследование этого [Белого] моря и охватили побережье в области Соловков, Онежский пролив <...> Работы по побережью Терского берега, Баренцева моря еще находится в обработке <...> В течение ряда лет шли работы, которые дали крупные результаты и наш Гидрологический институт, который входит в состав Гидрологического Комитета, ставит стационарное исследование, организуя станцию» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 49–50].

Затем К. М. Дерюгин обрисовал ряд проблем, связанных с ледовым режимом Белого моря. Ввиду заинтересованности в результатах этих работ Северо-западного порта направленные вместе с судами зверобойной экспедиции поисковики от Гидрологического института уже начали изучение ледовых условий плавания. Во взаимосвязи со станцией предполагается расширение работ одновременно с обследованием гидрологического режима и портовых изысканий. Предполагается также обследование озер Карелии, начавшееся со времени организации Гидрологического института в ходе Олонецкой экспедиции под руководством Г. Ю. Верещагина и экспедиции под руководством С. А. Советова

К. М. Дерюгин поделился планами дальнейшего проведения работ: «Предполагается иметь станцию на северном побережье Кандалакшского залива, где работы ведутся под руководством В. М. Рылова и для южной части под руководством самого В. В. Перфильева <...> Эти работы ведутся около Кандалакшского залива, затем мы должны перейти к озерной работе в области Кольского полуострова и увязать эту работу, партии Гидрологического ин-та с работами Академии Наук. Было обследовано озеро Фульян и предполагается продолжить эту работу. В докладе Александра Евгеньевича [Ферсмана] мы слышали, какой огромный интерес представляет обследование озер с точки зрения связи с ископаемыми, о которых он докладывал. Вот соответственно с этим <...> в ближайшем будущем в контакте с Академией Наук партии Гидрологического ин-та продолжают работу на Умбозере, <...> Исследовательские партии предполагается направить этим летом на ресурсы, которые предоставит Академия Наук и Гидрологический ин-тут. Существенной проблемой являются болота и их образования. Академия Наук подчеркивала важность этих ресурсов, торфяных залежей, которые представляют значительный интерес» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 51–52.].

Доклад К. М. Дерюгина дополнил директор Гидрологического института профессор В. Г. Глушков (рис. 8)

«...Теперь, когда мы до конца связаны с хозяйственными организациями и обслуживаем их, практический подход наш должен быть строго комплексным. Тут надо обслужить комплексные вопросы: рыболовство, портовое строительства, молочное хозяйство, водоснабжение промышленных комбинатов, населенных пунктов, вопросы сплава, вопросы осушения, торфодобывание <...> Нам в Кольско-Мурманских экспедициях надо возглавлять эти экспедиции, чтобы дать нужное развитие этим экспедициям при их снабжении. По договоренности с Академией Наук все гидрологические работы, которые возникают среди работ Академии Наук, они передаются Вам, чтобы вести на совместных началах с Академией Наук» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 52–53].

В продолжение темы по планированию геофизического обследования в регионе выступил представитель Главной геофизической обсерватории Дьяконова: «В плане экспедиционных работ главной геофизической обсерватории на 1931 год предусматривается одна экспедиция для изучения влияния расстояния от моря, метеорологический режим в зависимости от полярного дня. Экспедиция будет поставлена на севере Кольского полуострова. Вторая экспедиция, которую ставит Актинометрический институт зимой в области Святого Носа и Кольского полуострова. В плане работ Магнитной метеорологической обсерватории предусматривается связь с конструирующей лабораторией и с научно-техническим управлением

Наркомата путей сообщения. Предполагаемая до сих пор экспедиция, которая предусматривается в плане главной геофизической обсерватории по Кольскому полуострову, нельзя считать достаточно обработанной. Между тем известно, что метеорологические станции, главным образом, прибрежные, морские. В центре Кольского полуострова метеорологических станций немного. Хибинский апатитовый городок с развитием строительства станет ощущать необходимость в обслуживании метеорологическом. Для того чтобы это не оставалось словами, чтобы выявить требования, которые различными учреждениями могут к нам предъявляться, мы бы предложили следующий план. Обсерватория разошлет в учреждения, которые здесь присутствуют и которые ведут работу на Кольском полуострове, ряд анкет с вопросами, на которые мы просим дать ответ. Такой же ряд вопросов мы направляем в Мурманский край, во все учреждения хозяйственные и строительные. Они должны будут точно указать, что требуется от метеорологии и в каких пунктах. На основании этого материала, <...> мы построим план общих работ, на основании которых определится маршрут экспедиций, их цель, как научного порядка, так и постройка стационаров не случайных, а на основании требования мест. Затем мы это представим в Академию наук и в Облплан, чтобы согласовать наш план с планом других учреждений путем включения комплексной экспедиции, и чтобы поставить свою метеорологическую экспедицию» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 53 об.–56].

Рис. 6. Матусевич
Николай Николаевич⁶

Рис. 7. Дерюгин
Константин Михайлович⁷

Рис. 8. Глушков
Виктор Григорьевич⁸

⁶ Матусевич Н. Н. (10 апреля 1879, Николаев — 27 мая 1950, Ленинград). Исследователь Арктики, гидрограф и геодезист, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, инженер-вице-адмирал (1944), профессор Военно-морской академии, вице-президент Всесоюзного географического общества.

⁷ Дерюгин К. М. (1878–1938). Ученый с мировым именем, отечественный зоолог, гидробиолог и океанолог, путешественник, талантливый педагог, выдающийся организатор и создатель нескольких биологических станций на Белом, Баренцевом морях и Тихом океане, трех научных институтов и одного музея.

⁸ Глушков В. Г., русский ученый-гидролог, один из основоположников инженерной гидрологии. В 1918–1920 гг. зав. Водноэнергетическим бюро Отдела по подготовке электрификации Северного района России. Организатор и директор Гидрологического института (1922–1936), руководитель работ по водному кадастру СССР. Член-корр. АН СССР (1932). Академик ВАСХНИЛ (1935).

Выступление вызвало живое обсуждение.

Вопросы и обсуждение показывают насколько, по выражению Г. Д. Рихтера, «остро» стоял вопрос метеонаблюдений и создания сети станций на Кольском полуострове уже в самом начале индустриализации региона.

Материалы Северного геодезического управления зачитал А. Е. Ферсман: «Частично законченные работы на Кольском п-ве указывают, что имеется мало материала и кроме основных работ, которые намечено вести в 1931 г., никаких сведений нет. План по фотометрическим работам не составлялся и не предполагался. ...Из Геодезического управления выехало 4 сотрудника-астронома, если будут привлечены новые астрономы, то работа будет доведена до конца» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 60–63].

Доклад от Гидроэлектростроя представил Флоров.

Докладчик обозначил виды работ «топографических, гидрологических и геологических, проводившихся Гидростроем “по наследству от Энергостроя” на Кольском полуострове в районах Ковды, Нивы, Колы, Туломы еще до 1917 г. с перерывом до 1925 г., когда были вновь возобновлены открытые водомерные работы на реке Ниве и Имандре. В 1927 г. работы расширились — в Коле открыты водомерные посты, была произведена подробная топографическая съемка нижнего течения реки. Все исследования велись по распоряжению Энергостроя для освещения водные ресурсы рек. К 1930 году программа гидрологических исследований была расширена — включены Тулома, Колвица и Умба...».

Выступление докладчика продолжил В. К. Алымов: «Вопросом изучения водоемов в целом занимается Океанографический институт <...> Госрыбтрест работает в Баренцевом море. Озера будут освоены Всерыбпромсоюзом и Океанографическим институтом, который выполняет все научно-исследовательские работы для Госрыбтреста. ...Требуется обращение к научной мысли. Надо было туда обращаться для научно-исследовательских работ, чтобы они не носили случайного и хаотического характера. Существовал центр — комитет по колонизации при СНК СССР. Он планировал работу и регулировал деятельность хозяйственную и колонизационную. Был колонизационный фонд. ...Из этого фонда черпала дорога средства для финансирования научных работ. В прошлом году Комитетом по колонизации утвержден план и расширены средства для финансирования 14 отрядов. Большинство отрядов организованы Академией Наук, и работы были связаны с Хибинским промысловым центром.

В особенности я бы хотел подчеркнуть открытие по западному берегу озера Имандра. Здесь мы накануне крупного и интересного промышленного центра. Это открытие — только начало работы в этом районе. Район будет требовать дорожного открытия, хозяйственного освоения и, таким образом, на западе от Имандры мы изыскиваем новый хозяйственный центр. Кроме того, Академией Наук было организовано два научно-исследовательских отряда по обследованию двух озер — Имандры и озера [Умбозера] и один отряд Русского Географического общества по обследованию кормовых площадей для оленеводства в районе р. Умбы <...> В настоящем году Мурманская железная дорога не имеет возможности вести несколько научно-исследовательских работ как в прошлом году. Колонизационный комитет закрыт, колонизационный фонд перестал существовать. Целый ряд задач стоит перед Мурманской железной дорогой. Нужда в строительных материалах, а строительство развивается чрезвычайно быстрым темпом, нужда в топливе, которая очень остро ощущается

на Севере, нужна в новом балластном материале, который раньше не требовался. Диатомит представляет одну из ценнейших находок. Это вязущее вещество, которое может заменить известь. Можно получать высокого качества диатомовый кирпич, который будет легче обычного <...> Открытие диатомитов заставляет Мурманскую [железную] дорогу этим особенно интересоваться и через несколько дней мы отправляем на новое месторождение партию геологов для буровых работ. В течение полутора ближайших месяцев эти работы будут окончены, и мы предполагаем к маю месяцу иметь промышленные запасы того месторождения, которое нами открыто. Мы начали разработку нефелиновых сиенитов, нефелиновых песков, которые были направлены на стекольные заводы и 27 заводов, не только Ленинградской области, но и в Белоруссии и Твери перешли на них. Получена продукция, которая снизила себестоимость. Облицованная плитка снижена на 50 % стоимости; замена остродефицитной соды и поташа спасла ряд заводов. В этом году предполагается расширение работ и постановка научно-исследовательских испытаний. Здесь присутствует профессор Борисов, который ведет эти работы» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 65–75].

А. Н. Лабунцов доложил результаты геологоразведочных работ, проводимых трестом «Апатит» в 1930 г.: «Работы производились на двух месторождениях Кукисвумчорре и Юкспоре и частично была охвачена гора <...> , где обследования производились Геологическим Комитетом В основном главное Кукисвумчоррское месторождение является разработанным, <...> опробование руды закончено. Что касается Юкспорского месторождения, там буровых работ не было, но оно было охвачено разведочными канавами, было окантовано и было опробовано <...> Трест Апатит согласовывает свои работы по другим полезным ископаемым и заключает договора с институтом Торфа по исследованию торфа. Исследование торфа в районе Хибинских тундр имеет значение для электрической станции в городе Хибиногорске. Исследование это идет по трем направлениям. Первое исследование в Хибинской тундре, о чем я только что упоминал. Направление партии в этом районе идет к югу от Хибинской тундры. Вторая партия будет находиться в районе озера Колвицы в связи с теми задачами, которые стоят перед организацией северного химического комбината. Затем в настоящее время трест Апатит послал небольшую экспедицию, которая обследовала весь район между Хибинской тундрой и Кандалакшским заливом, район, который нужно осветить экономически. Эта партия проделала большой маршрут по реке Умбе до озера Умба, вернулась в Хибинскую тундру, выявила месторождение глин, довольно крупное месторождение в устье Умбы и в районе озера Колвицы.

Кроме того, трест Апатит финансово помогает некоторым академическим отрядам, в частности в этом году Академия наук предполагает поставить некоторые геофизические методы поисков полезных ископаемых и разведки. На эти работы трест Апатит имеет около 1 млн. руб., а вместе с Научным Институтом по удобрениям около 1,5 млн руб.» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 75об.–78].

В своем заключительном слове по итогам состоявшейся плодотворной дискуссии А. Е. Ферсман отметил: «Я думаю, что мы, рассматривая проблему Кольского полуострова, интересовались ею с точки зрения интересов всего Союза, и смотрели на Кольский полуостров в свете больших хозяйственных проблем социалистического строительства всей нашей страны, в целом. Эта

первая конференция Облплана с Академией Наук открывает новую эру планирования нашего строительства. Я говорю о планировании в Ленинградской области, я надеюсь, что это найдет свое отражение и во всесоюзном значении.

Здесь идет вопрос о дальнейшей совместной работе Облплана с Академией Наук, но, как справедливо здесь указал тов. Левин мы еще ни определенного календарного, ни вообще плана работ Облплана с Академией Наук не слышали. Это упущение надо устранить, и этот план в самое ближайшее время научно-исследовательская комиссия Облплана должна представить» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 129–130].

Выводы

Проведение Конференции явилось важным событием в истории освоения Севера — как первый шаг на пути к планированию научно-исследовательской деятельности не только в региональном масштабе, но и, по выражению А. Е. Ферсмана, «во всесоюзном значении». В контексте регионального масштаба она явилась предшественницей апрельской Первой полярной конференции по вопросам комплексного использования Хибинской апатитонегелиновой породы, состоявшейся в 1932 г. в Хибиногорске, Кандалакше, Нивастрое и носившей уже программный характер [Первая полярная конференция, 2009].

Материалы Конференции по обсуждению и согласованию научно-исследовательских работ в Мурманском крае, состоявшейся 17–19 февраля 1931 г. в г. Ленинграде, требуют своего дальнейшего изучения и поисковой работы. В Научном архиве ФИЦ КНЦ РАН отсутствуют материалы с резолюцией Конференции, которые надо, по всей вероятности, искать в Архиве РАН. Необходимо выполнить и решение Конференции по изданию материалов в открытой печати.

Список сокращений

ГГРУ — Главное геологоразведочное управление
КБАН — Кольская база Академии наук
КФАН СССР — Кольский филиал Академии наук СССР
ЛИГЕМ — Институт геохимии, минералогии и кристаллографии им. М. В. Ломоносова
НА КНЦ — Научный архив Кольского научного центра
СНК — Совет народных комиссаров
ХИГС — Хибинская горная станция
ФБГУН — Федеральное бюджетное государственное учреждение науки
ФИЦ — Федеральный исследовательский центр
ЭКОСО — Экономический совет

Архивные источники

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 1–191.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 1–2.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 5.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 5 с оборотом.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 7–9.

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 16–25.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 26–33.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 33 с оборотом.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 34.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 35.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 36.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 36–40.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 48.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 49–50.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 51–52.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 52–53.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 53 с оборотом – 56.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 57–59.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 65–75.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 75 с оборотом – 78.
НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 4. Л. 129–130.

Список литературы

Первая Полярная конференция по вопросам комплексного использования Хибинской апатитонефелиновой породы, 9–12 апреля 1932 года г. Хибиногорск. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра, 2009. 324 с.

Сведения об авторах

Макарова Елена Ивановна,

кандидат исторических наук, заведующая Научным архивом ФИЦ КНЦ РАН

Петров Валентин Петрович,

доктор геолого-минералогических наук, профессор, директор
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Токарев Александр Дмитриевич,

заведующий сектором формирования и хранения цифровой информации
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Makarova Elena Ivanovna,

PhD (History), Head of the Scientific Archive of the FRC KSC RAS

Petrov Valentin Petrovich,

Dr.Sci. (Geology-Mineralogy), Professor, Director of the Barents Centre of the Humanities,
FRC KSC RAS

Tokarev Alexander Dmitrievich,

Head of the Sector of Digital Information of the Barents Centre of the Humanities,
FRC KSC RAS

О. В. Шабалина

**МАТЕРИАЛЫ ПЕРСОНАЛЬНОГО ФОНДА А. Ф. ЛАКТИОНОВА
МУЗЕЯ-АРХИВА ЦГП КНЦ РАН КАК ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ⁹**

Аннотация

В статье представлен фонд известного ученого-полярника А. Ф. Лактионова, участника арктических экспедиций, принадлежащий Музею-Архиву истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. Личные документы рассматриваются как потенциальные источники для исследований в различных гуманитарных областях, в том числе для истории изучения и освоения Арктики и Северного морского пути, социально-антропологических исследований субкультуры полярников.

Ключевые слова:

А. Ф. Лактионов, Арктика, Антарктика, полярная экспедиция, источник личного происхождения, Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН.

O. V. Shabalina

**MATERIALS OF A.F. LAKTIONOV'S PERSONAL FUND
OF THE MUSEUM-ARCHIVE OF THE BCH KSC RAS AS SOURCES
ON THE HISTORY OF THE ARCTIC INVESTIGATION AND EXPLORATION**

Abstract

The paper presents the fund of famous polar scientist A.F. Laktionov, member of the Arctic expeditions, belonging to the Museum-Archive of History of Studying and Exploration of the European North of the Barents Centre of Humanities of the KSC RAS. Personal documents are considered as potential sources for researches in various fields of the humanities, including the history of the study and exploration of the Arctic and the Northern Sea Route, the socio-anthropological studies of polar subculture.

Keywords:

A. F. Laktionov, Arctic, polar expedition, personal source, Museum-Archive of History of Studying and Exploration of the European North of the BCH of the KSC RAS.

Изучение и освоение полярных областей советскими экспедициями в 1920-е гг. обрели новые темпы благодаря рекордному продвижению ледокольного флота СССР в высокие широты и его успешному плаванию по отдельным участкам Северного Ледовитого океана. Полученные в ходе экспедиций данные способствовали развитию знаний о водообмене, течениях, льдах, совершенствованию тактики плавания во льдах, успешному проведению навигации в Арктике. Для обеспечения сквозного плавания по Северному морскому пути из Атлантического океана в Тихий необходимо было приступить к научным исследованиям одновременно на всех арктических морях [Дерюгин, 1968: 59–60].

31 июля 1928 г. Совет народных комиссаров (СНК) СССР принял развернутое постановление «Об усилении научно-исследовательской работы

⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке ФГБУ «Российский фонд фундаментальных исследований» и Правительства Мурманской области в рамках научного проекта № 17-11-51004_a(p) «Материалы архивов РАН по истории организации и проведения экспедиционных исследований арктических и субарктических зон в конце XIX п.п. XX вв.»

в арктических владениях Союза ССР». Специальная комиссия при СНК СССР начала организационную и финансовую подготовку пятилетнего плана научно-исследовательской работы в Арктике [Об усилении..., 1928]. После пяти лет деятельности эта комиссия была упразднена постановлением СНК СССР от 15.05.1933 г. № 965 ввиду образования при СНК СССР Главного управления (ГУ) Северного морского пути (СМП) и Всесоюзного арктического института при Центральном исполнительном комитете СССР [Немченко и др., 2016: 467].

В 1929 г. на ледокольных пароходах «Седов» и «Малыгин» и на шхуне «Ломоносов» состоялись три крупные высокоширотные экспедиции. Под руководством профессора О. Ю. Шмидта участники экспедиции на л/п «Седов» организовали самую северную геофизическую обсерваторию в бухте Тихой на Земле Франца-Иосифа, прекратив тем самым норвежские притязания на архипелаг. В 1930 г. экспедиция Шмидта на этом же ледоколе выполнила в северной части Карского моря большие гидрографические исследования. В период с 1930 по 1935 гг. в акватории, расположенной между Гренландией, Землей Франца-Иосифа, северной оконечностью Новой Земли и Северной Землей, усилиями разных советских экспедиций были проведены значительные исследовательские работы, были открыты многие острова, заливы и мысы. Руководителями и участниками многочисленных экспедиций в этот период были В. А. Васнецов, А. М. Лавров, В. В. Шулейкин, В. Ю. Визе, Р. Л. Самойлович, Н. Н. Зубов, Н. И. Евгенов, А. Ф. Лактионов и мн. др. [Дерюгин, 1968: 60–61].

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН хранит и экспонирует материалы персонального фонда известного организатора отечественных полярных гидрологических исследований Александра Федоровича Лактионова (1899–1965), полученные в дар от семьи в конце 1970-х гг. [Петров и др., 2012: 24–28].

Александр Федорович родился в г. Керчи, где окончил двухклассное училище. Далее, будучи городским стипендиатом, в 1914–1919 гг. получил образование в Учительской семинарии в городе Старый Крым (рис. 1, 2), а затем в 1919–1923 гг. преподавал в Емельяновском двухклассном училище (рис. 3, 4) [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 592, 600. Л. 1; Аветисов, 2014: 56].

Рис. 1. Удостоверение Городской управы об отсутствии препятствий для поступления А. Ф. Лактионова на должность учителя [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 593]

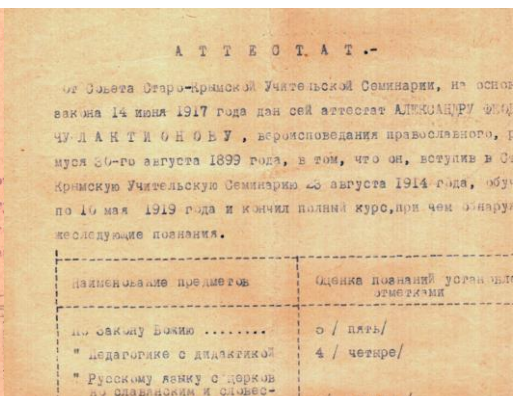

Рис. 2. Фрагмент копии аттестата А. Ф. Лактионова об окончании Старо-Крымской учительской семинарии [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 597]

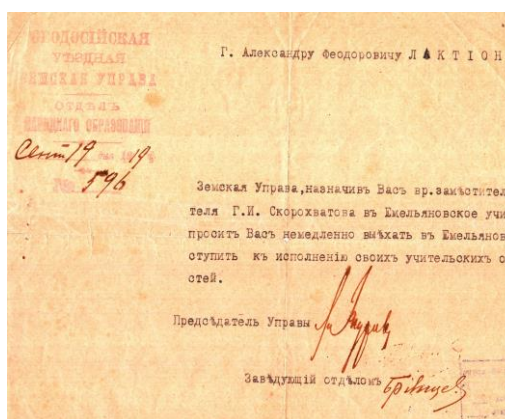

Рис. 3. Письмо А. Ф. Лактионову от заведующего Отделом народного образования Феодосийской уездной земской управы от 19.09.1919 г. № 596 с просьбой приступить к своим учительским обязанностям [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 591]

Рис. 4. Подтверждение Феодосийской уездной земской управы от 15.09.1920 г. № 375 о том, что А. Ф. Лактионов состоит штатным учителем Емельяновского двухклассного училища [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 594]

С 1 октября 1923 г. по 1 августа 1926 г. А. Ф. Лактионов служил в Керченской ихтиологической лаборатории Азовско-Черноморской научно-промысловой экспедиции в качестве наблюдателя-гидролога (рис. 5), где в течение ряда лет работал под непосредственным руководством почетного академика Н. М. Книповича. Обработывая материалы экспедиции, он в то же время принимал участие во многих плаваниях в Черном и Азовском морях, где наряду с освоением методики обработки материалов приобрел большой опыт полевых океанографических исследований [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 600. Л. 1].

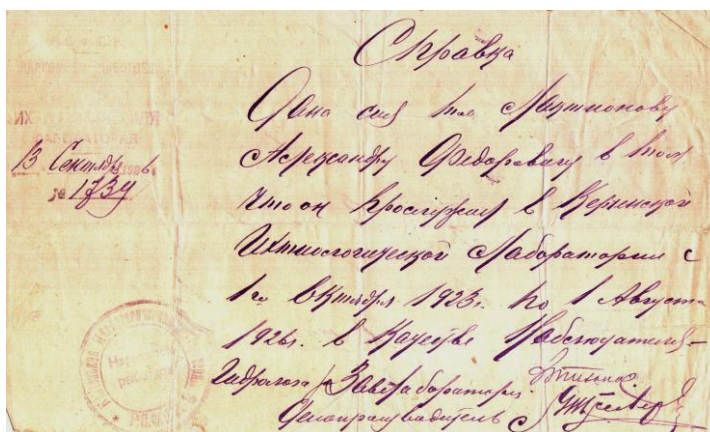

Рис. 5. Справка от 13.09.1926 г. № 1739, подтверждающая, что А. Ф. Лактионов служил в Керченской ихтиологической лаборатории с 01.10.1923 г. по 01.07.1926 г. в качестве наблюдателя-гидролога [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 596]

В 1926 г. А. Ф. Лактионов переехал в г. Ленинград и поступил на физико-математический факультет ЛГУ [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 595], но из-за активной экспедиционной деятельности образование он не завершил [Аветисов, 2014: 56].

Александр Федорович был приглашен в 1927 г. в Институт по изучению Севера, который впоследствии был реорганизован в Арктический научно-исследовательский институт. Летом 1927 г. принял участие в Арктической экспедиции Института, основной задачей которой являлось океанографическое обследование северо-восточной части Баренцева моря. С тех пор А. Ф. Лактионов непрерывно работал в области исследования арктических морей. В результате участия в экспедиции на л/п «Седов» на Землю Франца Иосифа в 1929 г. появились первые печатные работы А.Ф. Лактионова по гидрологии [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 600. Л. 1]. В своих статьях А. Ф. Лактионов на основании обстоятельного изучения химических свойств морского льда и гидрохимических исследований северной части Баренцева моря изложил суть выявленных им некоторых особенностей гидрологического режима арктических морей, обусловленных процессами образования и таяния льда, и определил значение некоторых гидрохимических факторов в характеристике водных масс. Выводы, впервые полученные А. Ф. Лактионовым в этих исследованиях, подтвердились в ходе дальнейшего изучения других арктических морей и нашли применение в решении вопроса перемещения водных масс [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 600. Л. 2].

В 1930 г. А. Ф. Лактионов отправляется в экспедицию на Северную Землю. Плавая на л/п «Седов» в Карском море, он собирает материал по гидрологии и гидрохимии и физическими свойствами морского льда, послуживший основанием для опубликования ряда научных статей. В 1931 г. А. Ф. Лактионов руководил самостоятельной экспедицией на пароходе «Ломоносов» на Землю Франца-Иосифа, где в бухте Тихой сотрудниками экспедиции была организована самая северная магнитологическая станция, и в северо-западную часть Карского моря, где им были выполнены океанографические исследования.

В 1932 г. А. Ф. Лактионов принимает участие в качестве научного сотрудника в исторической экспедиции на л/п «Сибиряков» из Архангельска во Владивосток Северным морским путем за одну навигацию, где выполняет работы по гидрологии, гидрохимии и физико-химическим свойствам морского льда. Его участие в этом рейсе отмечено орденом Трудового Красного Знамени.

В 1933 г. он в составе экспедиции на л/п «Серебряков», а в 1934 г. в качестве руководителя научными работами океанографической комплексной экспедиции на л/п «Седов» исследовал Карское море [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 600. Л. 2; Аветисов, 2014: 56].

Собранный в этих экспедициях материал послужил основанием для написания А. Ф. Лактионовым ряда работ по гидрологии Карского моря и специальной работы по гидрохимии, в которой автор впервые рассмотрел связь между распределением льдов в арктических морях и содержанием кислорода

В 1935 г. Александр Федорович принимает участие в первой высокоширотной экспедиции на л/п «Садко» под руководством Г. А. Ушакова, Н. Н. Зубова и производит гидрохимические исследования в северной части Гренландского моря, в Баренцевом и Карском морях. В этом походе достигнута рекордная широта свободного плавания в Арктике - 82° 41,6'.

В 1936 г. А. Ф. Лактионов участвовал во второй высокоширотной экспедиции на л/п «Садко» (руководители Р. Л. Самойлович и В. Ю. Визе), обследовавшей Баренцево, Карское моря и архипелаг Земля Франца-Иосифа. В 1937 г. он под тем же, что и год назад, руководством на л/п «Садко» изучал Восточно-Сибирское, Карское моря и море Лаптевых, где собрал интересный материал по гидрохимии, на основании которого ему удалось составить схему циркуляции водных масс моря Лаптевых и установить особенности гидрохимического режима этого моря. Способствовала проведению обстоятельных научных изысканий ледовая обстановка того года: л/п «Садко» был зажат льдами в море Лаптевых и остался на зимовку вместе с л/п «Седов» и «Малыгин» [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 600. Л. 3].

Из отдельных научных командировок А. Ф. Лактионова следует отметить командировку на станцию Гидрологического института в п. Умба на Кольском полуострове, где им выполнены специальные исследования по физическим и химическим свойствам льда и испробованы разрабатываемые им физические методы определения мощности морского ледяного покрова (рис. 6).

Рис. 6. Фотопортрет. А. Ф. Лактионова. Умба. 1930 или 1931 г.
[Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 618]

В результате этих экспедиций А. Ф. Лактионовым был написан ряд научных работ по гидрологии, гидрохимии, метеорологии и криологии арктических морей. Эти публикации к тому времени уже характеризовали А. Ф. Лактионова, по мнению председателя ученого совета Арктического института, чл.-корр. Академии наук СССР В.Ю. Визе, как сложившегося ученого, полностью владеющего методами полевых исследований, а также постановкой и разработкой отдельных океанографических проблем. Исследования послужили основанием для присуждения в 1938 г. А. Ф. Лактионову ученой степени кандидата географических наук без защиты диссертации [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 601. Л. 3].

Продолжая работу в области изучения арктических морей, А. Ф. Лактионов обращал особое внимание на изучение ледяного покрова. По его инициативе в институте был создан Отдел ледовых исследований со специальной ледовой лабораторией. Занимаясь этой проблемой, Лактионов подготовил к печати фундаментальную монографию «Льды полярных морей», имевшую большую научную и практическую значимость. В этом труде А. Ф. Лактионов рассматривает морской лед как физическое тело и как географический объект, подводит итог многочисленным исследованиям в этой области. Ряд вопросов, рассматриваемых в этой монографии, был впервые поставлен и разработан самим автором на основании полевых исследований, частично выполненных им, частично — другими исследователями. В 1942 г. эта работа А.Ф. Лактионова была отмечена премией почетного академика Ю. М. Шокальского, учрежденной Главным управлением Северного морского пути [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 600. Л. 4–5].

В 1941 г. А. Ф. Лактионов закончил оригинальный труд «Атлас ледовитости Карского моря», при составлении которого им была разработана методика обработки многолетних ледовых наблюдений открытого моря и прибрежной полосы. Этот важнейший в научном отношении труд стал весьма ценным навигационным пособием [Аветисов, 2014: 57].

Особое внимание А. Ф. Лактионов уделял популяризации арктических исследований. Он опубликовал ряд физико-географических очерков, таких как «Северная Земля» и «Северный полюс» (исторической очерк исследования Центрального полярного бассейна и его физико-географическое описание), подготовил к печати совместно с другими авторами (В. Ю. Визе, Г. В. Горбачким и В. К. Есиповым) «Физическую географию полярных стран», состоящую из 3-х частей: «Зарубежная Арктика», «Антарктика» и «Советская Арктика» [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 600. Л. 5].

Занимая в Арктическом институте за все время пребывания в нем ряд административных должностей (начальник Морского отдела, начальник отдела Службы льда и погоды, и.о. зам. директора по научной части, начальника Сектора тематических работ отдела Службы льда и погоды АНИИ), А. Ф. Лактионов осуществлял научное руководство того или иного отдела, разрабатывал планы экспедиционных исследований, внедрял в практику современные методы океанографии.

А. Ф. Лактионов был активным членом ученого совета Арктического института, состоял членом его редакционного совета, принимал деятельное участие в подготовке аспирантов. Читал курс «Физическая география полярных стран» в Ленинградском университете и аспирантуре Института [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 600. Л. 6].

За время почти 30-летнего пребывания в Арктическом институте А. Ф. Лактионов неоднократно был премирован и награжден, в том числе руководством Главсевморпути знаком «Почетный полярник» и похвальной грамотой.

В начале Великой Отечественной войны Арктический институт был эвакуирован в Красноярск. Научные сотрудники института работали в Штабах морских операций западного и восточного районов Арктики, обеспечивали авиацию и флот в Арктической зоне ледовыми и гидрометеорологическими прогнозами, принимали участие в ледово-гидрологических патрулях и авиационной ледовой разведке [Аветисов, 2014: 57].

За выполнение заданий в годы войны А.Ф. Лактионов был награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Заполярья» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 600. Л. 7].

В 1948 г. Александр Федорович Лактионов возглавил свою последнюю комплексную океанографическую экспедицию на ледорезе «Литке», целью которой было изыскание возможностей прохода транспортных судов по Великой северной полынье. Все последующие годы А. Ф. Лактионов продолжал активную научную, просветительскую и общественную деятельность. Им опубликовано более 100 научных и научно-популярных работ, прочитано бесчисленное количество популяризаторских лекций.

А. Ф. Лактионову, по свидетельствам современников, были присущи интеллигентность и эрудированность, многогранность интересов и возможностей. Он рисовал, играл на нескольких музыкальных инструментах, имел «золотые» руки. Интересовался творчеством художников, писавших Арктику: В. В. Крайнева, В. В. Гаврилова, В. П. Решетникова. Готовил к изданию альбом с работами этих авторов, писал об их творчестве [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 611, 613, 616; ОФ 81]. Александр Федорович общался с А. Т. Твардовским, И. С. Соколовым-Микитовым, встречался с Ж.-И. Кусто, Т. Хейердалом (рис. 7) [Аветисов, 2014: 57].

К сожалению, жизнь А. Ф. Лактионова была непродолжительной, ее финал был омрачен тяжелой болезнью. Похоронен Александр Федорович в Ленинграде на Северном кладбище. Именем Лактионова участники экспедиции на ледокольном пароходе «Седов» в августе 1930 г. назвали ледник на северном острове Новой Земли в районе зал. Русская Гавань.

Рис. 7. Слева направо: Е. С. Короткевич, Я. Я. Гаккель, А. Ф. Лактионов и Т. Хейердал. 1960-е гг. [Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 986]

Персональный фонд А. Ф. Лактионова Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН содержит творческие материалы ученого, несколько эпистолярных документов, фотографии и документы личного происхождения. Этот корпус потенциальных исторических источников позволяет восстановить и проиллюстрировать научную биографию полярного ученого-исследователя, может служить комплексным источником для исследований по истории изучения, освоения Арктики и Северного морского пути, для социально-антропологических исследований субкультуры полярников.

Источники

- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 591.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 592.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 593.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 594.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 595.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 596.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 597.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 600. Л.1–7.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 601. Л.1–5.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 611.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 613.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 616.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 618.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. НВФ 986.
- Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 81. Л. 1–4.

Список литературы

- Аветисов Г. П. Александр Федорович Лактионов. К 115-летию со дня рождения // Российские полярные исследования. 2014. № 4 (18). С. 56–57.
- Дерюгин К. К. Советские океанографические экспедиции. Л.: Гидрометеиздат, 1968. 235 с.
- Немченко С. Б., Цеценевская О. И. Арктическая зона Российской Федерации: развитие законодательства в советский период // Вестник МГТУ. 2016. Т. 19, № 2. С. 466–475.
- Об усилении научно-исследовательской работы в арктических владениях СССР: Постановление СНК СССР от 31.07.1928 г. // Собрание законодательства СССР. 1928. № 52. Ст. 464.
- Петров В. П., Пация Е. Я., Шабалина О. В. История организации и создания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН (1974–2012) // Вестник КНЦ РАН. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2012. С. 24–36.

Сведения об авторе

Шабалина Ольга Вячеславовна

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Shabalina Olga Vyacheslavovna

PhD (History), Leading Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities,
FRC KSC RAS

О. А. Зайцев

**ЛИЧНЫЙ АРХИВ В. В. ЧАРНОЛУСКОГО КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ЭТНОРЕЛИГИОЗНЫХ ПРОЦЕССОВ
В СРЕДЕ КОЛЬСКИХ СААМИ В 1920–1930-Х ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ
ИЗ ФОНДОВ МУРМАНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

Аннотация

В статье представлен личный архив советского этнографа В. В. Чарнолуского (1894–1969) как источник по истории этнорелигиозных процессов в среде кольских саами в 1920–1930-х годах. В. В. Чарнолуский практически всю свою жизнь изучал как материальную, так и духовную культуру саами. Исследование базируется на материалах из фондов Мурманского областного краеведческого музея.

Ключевые слова:

Владимир Владимирович Чарнолуский, этнография, исторические источники, личный архив, традиционные верования кольских саами, культ дикого северного оленя, тотемизм, анимизм, шаманизм.

O. A. Zaytsev

**PERSONAL ARCHIVES OF V.V. CHARNOLUSKY AS A SOURCE ON THE HISTORY
OF ETHNORELIGIOUS PROCESSES AMONG THE KOLA SAMI
IN THE 1920S – THE 1930S (ON THE MATERIALS FROM THE FUNDS
OF THE MURMANSK REGIONAL LOCAL HISTORY MUSEUM)**

Abstract

The article deals with the study of the personal archive of the Soviet ethnographer V. V. Charnolusky (1894 – 1969), which is as a historical source on the history of ethnoreligious processes among the Kola Sami in the 1920s – the 1930s. V. V. Charnolusky studied material and spiritual culture of the Sami almost all his life. The study is based on materials from the funds of the Murmansk regional local history museum.

Keywords:

Vladimir Vladimirovich Charnolusky, ethnography, historical sources, personal archive, traditional beliefs of the Kola Sami, wild reindeer cult, totemism, animism, shamanism.

Научная деятельность В. В. Чарнолуского

Научная деятельность Владимира Владимировича Чарнолуского была тесно связана с изучением этнографии и фольклора кольских саами. Во время своих поездок по Кольскому полуострову ученый собрал богатейший материал по культуре, быту и народному хозяйству кольских саамов.

В первый период своей научной деятельности (1926–1938 гг.) этнограф совершил ряд поездок на Кольский Север.

26 декабря 1926 г. — 11 мая 1927 г. Чарнолуский командирован на Кольский полуостров в составе Лопарской экспедиции от Государственного русского географического общества (ГРГО), членом которого он являлся. Экспедиция начала свою работу 11 января 1927 г. после встречи ее членов: врача Ф. Г. Иванова-Дятлова, этнографа В. В. Чарнолуского с руководителем — профессором, антропологом Д. А. Золотаревым в г. Мурманске [Золотарев, 1927: 4, 38; Лукьянченко, 2003: 128–146; Чарнолуский, 1972: 4–5].

Осенью 1927 г. Владимир Владимирович совершает поездку в восточную часть Кольского полуострова, становится научным сотрудником Кольской экспедиции АН СССР.

Осенью 1928 г. у него состоялась поездка к мотовским саамам (северо-западный район Мурманского округа Ленинградской области — от западного берега Кольского залива до Мустатунтури и Мотовского залива на границе с Финляндией¹⁰);

28 августа 1930 г. — 28 января 1931 г. Чарнолуский по поручению ГРГО организовал экспедицию по оленеводству на Кольский полуостров [МОН НВ 3570/28 ПИД].

В 1933 г. исследователь как научный сотрудник Всесоюзного Арктического института (ВАИ) участвовал в экспедиции на Терский берег Кольского полуострова, в январе 1935 г. попал под сокращение штата.

С 1935 г. Чарнолуский начал систематическую работу в области фольклора и истории саамов.

В 1936 г. он предпринял экспедицию на Кольский полуостров от фольклорной секции Союза писателей с целью записи фольклора саамов [Лукьянченко, 2003: 127–146].

Во время своих поездок вглубь тундры по саамским погостам Чарнолуский занимался сбором фольклорного и этнографического материала, исследовал традиционные промыслы, хозяйство, быт и духовную культуру народа, встречался с наиболее уважаемыми людьми — старожилками саамских общин, которых в народе называли «знаткими», записывал за сказителями все, что те ему рассказывали [Лукьянченко, 2003: 127–146]. С 1937 по 1938 гг. он готовил к изданию монографию «Очерки по истории саами» [Сорокажердьеv, 1979: 84–85].

Т. В. Лукьянченко отметила особую ценность результатов работ исследователя: «Владимир Владимирович Чарнолуский был первым этнографом, который работал у саамов Кольского полуострова после Октябрьской революции. Его наблюдения тем более ценны, что это было время (конец 1920-х годов) перед коллективизацией, когда хозяйство саамов, в частности оленеводство, и вся их культура еще сохраняли свои традиционные черты» [Лукьянченко, 2003: 144]. Иную оценку работе В. В. Чарнолуского «Материалы по быту лопарей» [Чарнолуский, 1930] давал Н. Н. Волков, его современник и исследователь культуры и быта саамов: «Построенная на большом количестве собранного автором материала, названная работа, лишена, однако, политической заостренности и вопросы кочевого быта, а также организации труда в оленеводческих хозяйствах саамов рассматривает вне связи с классовой дифференциацией и социалистической реконструкцией жизни» [НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 25]. Остаются открытыми вопросы, был ли Н. Н. Волков

¹⁰Граница СССР с Финляндией проходила вдоль границы Печенгского и Кольского районов, т.к. Печенгский район в границах до 1984 г. (по решению Мурманского ОИК за № 148 от 21 марта 1984 года южная часть территории Печенгского района с населенным пунктом Светлый передана в состав Кольского района); с 1920 по 1944 гг. они входили в состав Финляндии, что было закреплено Тартуским мирным договором от 14 октября 1920 г. [Административно-территориальное деление Мурман. обл., 1993: 99–101].

знаком с другими работами В. В. Чарнолуского: «Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей» (1930 г.) и «Оленья изгородь» (1931 г.) [Чарнолуский, 1930а: 23–69; он же, 1931], и было ли у обоих исследователей личное общение. По крайней мере, о возможности последнего свидетельствует тот факт, что и Волков, и Чарнолуский в 1935–1936 гг. участвовали в экспедициях на Кольском полуострове, у обоих был и общий объект исследования — культура кольских саами.

В связи с арестом в 1938 г. и после освобождения в 1943 г. В. В. Чарнолуский не имел возможности заниматься наукой, и только с выходом на пенсию в 1958 г. он смог снова вернуться к исследовательской работе. С этого года начинается второй период в его научной деятельности. В последующие одиннадцать лет, вплоть до своей смерти в 1969 г., этнограф занимался изучением и систематизацией накопленного материала, изучал новейшие исследования по лаппонистике, восстанавливал связи в научном сообществе. В 1961 г. он совершил свою последнюю поездку в Мурманскую область к саамам – в село Ловозеро. Экспедиция длилась с 20 июля по 14 сентября [МОН. ОФ 13898/148 ПИД]. Это время Т. В. Лукьянченко охарактеризовала как «новый, очень плодотворный в научном плане период жизни ученого» [Лукьянченко, 2003: 140].

Закономерным следствием неутомимой экспедиционной и научной деятельности В. В. Чарнолуского стало появление обширного личного архива, большая часть которого ныне находится в фондах Мурманского областного краеведческого музея.

Личный архив исследователя

В фондах Мурманского областного краеведческого музея хранятся полевые дневники, библиографические списки, конспекты работ других исследователей, рукописные и машинописные тексты работ В. В. Чарнолуского и другие материалы, которые составляют письменную часть архива ученого. По объему единицы хранения довольно сильно различаются: от 2 листов в деле (напр. [МОН НВ 3570/40 ПИД]) до 265 листов [МОН НВ 3570/98 ПИД] и более. Частью архива исследователя являются также и опубликованные труды этнографа (книги, статьи), рисунки и фотографии, сделанные им во время полевых исследований, и собранная им коллекция детских рисунков саамских школьников.

Личному архиву В. В. Чарнолуского посвящен ряд исследований. Так, К. Я. Коткин в специальной статье последовательно разбирает состав архива и ставит своей задачей «привлечение внимания к архиву, общий анализ материалов архива, тематики, с которой они связаны, а также обсуждение перспектив исследования архива» [Коткин, 2014: 29–36]. Он выделяет две большие группы материалов, рассматривая каждую по отдельности: изобразительные источники и письменные. Изобразительному блоку материалов из архива посвящены статья Д. А. Панова и В. Н. Дмитренко с характеристикой данного материала [Панов, Дмитренко, 2011б: 57–58] и статья К. Я. Коткина, в которой уделено внимание одному аспекту – восприятию дома детьми-саами через их рисунки [Коткин, 2016б: 117–123]. По письменным материалам также имеются работы, посвященные отдельным аспектам, в частности, статья К. Я. Коткина об исследованиях этнографом поморской культуры [Коткин, 2016а: 324–335]. В статье Д. А. Панова и В. Н. Дмитренко рассмотрен полевой дневник

В. В. Чарнолуского за 1961 г. как исторический источник [Панов, Дмитренко, 2011а: 54–55].

К. Я. Коткин отмечает, что для наиболее полного исследования наследия В. В. Чарнолуского необходимо: а) окончательно систематизировать материалы архива, поскольку «часто под одним учетным номером в архиве содержатся документы, отличающиеся по тематике, способам фиксации данных, времени и месту создания», а для систематизации «необходима датировка конкретных материалов, а также определение места записи и конкретных информантов», что в свою очередь поможет «выявить первоисточники в общем объеме архивных документов, более точно атрибутировать архивный материал»; б) выявить неопубликованные материалы, для чего «необходимо составление полной библиографии работ и сравнение с опубликованными исследованиями этнографа», так как «большинство письменных источников архива являются рукописными и машинописными подготовительными материалами, данные которых включены в опубликованные работы» [Коткин, 2014: 29–36].

Часть личного архива В. В. Чарнолуского хранится в фондах Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН. Изучению данной части фондов посвящен ряд работ О. В. Шабалиной, в которых автор затрагивает биографию этнографа, специфику его изобразительного наследия, переписку с Н. М. Михайловым и Е. Д. Кантором и другое [Шабалина, 2007: 146–170, 2008а: 94–71, 2008б: 83–92, 2014: 13–28, 2017: 66–82].

Распределение на тематические блоки материалов из личного архива В. В. Чарнолуского, хранящегося в фондах краеведческого музея, можно представить в виде таблицы (табл.), в которую не были включены изобразительные материалы (детские рисунки, рисунки и фотографии В. В. Чарнолуского), так как последние являются предметом отдельного рассмотрения.

Материалы личного архива В.В. Чарнолуского из фондов МОКМ

Фонд		ОФ	НВ	Итого		
По саамам	Работы других авторов	На разные темы	9	6	15	25
		О саамах	0	7	7	
		О религии и мифологии	0	3	3	
	Работы В. В. Чарнолуского	Полевые дневниковые записи	1	6	7	72
		Материалы по народному хозяйству (оленоводство рыболовство и др), быту, языку и др.	2	43	45	
		О религии и мифологии	0	10	10	
		Картотеки и библиографии	0	10	10	
Материалы по другим народам: народному хозяйству, быту, языку, мифологии и др.		0	20	20		
Общее количество единиц хранения		12	105	117		

Письменная часть архива В. В. Чарнолуцкого, как видно из таблицы, помимо работ самого этнографа содержит труды разных авторов как по саамской тематике, так и по смежным вопросам. Причем 3 единицы хранения посвящены религиозным верованиям саамов — это работы Т. Итконена, Й. Квигстада и неустановленного автора [МОН НВ 3570/2, 5, 10 ПИД].

В архиве В. В. Чарнолуцкого важное место занимают фольклорные записи (сказки, легенды, бывальщины и т.п.), часть которых к настоящему времени опубликована. Ряд материалов посвящен мифологии саамов [МОН НВ 3570/22, 23, 54, 100 ПИД]. Некоторые из очерков — непосредственно описанию религиозных верований [МОН НВ 3570/56, 100 ПИД]. Например, подборка материалов по верованиям саамов представляет собой рукописные тексты, рисунки карты и схемы на 76 листах, включающие в себя легенды и записи о сейдах, часть перевода книги И. Шефера, планы и карты священных мест, опорный лист о священных камнях [МОН НВ 3570/56 ПИД].

«Мяндашев цикл»

Материалы «Мяндашева цикла» представляют собой большой пласт данных, связанных с мифами об олене-человеке Мяндаше и культуре дикого северного оленя и указывающих на место этих воззрений в системе верований кольских саами. В этот цикл входят следующие материалы:

1. В подборке «Мяндаш. Законы Мяндаша» в рукописном виде на 85 листах разного формата имеются записи легенд и мифов, рассказанных В. В. Чарнолуцкому сказителями, а также разного рода замечания, описания и пометки [МОН НВ 3570/82 ПИД].

2. «Мяндаш и дикий северный олень» в машинописном виде с пометками на 50 листах формата А4 с рисунками и схемами. По всей видимости, эти тексты являются подготовительным материалом к изданию и основываются на предыдущей подборке рукописных материалов, что в свою очередь может помочь в расшифровке последних [МОН НВ 3570/92 ПИД].

3. Материалы «Мяндаш» и «Человек-олень» включают как рукописные, так и машинописные тексты на 117 листах и содержат черновые фрагменты, различные по структуре и объему для подготовки монографии «Легенда об олене-человеке» 1965 г. [МОН НВ 3570/93 ПИД; Чарнолуцкий, 1965].

4. «Мяндаш. Библиография» представляет собой рукописные и машинописные тексты на 21 листе разного формата и включает в себя проект статьи «О культуре Мяндаша», наброски для сборника по мифам об олене-человеке, библиографические карточки [МОН НВ 3570/95 ПИД; Чарнолуцкий, 1966: 301–315].

5. Материалы «Миф о Мяндаше и пермском зверином стиле» представляют собой в основном машинописный текст с небольшими дополнениями, сделанными от руки, на 265 листах. Они включают в себя 4 варианта монографии 1965 г. и иллюстративный материал: фотографии, рисунки и схемы [МОН НВ 3570/98 ПИД].

Таким образом, материалы, относящиеся к «мяндашеву циклу», представляются полезными для выявления первоисточников и определения направления мысли В. В. Чарнолуцкого во время подготовки и написания им своих работ.

Полевые дневники

Полевые дневники В. В. Чарнолуцкого относятся к 1927, 1928, 1930–1931, 1934, 1961 гг. и представляют собой неоднородные полевые дневниковые записи, к которым относятся следующие:

1. Материалы экспедиции 1927 г. Содержат четыре рукописные части грифельным карандашом и сине-фиолетовыми чернилами: «В пути. Пулозеро — до Иоканги. 1927 г.» на 8 листах; «Иоканга. 15 февраля – 14 марта 1927» на 30 листах; «Лумбовка. III 1927» на 16 листах; «Экспедиция 1927 г. Район Мурманск. ж.д. апрель (с. Тайбола, Оленья, Пулозеро, Кильдин) на 7 листах [МОН НВ 3570/99 ПИД].

2. «Дневник поездки на «имание оленей» 20 октября – 8 ноября 1927 г.», написанный грифельным карандашом на 5 листах [МОН НВ 3570/81 ПИД].

3. Об экспедиции осенью 1928 г. в северо-западную часть Мурманского округа Ленинградской области В. В. Чарнолуцким на основании полевого дневника был набран машинописный текст «Будни мотовских лопарей (наброска общих впечатлений осенью 1928 г.)» на 55 листах [МОН НВ 3570/14 ПИД].

4. Дневные записки 1930–1931 гг. состоят из трех частей общим объемом 80 листов, представляют собой варианты записей В. В. Чарнолуцкого, сделанных им во время экспедиции. Первая часть, «Краткий дневник поездки в составе Оленеводческой экспедиции ГРГО, 28 августа 1930 г. – 28 января 1931 г. (Мурманск – Пулозеро – Ловозеро – Умба – Иоканга – Ивановка – Ловозеро – Мурманск – Ленинград)», рукописный текст которой записан грифельными карандашами разной твердости с пометками красным карандашом и сине-фиолетовыми чернилами на 8 блокнотных листах маленького формата. Вторая часть, «Дневниковые записи во время поездки на Мурман в составе Оленеводческой экспедиции ГРГО по заданиям Колонизационного отдела Мурманской железной дороги Ленинградской области 1930–1931 гг.», рукописный текст которой записан разноцветными карандашами и сине-фиолетовыми чернилами на 61 листе различного формата с рисованными картами-схемами. Третья часть озаглавлена «Дневниковые записки во время поездки на Мурман 1930 г. ноябрь», записи сделаны карандашом на 11 листах [МОН НВ 3570/28 ПИД].

5. Дневниковые записи 1934 г. сделаны в блокноте грифельным карандашом на 27 листах и датируются с 3 по 21 сентября (по упоминаниям в тексте таких географических объектов, как гора Мишукова, река Лица, граница, речь в дневнике идет о территории Мотовского погоста) [МОН НВ 3570/38 ПИД].

6. Дневниковые записи по экспедиции в с. Ловозеро с 20 июля по 14 сентября 1961 г. на 88 листах [МОН ОФ 13898 /148 ПИД].

Таким образом, при рассмотрении полевых дневников видно, что представлены они не полностью (например, не ко всем эпизодам экспедиции в наличии имеются дневниковые записи периода зима–весна 1927 г.) и частично опубликованы в поздних работах В. В. Чарнолуцкого за 1965, 1966 и 1972 гг. [Чарнолуцкий, 1965: 23–100, 1966: 301–315; 1972]. Дневники представляют интерес тем, что по ним можно установить место, время и исполнителя того или иного исторического или мифологического текста, получить информацию о случаях, происходивших с этнографом во время экспедиции, а также описания культовых объектов, которые ему удалось увидеть.

Верования саамов

Верования саамов, по В. В. Чарнолускому, состояли из трех слоев.

В основе первого слоя у саамов «лежали тотемистические представления и культ гор и камней, деревьев и вод, растений и животных, в частности дикого северного оленя» [Чарнолуский, 1965: 14]. Для традиционных верований саамов, по мнению этнографа, характерны следующие черты: тотемизм (белый олень с золотыми рогами — Мяндаш, которому делались жертвоприношения на особом месте, и создание чёрвечултов — роговых колов), фетишизм (поклонение камням, деревьям) и анимизм (культ сейдов — духов предков, духов природы, богов).

Ко второму слою относится возникший позднее шаманизм, который слился с древними верованиями. Слава о саамских шаманах (кебунах) распространилась далеко за пределы Лапландии, они «были известны как повелители погоды, властители бурь, врачеватели больных, а особенно славилась как хорошие предсказатели судьбы» [Чарнолуский, 1965: 14].

Третий слой верований — это христианство. Как отмечает исследователь, еще в начале XIV в. отмечались единичные случаи перехода саамов в христианство, а в XVI в. произошло «массовое обращение народа в православие», которое провели «соловецкие монахи Феодорит и Трифон», последний основал монастырь на реке Печенге. Постепенно складывалось двоеверие у саамов — на традиционные верования позже постепенно наслаивались и христианские элементы.

Этнограф давал достаточно распространенную в то время оценку роли христианизации саамов и судьбы их традиционных верований: «Вскоре вся земля на Мурмане оказалась поделенной между крупнейшими русскими монастырями»; «Каждому из них в качестве крепостных цари московские жаловали целые селения лопарей»; «Православие легло на плечи лопарского народа в виде крепостного права. Тем не менее, оно помогало им в общении с русскими. Однако церковные службы посещали только женщины, мужчины же, по-видимому, остались верны культам дикого северного оленя и богини оленеводства, хозяйки трав — Разайке. Все же язычество постепенно вырождалось» [Чарнолуский, 1965: 14]. По его мнению, дохристианские верования постепенно вытеснялись и к 1920-м гг. утратили актуальность.

Культ дикого северного оленя

В исследованиях В. В. Чарнолуского по фольклору и религии саамов самое важное место занимает легенда о Мяндаше. Этнографом был собран материал, позволивший более подробно осветить вопрос о месте дикого северного оленя в верованиях саами. На эту тему ученым были опубликованы сборник «Саамские сказки» (1962), книга «Легенда об олене-человеке» (1965) и статья «О культе Мяндаша» (1966). Первые две работы содержат некоторые фрагменты и различные вариации мифа об олене-человеке. В книге проводится сопоставление некоторых сюжетов мифа о Мяндаше с сюжетами бляшек пермского звериного стиля, обнаруженных в бассейне реки Камы. Исследователь излагает свою позицию относительно места персонажа легенды. Как замечает сам автор, «впервые удалось услышать об особом божестве лопарей — о диком северном олене Мяндаше». До него впервые узнал «о существовании Мяндаша только финский ученый Арвид Генец», который, как пишет В.В. Чарнолуский,

«был единственным ученым XIX века», завоевавшим доверие саамов [Чарнолуский, 1966: 301–315].

Миф о Мяндаше, как и его имя и поклонение ему долгое время считались тайными у саамов. В пантеоне божеств он занимал обособленное положение. Мяндаш — это мужское божество. В одном йокангском сказании он появляется то как олень-бык, то, сбросив рога, превращается в человека и женится на младшей дочери супругов-стариков, тогда как ворон и тюлень женятся на двух старших сестрах. В мифологии присутствует мать Мяндаша — Мяндаш-айк. В мифах отражены тотемистические воззрения народа, то есть считалось, что саамы произошли от Мяндаша. Трепетное отношение к оленям сохранялось и в XX столетии.

Редко тотемами могли быть и другие животные: медведь (Тала, Тальный), тюлень и ворон.

Как отмечает В.В. Чарнолуский, при толковании мифов о Мяндаше следует учитывать, что сказители наделяют его разным содержанием: Мяндаш-аннтучч (Мяндаш дающийся), Мяндаш-пырре (Мяндаш-благо, добро) и т. д.

Ко времени работы В. В. Чарнолуского никакие обряды, связанные с культом Мяндаша, саамами уже не проводились. Последний обряд со слов рассказчика-очевидца, датируется 1870-ми гг. Этим временем датируются свидетельства ритуальных игр, имитирующих гон у северного дикого оленя и охоту на него. Со временем утрачивалась ритуальность игр, которые оставались долгое время у детей в качестве развлечения.

В качестве обычая охоты на дикого оленя автор приводит описание подготовки, процесса охоты и ритуального поедания первого убитого оленя. В. В. Чарнолуский ставил под сомнение сходство описанных обрядов, проводившихся в августе–сентябре у терских (йокангских) саамов и других саамских локальных групп.

Ритуал охоты на дикого оленя и жертвоприношения Мяндашу можно разделить на четыре этапа: 1) процесс подготовки к охоте (мытьё, чистая одежда и др. — смысл всех приготовлений не выдать себя); 2) процесс охоты с наговоренным камушком; 3) обряд жертвоприношения в специально отведенном месте; 4) жертвенная трапеза (участвовали только охотники-мужчины). По завершении этих ритуальных действий все участники трапезы молились на солнце, крестились и молитву произносили уже «божественными словами, церковными». Просили о ниспослании здоровья и удачи, молились о том, чтобы бог Иммель, в представлении о котором входили в какой-то мере и элементы православного вероучения, даровал успешный промысел и изобилие пищи дому молящихся. Эта молитва совершалась уже по обряду веры в бога Каврая. В этом случае сугубо языческое божество Каврай, повелитель кебунов, то есть шаманов, выступал как бы в ряду лопарских православных святых. У жилища была северная (чистая) сторона со входом (позже с оконцем), где складывалось мясо. Жертвоприношение приурочивалось Мяндашу в облике Мяндаш-аннтучч примерно к 28 сентября (православный праздник — Успение).

По мнению Чарнолуского, к 1920-м гг. обряд жертвоприношения не соблюдался, а были только мелкие дарения (рога оленя, красные суконные треугольнички, ленты). Однако, по утверждению старожила, еще в начале XIX в., когда диких оленей было много, он строго соблюдался.

На местах постоянных жертвоприношений Мяндашу никаких особых искусственных сооружений не возводилось. Место жертвоприношения Мяндашу четко отделялось от понятия «сейд» и объектов, связанных с последним.

Особняком стоят **чёрвечулты**, то есть роговые колы, в переносном смысле – гвозди. Это места, расположенные среди лучших оленьих угодий, где постоянно держатся дикие северные олени. Тут-то, на самом возвышенном месте, и вбит в землю «роговой кол» — чёрвечулт, символический рог божественного хирваса, рог Мяндаша. Этот рог может быть и чисто фантастическим, воображаемым. Он символизирует, что охотники (позднее с участием шаманов) привязывали стада Мяндаш-пырре именно к этому месту, к этому гвоздю. Через чёрвечулты с помощью символической вожжи охотники-нойды (а также кебуны-шаманы) «магически воздействуют» на стада диких оленей, чтобы они держались именно этих мест, отмеченных знаком рога, чтобы они не покидали эти пастбища, не уходили от угодий охотников данного погоста. Ниесст — сила взаимного тяготения оленей в стаде. Символически олени связывались мянно-хигной, то есть вожжой из молодой кожи, покрытой мехом растущих оленьих рогов. Чёрвечулты сохранились лишь в символической форме.

Владимир Владимирович приходит к выводу: «Забыта охота на дикого северного оленя, забыт и весь охотничий обиход, некогда бытовавший в тундрах Кольского полуострова. Даже в повседневной жизни уже исчезли пережитки быта охотников за диким оленем, если не считать запрета класть в огонь оленьи кости. Может быть, именно по этой причине не удалось пополнить сведения о празднестве на озере Сейдявр. Однако и то, что нам известно, дает некоторое представление о празднике на этом священном озере. Эти сведения, несомненно, принадлежат к мяндашеву циклу» [Чарнолуский, 1966: 313]. По мнению Чарнолуского, детские игры в диких оленей являлись пережитком обрядов, раньше исполнявшихся взрослыми во время ритуальных праздников, в дни, посвященные Мяндашу. У детей они сохранили основную схему былого действия. «В обоих случаях обряд сопровождался ритуалом почитания божества-оленя, летящего, бегущего и преследуемого охотником (бог Тиермес у саамов). Мы не знаем всей процедуры празднования на озере Сейдявр и чем оно заканчивалось, известен лишь обряд по добычи первого оленя — он завершался приобщением к тотему. Жертвоприношения лопарей при добыче первого оленя, а также, видимо, и праздника на Сейдозере, выглядят очень примитивно. По-видимому, лопари сохранили это почитание в самой примитивной, а может быть, и в наиболее архаичной форме» [Чарнолуский, 1966: 313].

Культ сейдов

Культ сейдов занимал в верованиях саамов особое место. И это была вторая по значимости тема после культа дикого северного оленя в изучении Чарнолуским религиозных верований саамов. Сейды — духи предков, которые жили в камнях, горах, деревьях, озерах и т.п. О них В. В. Чарнолуский пишет в работе «В краю летучего камня». Эти места считались сакральными, и без повода туда не ходили, женщинам нельзя было туда ходить. Сейдам раньше приносились угощения — кормления — для задабривания и удачной охоты или рыбалки. Если их покой нарушали, то сейды покидали свои места и уходили. Верили также, что камни могли летать [МОН НВ 3570/56 ПИД; Чарнолуский, 1972: 63–104].

Нойды

Теме шаманизма в работах исследователя не уделено особого внимания. Говоря об этом явлении как о более позднем слое в религиозных верованиях саамов, В. В. Чарнолуский дает следующие характеристики саамскому шаманизму: «Понятия о терминах в литературе запутаны. Нойда — много знающий человек, знает старину, умеет угадывать и предсказывать погоду, знает заговоры, может лечить, но он не специалист-врачеватель. Кебуны — то же, что шаманы, служители культа лопарских верований. О специальных кебунах мяндашева культа слышать не доводилось. Колдуны — люди, умеющие врачевать, приносить людям порчу, заговаривать кровь и т.п., узнавать что-нибудь тайное; о нойдах ничего подобного слышать не приходилось. Кайлесмиллаш — мудрейшие старцы, общественные судьи. Все эти профессии в общественном быту лопарей уже не встречаются» [Чарнолуский, 1966: 303]. А. Генетц «был последним, кто видел камлание лопарских кебунов, т.е. шаманов, и сам подвергался их лечению» [Чарнолуский, 1966: 301–315]. Вместе с тем по всей первой части монографии 1965 г., в том числе по сюжету об имании оленей, так и в поездках этнографа с информантами к сейдам видно, что говорить о шаманизме как о перевернутой странице истории не приходится. Плюс ко всему В. В. Чарнолуский сообщает читателю об инициаторах возрождения дохристианских верований и о нежелании информантов разговаривать на тему верований.

Таким образом, общую точку зрения В. В. Чарнолуского на религиозные взгляды саамов можно свести к следующему. Для дохристианских (языческих) религиозных верований саамов характерны тотемизм (происхождение саамов от оленя-человека Мяндаша и от его матери), фетишизм (поклонение камням, деревьям), анимизм (культ сейдов, предков, духов природы, богов). Далее с этими верованиями слились и возникшие позднее магия и шаманизм (нойды, кебуны). А позже постепенно наслаивались и христианские элементы. Так постепенно складывалось двоеверие у саамов. К 1920-м гг. дохристианские верования вытеснялись и утратили актуальность. В изложении материала о верованиях саамов В. В. Чарнолуский особо выделял на всем фоне культ дикого северного оленя как тотемный. Отсутствие специальной главы или исследования, посвященных всецело религиозным верованиям, никак не снижает значимости работ исследователя и не говорит об отсутствии соответствующей концепции.

Итак, рассматривая религиозные взгляды кольских саамов по материалам архива В. В. Чарнолуского, стоит особо обратить внимание на тексты из цикла об олене-человеке Мяндаше, полевые дневники и другие источники. Анализируя их вкупе с опубликованными работами, можно определить не только время и место сбора материала, выявить первоисточники (информанты, дополнительная литература, использованная автором, собственное наблюдение), но и представления этнографа о религиозных воззрениях кольских саами. Архив В. В. Чарнолуского способен пролить свет на распространение тех или иных мотивов в религиозной картине мира народа и его определенных групп в конкретный исторический период.

Список сокращений

АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик

ГРГО — Государственное русское географическое общество

МКИ — Мурманское книжное издательство

МОМ — Мурманский областной краеведческий музей
НВ — Научно-вспомогательный фонд
ОИК — Областной исполнительный комитет
ОФ — Основной фонд
ПИД — коллекция «Письменные источники – документы»
ПИК — коллекция «Письменные источники – книги»

Источники

МОМ НВ 3570/2 ПИД.
МОМ НВ 3570/5 ПИД.
МОМ НВ 3570/10 ПИД.
МОМ НВ 3570/14 ПИД.
МОМ НВ 3570/22 ПИД.
МОМ НВ 3570/23 ПИД.
МОМ НВ 3570/28 ПИД.
МОМ НВ 3570/38 ПИД.
МОМ НВ 3570/40 ПИД.
МОМ НВ 3570/54 ПИД.
МОМ НВ 3570/56 ПИД.
МОМ НВ 3570/81 ПИД.
МОМ НВ 3570/82 ПИД.
МОМ НВ 3570/92 ПИД.
МОМ НВ 3570/93 ПИД.
МОМ НВ 3570/95 ПИД.
МОМ НВ 3570/98 ПИД.
МОМ НВ 3570/99 ПИД.
МОМ НВ 3570/100 ПИД.
МОМ ОФ 13898 /148 ПИД.
МОМ ОФ 20593 ПИД.
НА МАЭ РАН Ф.К-1. Оп.1. Д.2.

Список литературы

Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993 гг.): Справочник / Архивный отдел Администрации Мурманской области; Государственный архив Мурманской области. Мурманск, 1993. С. 99–101.

Золотарев Д. А. Лопарская экспедиция (11/І–11/V 1927 года). Л.: ГРГО, 1927. 48 с.

Коткин К. Я. Забытая тема: культура поморов в исследованиях этнографа В. В. Чарнолуского // Мурман и Российская Арктика: прошлое, настоящее, будущее. Материалы межрегиональной научной конференции. Мурманск, 26–28 сентября 2016 года. Мурманск: МАГУ, 2016. С. 324–335.

Коткин К. Я. Образы дома и память о нем как потенциальная травма: рисунки детей-саами рубежа 1920–1930-х годов // Дом. Сборник научных статей. Мурманск: МАГУ, 2016. С. 117–123.

Коткин К. Я. О составе архива В. В. Чарнолуского в фондах Мурманского областного краеведческого музея. // XI Масловские чтения. Сборник научных статей. Мурманск, 20–22 декабря 2012 г. Мурманск: МГПУ, 2014. С. 29–36.

Лукьянченко Т. В. В. В. Чарнолуский — певец Земли Саамской // Репрессированные этнографы / Сост. Д. Д. Тумаркин. Вып. 2. М.: Восточная литература, 2003. С. 128–146.

Панов Д. А., Дмитренко В. Н. «Дневные записки Чарнолуского Владимира Владимировича по командировке 1961 г.» как исторический источник (из фондов Мурманского областного краеведческого музея) // Чарнолуские чтения: Материалы IV международной научно-практической конференции. Мурманск, 14–15 ноября 2011 г.: в 2 ч. Мурманск, 2011. Ч. 1. С. 54–55.

Панов Д. А., Дмитренко В. Н. Изобразительные источники в архиве В. В. Чарнолуского (из фондов Мурманского областного краеведческого музея) // Чарнолуские чтения: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Мурманск, 12–13 апреля 2010 г. Мурманск, 2011. С. 57–58.

Сорокажердьев В. В. Исследователи Кольского полуострова. Мурманск: МКИ, 1979. 103 с.

Чарнолуский В. В. В краю летучего камня. М.: Изд-во «Мысль», 1972. 272 с.

Чарнолуский В. В. Заметки о пастьбе и организации стада у лопарей // Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23. Кольский сборник. Труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 23–69.

Чарнолуский В. В. Легенда об олене-человеке. М.: Изд-во «Наука», 1965. 140 с.

Чарнолуский В. В. Материалы по быту лопарей. Опыт определения кочевого состояния лопарей восточной части Кольского полуострова. Л.: Изд. ГРГО, 1930. 176 с.

Чарнолуский В. В. О культуре Мяндаша // Скандинавский сборник. Вып. 11. Таллин: Изд-во «ЭэстиРаамат», 1966. С. 301–315.

Чарнолуский В. В. Оленья изгородь. М., Л.: Гос. изд-во сельскохозяйственной и колхозно-кооперативной литературы, 1930. 32 с.

Шабалина О. В. Владимир Владимирович Чарнолуский (1894–1969) // Художники-участники экспедиций на Крайний Север. Из собрания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Кольского научного центра РАН. СПб., 2008. С. 94–171.

Шабалина О. В. Из истории этнографических исследований В. В. Чарнолуского: рисунки и письма ученого из фондов Музея-Архива ЦГП РАН // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века. Сборник статей. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2007. С. 146–170.

Шабалина О. В. Литературно-изобразительные материалы персональных фондов Г. Д. Рихтера и В. В. Чарнолуского как источники по истории организации и проведения арктических и субарктических экспедиций в аспекте финансового и продовольственного обеспечения // Труды Кольского научного центра РАН. 2017. № 11. С. 66–82.

Шабалина О. В. Материалы персональных фондов В. В. Чарнолуского, Я. А. Комшилова Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН как источник по истории этнографических исследований на Северо-Западе России // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2014. Т. 2013. С. 13–28.

Шабалина О. В. Материалы фонда В. В. Чарнолуского «Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера» ЦГП Кольского НЦ РАН как

источниковая база для исторических исследований академической экспедиционной деятельности на Кольском полуострове // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2008. № 2. С. 83–92.

Сведения об авторе

Зайцев Олег Алимханович,
аспирант ФИЦ КНЦ РАН

Zaytsev Oleg Alimkhanovich,
post-graduate of the FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.96-101
УДК 316.346.32-053.6

Н. Н. Измоденова

ОБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ: СОЦИАЛЬНОЕ ВООБРАЖАЕМОЕ

Аннотация

В статье анализируются результаты проведенного в 2018 г. социологического исследования о типах социальных представлений о современном российском обществе и образе будущего России у студентов филиала МАГУ в г. Апатиты и у представителей различных социальных групп Мурманской области. Тексты эссе студентов и тексты интервью с жителями области дают возможность конструировать образ настоящего и будущего России.

Ключевые слова:

социальное воображаемое, настоящее и будущее России, Мурманской области и человека в Арктике.

N. N. Izmodenova

THE IMAGE OF THE FUTURE OF RUSSIA: SOCIAL IMAGINARY

Abstract

The article analyses the results of sociological research in 2018 on the types of social perceptions of modern Russian society and future image of Russia among the students branch of the MAGE in Apatity and representatives of various social groups of the Murmansk region. Essay texts students and texts of interviews with residents of the region give the ability to construct an image of the present and the future of Russia.

Keywords:

social imaginary, the present and the future of Russia, Murmansk oblast, and man in the Arctic.

*... Будущее светло и прекрасно.
Любите его, стремитесь к нему,
работайте для него, приближайте его...
(Н.Г. Чернышевский)*

Будущее и образ этого будущего вызывают естественный интерес у всех живущих, независимо от возраста, социального статуса, конфессии, этничности, пола и гендера, региона и страны проживания. Каждый пытается представить перспективы своего будущего бытия, страны и мира и в соответствии с этими представлениями выбирать возможные траектории своей жизнедеятельности. Будущее является объектом исследований философов, социологов, теологов,

писателей, политиков и представителей других профессий. О возможном будущем России сегодня написано много: поисковик Google в русскоязычном интернете об образе будущего России дает примерно 289 000 000 результатов, что позволяет оценить интерес к этой теме. В 2017 г. «Молодежкой ОНФ» был проведен конкурс «Образ будущего страны», на который пришло более 10 тыс. заявок. Политики и политологи России постоянно обсуждают тему национальной идеи. Но кроме профессиональных интересов существуют проекты возможного будущего в повседневной жизни каждого человека, так как настоящее включает в себя и прошлое и будущее.

Методы исследования

Чтобы выяснить образ современной России и ее образ будущего у студентов-социологов (бакалавров и магистров), было дано задание написать эссе на тему «Характеристика современной России» и «Образ будущего России». Для зачета по социологическому практикуму студенты должны были взять по 3 интервью по этим темам у тех, кто не является студентом филиала МАГУ и кому 18+; студенты 3 курса проводили с первокурсниками филиала фокус-группы. Всего анализируется 69 текстов.

Анализ текстов позволяет выявить социальные представления и знания об обществе, в котором они живут, системы значений, которые они придают социальным процессам, ситуациям, проблемам, социальным отношениям и возможным будущим социальным процессам. Будущее — это образ будущего, «социальное воображаемое, которое есть ничто иное, как система интерпретаций мира, система наделения его смыслом» [Касториadis, 2012: 67].

Для интерпретации текстов использовались методики дискурс-анализа (Филлипс, Йоргенсен, 2004; ван Дейк, 1989).

Содержание всех текстов было разделено на 3 класса: суждения о современности, суждения о будущем и суждения о настоящем и будущем Мурманской области.

Современное российское общество: основные характеристики (рейтинг суждений по частоте упоминаний)

Позитивные характеристики современности

1. Богатство природных ресурсов: «У нас очень богатая страна». «У нас слишком много ресурсов для одной страны, что и хорошо, и плохо».

2. Сила: «Я считаю, страна – сильная. Мы стараемся, у нас высокая оборона, мы развиваемся, стараемся...».

3. Социальное и культурное разнообразие: «Для меня Россия представляет прежде всего многонациональный народ, много конфессий, разные мнения и разная культура у людей».

Негативные оценки современной России

1. Несправедливость и неравенство: «Все идет планомерно: бедные — беднеют, богатые — богатеют. С Путиным или без, но система также будет работать... Все поддерживается на уровне “еще чуть-чуть и конец”». «Много чиновников и депутатов...», «...как мне кажется, большинство депутатов в Государственной Думе сидят лишь ради личного обогащения, а не ради решения вопросов, которые могли бы изменить жизнь многих городов нашей страны».

2. Коррупция и безработица: *«Нет работы по специальности». «Все закрывается, нового ничего не нужно. А люди без работы сидят». «Все, кому нужна работа, идут работать в магазин, а кто-то по блату устроился на производство». «Пласт специалистов и по-настоящему образованных тает, и в целом все обещает быть таким же, плюс-минус незначительные изменения».*

3. Нет чувства защищенности: *«...Мне страшно».*

4. Деграция медицины и всей системы здравоохранения: *«Врачей не хватает, платят им мало, плюс нехватка оборудования» и «...русские, граждане России, ездят лечиться на Запад...», «...продолжительность жизни низкая. Это проблема». «Ну, до европейского уровня нам далеко».*

5. Деграция образования и науки: *«Инновационные технологии копируются с Запада. В последнее время не слышно того, что действительно что-то было создано или открыто в России, то есть какой-то полезный прибор, какое-то полезное приспособление. Мы создаем лишь то, что существует давным-давно на Западе». «...Образование в России, опять же требует изменений. Особенно экзамены: ОГЭ и ЕГЭ. Мне кажется, что с контролем на экзаменах переборщили: камеры, металлоискатели... Как с врагами...».*

6. Возросшая роль религии и реформы в образовании: *«Много православных, мало атеистов». «...все молятся, наукой заниматься некогда...».*

7. Предчувствие войны: *«Кажется, что мир на пороге третьей мировой войны, и не хочется всего этого». «Не знаю, мне кажется, что по любому что-то такое будет в ближайшие годы. Так сказать, предчувствие войны, военных действий, что вот-вот они наступят...».*

8. Социал-дарвинизм: *«У нас созданы условия, ну как бы ощущение такое, что создаются условия для населения, в которых выживет сильнейший. Вот... вот так вот. И не важно, ...тебе вот на существование должно хватать... и хватит».*

9. Капитализм как судьба: *«Мне кажется это до конца обдуманый план экономики страны: это коррупция и криминализация экономики, то есть все богатства России, а также государственный бюджет, принадлежат определенной группе лиц, которая распоряжается ими на свое усмотрение; демографический спад: снижение рождаемости, высокая смертность, высокая доля стариков и низкий процент молодежи; плохая профессиональная подготовка; некомпетентность начальников; сокращение рабочих мест; много лишних людей; повышение пенсионного возраста...».*

10. Неэффективность управления: *«У нас страна очень богата природными ресурсами, но распоряжаться не умеют... В Норвегии ж ресурсов не так много, но они умеют ими распоряжаться».*

11. Эсхатология: *«У меня не тревога, у меня боль...боль..., когда я понимаю, к чему мы идём, к чему мы стремимся, зачем..., для чего..., как.... Да, пессимистический настрой. А если как бы ничего не получится, то надо просто уезжать». «...уже себе непросто верить в то, что все, что есть в России сейчас – нормально», «...лучше вряд ли станет».*

Образ будущего России и Мурманской области

(рейтинг суждений по частоте упоминаний)

1. Качественных изменений не будет: *«Россия все также будет уделять большое количество времени на внешнюю политику, на взаимные санкции с Европой, помогать всем и вся, кроме своих граждан, как обычно, ну, и, как*

раньше, развивать газопровод и оборону...». «Плохие дороги в будущем точно останутся». «С работой туго и ситуация не улучшится». «Специалистов и по-настоящему образованных нет». «Ну, будем надеяться, что нефть вновь подорожает и у нас будет более-менее экономика стабильной, хотя бы чуть-чуть. В политической сфере пока не поменяется..., вернее, точно ничего не поменяется».

2. Перспективные направления развития страны: «Надо развивать медицину и фармацевтику, они являются одними из наиболее перспективных сфер деятельности в России; еще информационные технологии, нанотехнологии; также не забывать об экологии страны».

3. Поиск ресурсов развития и господства над миром: «Да, часто задумываюсь о будущем: о моем, моих родных, о местах, где я живу, и страны в целом, ведь это не может не волновать. Я думаю, она, Россия, будет стремиться завоевать первое место в политике, экономике, будет максимально приближена к Америке.... Все зависит от того, кто быстрее найдет новый ресурс, который сможет обеспечить и поработить весь мир. Либо ископаемые или робототехника, которая сейчас очень развивается, ну, то есть, что-то, что сможет контролировать всех».

4. Человек — не средство, а цель существования государства: «Россия — сильное государство, которое, как и внутри, так и на международной арене может вести себя цивилизованным образом». «Сильная в политическом, экономическом плане, где все для народа, ради народа». «Россия, открытая для всех, для каждого, свободная, без ограничений слова, передвижения». «Высокий уровень образования и активное развитие науки, так как именно эти составляющие будут вызывать уважение к стране на мировой арене». «Стабильность. Сейчас мы не можем быть уверены в том, что сегодня произойдет или завтра». «Идеальным же мне видится будущее, в котором страна будет включена в общемировые отношения не в качестве противника, а скорее активного участника, уважаемого другими», «...нужно делать больше для себя и пытаться в социальных сферах помогать, чтобы люди жили лучше — это главное».

5. Развитие производительных сил: «Создавать новые рабочие места, то есть открывать новые производства, и для людей хорошо — меньше безработных, и для государства — получение прибыли с производства». «Хотелось бы быть больше производственной страной, чем сырьевой».

6. Совершенствование системы расселения: «Я считаю, что стоит развивать малые и средние города, села, деревни. Москва и Питер процветают, остальные же — обречены на гибель. И это печально». «Доходы от работы предприятий будут уходить на развитие регионов, в которых они расположены, и все расходы, и траты властей будут прозрачными и согласованными с их жителями».

7. Верховенство закона: «Страна, в которой в основе будет лежать верховенство закона и конституции», а «власть будет распределена на региональном уровне, а не сконцентрирована в столице». «Адекватная система налогообложения, соответствующая проводимой социальной политике». «Надо проводить постоянные опросы населения о доверии к разным ветвям власти и в соответствии со степенью доверия принимать решения о соответствии занимаемой должности».

8. Ориентация на интересы своей страны: «Нам нужно заняться собой, а не бегать и соревноваться с кем-то — это глупо. Мы никогда...мы чужие, потому что мы столько лет живем ограничено, мы общались только

с соцлагерем...». «...конечно, мы чужие, нас никто не любит. И как-то глупо, пытаться завоевать любовь... А мы, помогаем всем подряд».

9. Эсхатологические ожидания: «Ну, когда я задумываюсь, представляю, что будет через 5–10 лет, но потом как-то стараюсь не думать об этом». «Определённых эмоций нет». «Конечно, есть надежда на лучшее, но, в то же время — мне страшно. По-моему, мир на пороге третьей мировой войны, и не хочется всего этого. Не знаю, мне кажется, что по любому что-то такое будет, в ближайшие годы».

12. Реставрация и революция: «Низкая эффективность деятельности нынешней власти вероятнее всего в перспективе приведет к необратимым последствиям для страны: возможную изоляцию, повторение тоталитарного режима или же возврат к монархии, которая набирает популярность среди приверженцев действующей власти». Но, «...сюжеты могут быть и иными. Опять же революционный путь изменений, который может обострить положение России в мире, вызвать огромные трудности, связанные с распределением ресурсов и военной мощи...». «... в любом случае, нынешняя политика страны не вызывает мыслей о спокойной и мирной старости».

13. «Если честно, даже не задумываюсь об этом и не могу что-то сказать...».

Информантов не устраивает состояние современного общества, ни его экономика, ни политика, ни культура, и они не верят, что в ближайшее время российское общество может измениться в лучшую сторону.

Информанты считают, что система справедливости и социального равенства могла бы стать «лучше», но все же «...это плохо реализуемо и все равно останутся недовольные граждане». Вероятность воплощения идей об идеальном обществе, в котором им хотелось бы жить, в существующих условиях — утопия. Кроме справедливости и равенства респонденты выделили также такие желательные характеристики общественных отношений, как «стабильность», «уверенность в завтрашнем дне», «долголетие», «неравнодушие».

Думая о будущем, многие не видят перспектив своей жизни в городах Мурманской области, так как: «нет работы по специальности», «развлечений», «магазинов», «маленький городок», «климат плохой». Демонстрируют миграционные установки: если бы у них были возможности уехать, то они бы сменили место жительства на европейские страны, на среднюю полосу России или на «Питер».

В то же время высказывают оптимистический прогноз для региона: «Мурманская область не загнется, и Апатиты имеют шансы еще очень долго простоять. Потому что пока у нас тут есть оборонка и производство, на которое сложно попасть». «Ну, а те, кому надоест, свалит куда-нибудь. Кто-то учиться — и скорее свалит в Финляндию, причем не важно в каком возрасте; кто-то поедет в Питер работать в сфере обслуживания в поисках лучшей жизни». «Ну, я хотел бы уехать из страны, потому что, например, в европейских странах уровень жизни выше, намного легче позволить себе тот уровень жизни, который хотелось бы иметь». «Я думаю, что будущее нашего региона выглядит оптимистичным. Например, город Кировск станет популярным горнолыжным курортом, известным не только в России, но и за рубежом. Искренне верю, что в нашем городе будет развита инфраструктура, появятся новые туристические и рекреационные центры, откроются новые школы, в колледжах появятся новые специальности...».

Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов:

1. Общество в представлениях наших информантов — это страна, в которой люди живут в Российском государстве на определенной территории, и общество, таким образом, отождествляется с государством и территорией (поселением). Дискурсы политического и географического детерминизма являются доминирующими в описании общества. Государство — это демиург: оно создает, разрешает, запрещает и т.д. Оно существует вне и над повседневностью респондентов, но детерминирует ее. Такую же роль играет и территория с ее климатом и ландшафтом.

2. Большая часть суждений о современной России носит негативный характер.

3. Социальная структура современного российского общества описывается в рамках дискурса стратификационной модели. Главными агентами являются президент и его правительство, депутаты, принимающие законы, собственники средств производства и не очень довольный народ: безработный, больной, вымирающий, жаждущий изменений и надеющийся, что таки повысят и зарплату, и пенсию и создадут рабочие места.

4. Возможности описываются дискурсом потребления. Описание «ужасов» бытия дополняется надеждой на лучшее будущее, на то, что эти проблемы как-то исчезнут или кто-то сделает «лучше». Себя они не видят агентами исправления мира. Кто-то сделает «лучше», и они останутся тут жить, а если нет, то они уедут в поисках лучшего мира. Этот демиург — власть, воплощенная в государстве.

Краткое изложение систем значений, которые демонстрируют информанты, позволяет сделать вывод о том, что в их суждениях встречаются и дополняют друг друга дискурсы социологические (использование которых задавалось ситуацией производства текстов), средств массовой информации и повседневного знания. Система значений, приписываемых российскому обществу, конструируется системой категорий: политика – государство – экономика – место работы, учебы – уровень и качество повседневной жизни.

Список литературы

Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 312с.

Касториadis К. Дрейфующее общество. Беседы и дискуссии (1974–1997). М.: Изд-во Гнозис / Логос, 2012. 328с.

Тейлор Ч. Что такое социальное воображаемое. Журнальный зал: Неприкосновенный запас. 2010. № 1 (69). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/69/te3.html>.

Филлипс Л., Йоргансен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2004. 336 с.

Сведения об авторе

Измоденова Нина Николаевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры экономики, управления и социологии филиала ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет» в г. Апатиты

Izmodenova Nina Nikolayevna,

PhD (Philosophy), Professor, the Department of economics, management and sociology, Branch of the Murmansk Arctic State University, Apatity

ЮБИЛЕИ. ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

ANNIVERSARIES. MEMORABLE DATES

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.102-116

В. П. Петров

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. И. ГОРБУНОВА

V. P. Petrov

**G.I. GORBUNOV: ON THE OCCASION
OF THE 100TH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH**

Григорий Иванович Горбунов — крупный ученый, видный организатор науки, общественный деятель, человек, с именем которого связаны значительные достижения в развитии геологической науки, открытие, изучение и народнохозяйственное освоение минеральных ресурсов Мурманского и ряда других регионов Советского Союза. Его жизненный путь был оригинальным и вместе с тем достаточно типичным для своего времени. В нем были и крутые повороты, резкие изменения характера и мест трудовой деятельности, служебного положения.

Г. И. Горбунов родился 13 октября 1918 года в деревне Дор Вологодской области в многодетной крестьянской семье. После успешного окончания школы он поступил в Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе. Летом 1941 года, когда началась война, он был на преддипломной практике в Бурят-Монгольской АССР. Возвратившись с практики, Григорий Иванович со своими друзьями-сокурсниками пошел в военкомат, но там им сказали, что надо закончить учебу — стране были нужны геологи. Уже в октябре 1941 года Горбунов сдал последние экзамены и получил справку о возможности получить диплом без защиты дипломной работы. Диплом ему выдали в 1942 году в Семипалатинске, и Горбунов был направлен на поиски и разведку месторождений цветных и редких металлов в Ошскую область Киргизской ССР (1942–1945).

С 1945 года Григорий Иванович в течение двух лет проводит геологическую съемку (м 1:2 000) Печенгского рудного района Мурманской области, возвращенного в состав СССР по итогам войны, изучает материалы разведочных работ, выполненных еще канадскими и финскими геологами, исследует строение подземных рудников.

В начале 1947 года Горбунов переводится в Ловозеро в качестве технорука Карнасуртской геологоразведочной партии треста «Союзспецразведка» на разведку редкометалльных месторождений, на базе которых начиналось строительство Ловозерского горно-обогатительного комбината.

В 1948 году Григорий Иванович избирается вторым секретарем Ловозерского райкома ВКП (б) (в партию он вступил еще в 1944 году). На партийном посту в течение одного года он участвует в решении многих важных вопросов, касающихся начавшегося строительства комбината, оказания практической помощи геологоразведочным и научно-исследовательским экспедициям, работавшим в восточной части Кольского полуострова, включая полосу вдоль проектируемой железной дороги Апатиты – Кейвы – Йоканьга.

В январе 1949 года по представлению академика Д. С. Белянкина Президиум Академии наук СССР назначает Г. И. Горбунова ученым секретарем Кольской научно-исследовательской базы. Знаменательно, что именно в год прихода Григория Ивановича Кольская база получила статус Филиала АН СССР.

Научно-организационную работу ученого секретаря Г. И. Горбунов активно сочетает с продолжением изучения Печенгских месторождений. В 1951 году он становится аспирантом-заочником, прикомандируется в аспирантуру ЛАГЕД АН СССР, его научным руководителем утверждается чл.-корр. Н. А. Елисеев. Уже в следующем 1952 году Григорий Иванович успешно защищает кандидатскую диссертацию «Рудное поле Каула-Каммикиви» в Институте геологических наук АН СССР.

В этом же году он становится заместителем председателя президиума КФАН СССР. В годы работы на этой должности (1952–1959) Г. И. Горбунов, являясь активным деятельным членом команды А. В. Сидоренко, много внимания уделяет организации и укреплению научно-исследовательских подразделений Филиала. Он принимает самое активное участие в проектировании и строительстве Академгородка в городе Апатиты в 1953–1972 годах.

В 1959 году Г. И. Горбунов прервал свою научно-организационную работу, перейдя на должность старшего научного сотрудника Геологического института КФАН СССР. Президиум АН СССР предоставил Г. И. Горбунову творческий отпуск для завершения докторской диссертации с прикомандированием его к Институту геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии АН СССР.

В феврале 1964 года Горбунов успешно защищает докторскую диссертацию на тему «Закономерности размещения и условия образования сульфидных медно-никелевых месторождений Печенгского рудного района» и в этом же году возглавляет созданную им лабораторию геологии рудных месторождений в Геологическом институте КФАН.

В 1965 году завершился первый период работы Г. И. Горбунова на Кольском полуострове. По инициативе А. В. Сидоренко, бывшего в то время министром геологии СССР, он назначается членом Коллегии, начальником Управления научно-исследовательских организаций Министерства геологии СССР. Последующая семилетняя деятельность Горбунова на всесоюзном уровне была многоаспектна и плодотворна. Он проводит большую работу по организации исследований минерально-сырьевой базы страны, по развитию сотрудничества между научными организациями министерства, Академией наук СССР и высшими учебными заведениями. Григорий Иванович являлся главным редактором журнала «Советская геология», заместителем главного редактора 48-томного издания «Геология СССР» (1968–1972), членом редколлегии издания «Геологическая изученность СССР» (1966–1990). В качестве члена бюро Национального комитета геологов СССР и вице-президента Комиссии по

геологической карте мира принимал деятельное участие в организации международного научно-технического сотрудничества. Особое место в деятельности Горбунова заняли разработка программы ГКНТ СССР «Изучение недр Земли и сверхглубокое бурение» и реализация этой программы. В 1975–1980 годах Григорий Иванович возглавлял работы Министерства геологии СССР по выбору места заложения и научному обеспечению проходки Кольской сверхглубокой скважины СГ-3. Все эти годы он не прерывал связи с Кольским филиалом АН СССР, со своей лабораторией, оказывал поддержку соратникам, местным геологическим организациям.

Возвращение Г.И. Горбунова на Кольскую землю состоялось в 1971 году, когда по инициативе президента АН СССР, академика М. В. Келдыша и академика-секретаря Отделения наук о Земле А. П. Виноградова, поддержанной Министерством геологии СССР и Мурманским обкомом КПСС, он был утвержден председателем Президиума ордена Ленина Кольского филиала им. С. М. Кирова Академии наук СССР. В последующие 15 лет Горбунов трижды переизбирался на этот пост.

Деятельность Григория Ивановича в этот период была сосредоточена на развитии академической науки на Кольской земле, определении ее новых актуальных задач и направлений исследований, реализации идей и замыслов своих предшественников: академиков А. Е. Ферсмана, Д. С. Белянкина, А. В. Сидоренко. В период работы Горбунова на посту руководителя КФАН СССР в институтах были созданы 22 новых научных подразделения для развития исследований по фундаментальным и прикладным направлениям. При президиуме Филиала были образованы Отдел экономических исследований, Отдел энергетики, Лаборатория охраны природы, которые в дальнейшем выросли в полнокровные академические институты. Общая численность работников Филиала в период с 1970 по 1986 годы возросла с 2260 до 3465 чел., в том числе количество научных сотрудников возросло до 727, докторов наук до 34, кандидатов наук до 312 сотрудников. Увеличилось число аспирантов и соискателей. К руководству институтами и научными подразделениями Филиала пришли ведущие ученые, будущие академики Н. Н. Мельников (1980), Г. Г. Матишов (1981), В. Т. Калинин (1981), такие крупные специалисты, как И. Б. Токин, О. М. Распопов, И. Р. Степанов, В. А. Федосеев. В качестве своих заместителей Горбуновым были выдвинуты Г. А. Марков, Н. Н. Ведерников, В. С. Кононенко, на должность главного ученого секретаря — Г. В. Калабин.

По инициативе Г. И. Горбунова научные силы Филиала были сконцентрированы на исследовании крупных фундаментальных проблем науки, изучении природных ресурсов и процессов в условиях Кольского Севера. Он возглавил работы по комплексной проблеме «Перспективы развития производительных сил Севера», разрабатываемой коллективами Кольского, Карельского и Коми филиалов АН СССР совместно с Комиссией по изучению производственных сил и природных ресурсов (КЕПС) АН СССР.

Особое пристальное внимание Горбунов уделял практическому решению важнейших научно-технических и технологических задач, таких как комплексное рациональное использование полезных ископаемых и биологических ресурсов, а также экологических проблем, например, реального внедрения оборотного водоснабжения на комбинате Апатит по технологии, разработанной и отработанной в опытно-промышленном масштабе на установке Горного

института КФАН СССР. По инициативе и под руководством Г. И. Горбунова была разработана «Программа создания в Мурманской области единого межотраслевого горнопромышленного комплекса», которая в 1984 году была утверждена Советом Министров СССР. Григорий Иванович практическими мерами поддержал идею Е. П. Велихова о проведении на Кольском полуострове уникального эксперимента по сверхглубинному и сверхдальному зондированию литосферы с использованием магнитогидродинамического генератора. Под его личным контролем осуществлялось создание мощной системы МГДГ на п-ове Рыбачий.

При Г. И. Горбунове фактически начало развиваться международное научное и научно-техническое сотрудничество с западными соседями. К этому времени, в частности, относится реализация первого международного контракта КФАН СССР по разработке технологии апатит-штафеллитовых руд финского месторождения Сокли. Будучи членом советско-финляндской рабочей группы по сотрудничеству в области геологии, он совместно с финскими коллегами (Хейки Папунен) организовал совместные широкомасштабные исследования по геологии медно-никелевых месторождений Балтийского щита, итогом которых явилась международная монография с участием специалистов СССР, Финляндии, Норвегии и Швеции, опубликованная в 1985 году.

В представлениях коллег и всех сотрудников-современников Горбунов был не только крупным ученым, организатором науки, но и бережливым, рациональным, думающим хозяйственником. Как он сам говорил, это у него от вологодской крестьянской природы. Надежными помощниками в хозяйственной деятельности Григория Ивановича были Е. И. Ку克林, Ю. С. Крылов, В. П. Оралов, А. П. Яковлев. Именно на годы руководства Горбунова приходится мощное развитие материально-технической базы науки и социальной сферы Филиала. Было завершено строительство корпуса Института химии и технологии минерального сырья и редких элементов (ИХТРЭМС) и Полярного геофизического института (ПГИ), корпуса опытных работ и модельных установок (КОРиМУ), здания Отдела технологии строительных материалов (ОТСМ) с переводом его из Мончегорска, пионерского лагеря и оздоровительной базы «Донская» в Воронежской области, осуществилась эпопея «народной» стройки профилактория «Имандра», были построены 4 жилых дома, начато строительство спорткомплекса в Апатитах. В пос. Дальние Зеленцы на берегу Баренцева моря продолжилось развитие базы Мурманского морского биологического института — строительство многоквартирного жилого дома, школы, ЛЭП, которая решила проблему энергоснабжения института и поселка, построены 2 судна для океанских исследований («Помор» и «Дальние Зеленцы»). Были созданы и усовершенствованы научные базы ПГИ в пос. Лопарский и Верхне-Тулумский, развернуто строительство и реконструкция тепличных объектов ПАБСИ. Это далеко не полный перечень совершенных под руководством Г. И. Горбунова мероприятий и дел по укреплению материальной базы КФАН.

В работе Григория Ивановича как руководителя крупного комплексного учреждения высокая требовательность и твердость гармонично сочетались с глубоким вниманием и уважением к своим коллегам и всем сотрудникам вне зависимости от занимаемых ими должностей. Особенно он чтит традиции и память пионеров становления академической науки на Кольской земле. Горбунов инициировал создание первого и единственного в нашей стране памятника А. Е. Ферсману, увековечил память А.В. Сидоренко, Е. К. Козлова в названиях

главных улиц города Апатиты. Григорий Иванович отлично умел отстраивать деловые, конструктивные взаимоотношения с руководством промышленных предприятий и производств, а также, что было особенно необходимым в условиях того времени, с партийными и советскими органами. Эти отношения всегда были уважительными, но в экстремальных случаях Горбунов никогда не позволял какого-либо принижения роли науки, Академии наук и Кольского филиала, всегда отстаивал, иногда с риском для себя лично, их интересы и авторитет.

В 1985 году Г. И. Горбунов назначается на должность заместителя председателя Комиссии по изучению производственных сил и природных ресурсов (КЕПС) при Президиуме АН СССР. Возглавляемый им Сектор экономики минеральных ресурсов выполнил работу «Экономическая оценка обеспеченности СССР минерально-сырьевыми, земельными, водными, биологическими и другими ресурсами СССР на период до 2000 года».

С 1989 года, до своей кончины в 2010 году, Г. И. Горбунов в качестве советника РАН при дирекции ИГЕМ РАН участвует в исследованиях фундаментальных проблем геологии рудных месторождений. Он является автором 290 научных публикаций, в том числе 14 монографий, соавтором и редактором 16 тематических сборников и 2 геологических карт. По его прогнозам открыт ряд месторождений на Кольском полуострове и в других районах страны. Среди учеников Григория Ивановича 12 кандидатов и 5 докторов наук. В 1972 году Горбунов был избран членом-корреспондентом АН СССР, что явилось признанием его крупного вклада в развитие учения о магматических рудных месторождениях и эндогенной металлогении.

Научная, научно-организационная и общественная деятельность Г. И. Горбунова высоко оценена государством: он награжден орденом Трудового Красного Знамени (1966), орденом «Знак Почета» (1971), орденом Октябрьской Революции (1975), орденом Ленина (1978), многими медалями. В 1981 году в составе коллектива ученых Г. И. Горбунову присуждена Премия Совета Министров СССР в области науки и техники за комплексные исследования проблем промышленного освоения бедных апатитовых руд Хибинского массива, за разработку и внедрение в производство технологии их добычи и обогащения. В 1966 году ему было присвоено звание «Почетный гражданин города Апатиты Мурманской области».

Григорий Иванович Горбунов — годы работы на Кольском полуострове

1949 год. Печенга. На полевых работах

1952 год. Зам. Председателя Кольского филиала АН СССР

1953 год. Открытие мемориальной доски А. Е. Ферсману
в Полярном Альпийском Ботаническом саду

1954 год. Совещание специалистов
по сельскому хозяйству Мурманской области

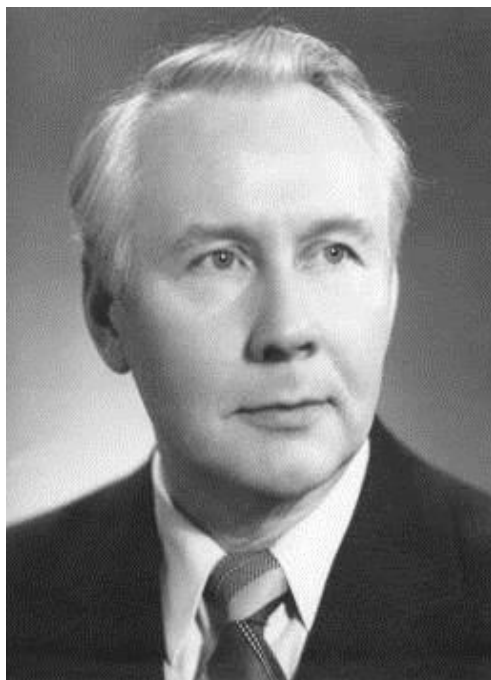
1955 год. 25-летие КФАН СССР. Торжественное заседание в Президиуме

1955 год. В рабочем кабинете и на полевых работах

1971 год. Создатели академического городка в г. Апатиты
Е. К. Козлов, И. В. Бельков, Г. И. Горбунов, А. В. Сидоренко

1971 год. Председатель Президиума КФАН СССР

1974 год. Заседание Президиума КФАН СССР

1970-е годы. Общественно-политическая жизнь. На заседании парткома Кольского филиала АН СССР и выступление на встрече 3-х филиалов — КФАН, КарФАН и КомиФАН СССР

1980-е годы. С коллективом Лаборатории рудных месторождений Геологического института. Лаборатория создана по инициативе Г. И. Горбунова в 1964 году

Участие в совещаниях различного уровня

Работа по увековечиванию памяти видных ученых,
работавших в КБАН, КФАН СССР
Открытие мемориальной доски А. В. Сидоренко и памятника А. Е. Ферсману

Последние годы руководства Кольским филиалом АН СССР

Подборка материалов выполнена А. Д. Токаревым

Сведения об авторе

Петров Валентин Петрович,

доктор геолого-минералогических наук, профессор,
директор Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Petrov Valentin Petrovich,

Dr. Sci. (Geology-Mineralogy), Professor,
Director of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.117-120

О. А. Бодрова

«КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ»: О РАБОТЕ СЕКЦИИ II ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «БУДУЩЕЕ АРКТИКИ НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ» НА ПЛОЩАДКЕ ЦГП КНЦ РАН

O. A. Bodrova

"CULTURAL HERITAGE AND TRANSFORMATION OF THE CULTURAL LANDSCAPE OF THE RUSSIAN ARCTIC IN THE PROCESS OF TERRITORY DEVELOPMENT": ON THE WORK OF THE II-ND ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION "THE FUTURE OF THE ARCTIC STARTS HERE" ON THE SITE OF THE BARENTS CENTRE OF THE HUMANITIES OF THE FRC KSC RAS

19 апреля 2018 года Центр гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН провел заседание секции «Культурное наследие и трансформация культурного ландшафта российской Арктики в процессе освоения территорий» (рис. 1). Мероприятие состоялось в рамках II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Будущее Арктики начинается здесь», которая уже второй год подряд организуется Апатитским филиалом Мурманского арктического государственного университета. Ведущие научные сотрудники ЦГП КНЦ РАН доктор экономических наук Иванова М. В и кандидат исторических наук Шабалина О. В. выступили на пленарном заседании конференции с докладом «Кольский — полуостров возможностей» об образовательном и культурном потенциале нашего региона.

Сессия «Культурное наследие и трансформация культурного ландшафта российской Арктики в процессе освоения территорий» символически, хотя и случайно, оказалась приурочена к дате, когда отмечается Международный день памятников и исторических мест, — к 18 апреля. О них среди прочего говорили на заседании секции, в частности, о проблемах и перспективах сохранения архитектурного наследия, историко-культурных и природных памятников и о том, какую роль играет природный и культурный ландшафт в развитии туристской индустрии в российской Арктике. Этой теме был посвящен доклад «Материальное историко-культурное наследие в развитии туристской индустрии Арктической зоны РФ (на примере Мурманской области): общая постановка проблемы» мурманских коллег: Бертоша А. А. и к.э.н. Белевских Т. В., доцента

кафедры экономики и управления ФГБОУ ВО МАГУ. На заседании секции обсуждали не только общие проблемы историко-культурного достояния региона Мурманской области, но и судьбу конкретного памятника природы, который находится на территории Апатитского района, — Ёкостровского кинтища. Ему был посвящен совместный междисциплинарный доклад кандидата исторических наук Бодровой О. А. и кандидата биологических наук Боровичева Е. А. «Ёкостровское кинтище как памятник природы регионального значения: этнографический и ботанический аспекты», выполненный по результатам проекта по оценке эффективности памятников природы от областного Министерства природных ресурсов. В рамках этого проекта ученые Кольского научного центра: Института проблем промышленной экологии Севера, Полярно-альпийского ботанического сада-института и Центра гуманитарных проблем совместными усилиями дали комплексное описание природных, исторических и культурных особенностей памятника природы, чтобы определить перспективы его дальнейшего использования.

На заседании секции собрались представители самых разных гуманитарных дисциплин, поэтому каждый из них по-своему видел и трактовал понятия культурного наследия и культурного ландшафта. Например, оказалось, что оба понятия прекрасно ложатся в русло этноэкономики — нового направления, которое разрабатывается в ЦГПКНЦ РАН. Особенностям экономики традиционных домохозяйств кольских саамов начала XX века было посвящено выступление Ивановой М. В., которое вызвало не только интерес со стороны слушателей, но и дискуссию по поводу того, есть ли место традиционному хозяйствованию в современных условиях цивилизации и модернизации.

О научном архиве как средстве сохранения культурного наследия рассказала зав. научным архивом ФИЦ КНЦ РАН, кандидат исторических наук Макарова Е. И. в докладе «Архивный фонд ФИЦ КНЦ РАН — носитель культурного наследия истории научного освоения Российской Арктики».

Актуальным и острым оказалось сообщение кандидата философских наук Измоденовой Н. Н., доцента кафедры экономики и управления, социологии и юриспруденции, «Образ будущего: социальное воображаемое» о будущем глазами студентов-выпускников нашего региона. На фоне по большей части оптимистичных прогнозов развития комфортной социальной и экономической среды жизнеобеспечения населения Арктической зоны РФ картина, нарисованная магистрантами, выглядит довольно пессимистично: мало кто из них оценивает свое будущее в Мурманской области как «светлое». Большинство надеется поменять место жительства на другой регион или даже другое государство. Однако можно надеяться, что такое мнение разделяет далеко не вся молодежь российской Арктики. Во всяком случае, студенты кафедры экономики и управления, социологии и юриспруденции МАГУ приняли активное участие в заседании секции и обсуждении своего будущего в северных широтах, а магистранты Астахова В. И. и Стрельников В. В. выступили с докладами «Инновационная культура в России» и «Демографические особенности религиозной толерантности населения».

Решительно все проблемы, которые были затронуты во время докладов, как выяснилось, близки и нашим зарубежным соседям. Несмотря на определенные трудности в понимании русской речи, самыми внимательными

слушателями от первого до последнего выступления и обсуждения стали представители руководства обществом «Финляндия – Россия» Арто Лааксо и Эйла Хэйкинен (рис. 2), которые поделились в завершение работы секции своим опытом и видением многих вопросов.

Рис. 1. Приветственное слово директора ЦГП КНЦ РАН, д.г.-м.н., проф. В. П. Петрова участникам секции «Культурное наследие и трансформация культурного ландшафта российской Арктики в процессе освоения территорий»

Рис. 2. Финские друзья из общества «Финляндия – Россия»

Сведения об авторе

Бодрова Ольга Александровна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Bodrova Olga Aleksandrovna,
PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre
of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.120-123

К. С. Казакова, А. С. Давыдова

**ПРИТЯЖЕНИЕ СЕВЕРА: ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА,
СОЦИУМ. О I МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
В ПЕТРОЗАВОДСКЕ**

K. S. Kazakova, A. S. Davydova

**THE ATTRACTION OF THE NORTH: LANGUAGE, LITERATURE,
SOCIETY. ABOUT I INTERNATIONAL SCIENTIFIC
AND PRACTICAL CONFERENCE IN PETROZAVODSK**

15–17 февраля 2018 года в столице Карелии прошла I Международная научно-практическая конференция «Притяжение Севера: язык, литература, социум», организатором которой стал Институт филологии Петрозаводского государственного университета при поддержке Оксфордского российского фонда. Конференция объединила гуманитариев разных направлений — филологов, историков, антропологов, этнографов, культурологов, философов, социологов, политологов и экономистов. Всего в рамках конференции было проведено пленарное и 15 секционных заседаний. В работе мероприятия приняли участие около 250 ученых из различных регионов России, занимающиеся разноплановыми проблемами северных территории, а также зарубежные исследователи из Скандинавии.

По замыслу организаторов конференция призвана открыть новую страницу в изучении территории Севера как глобального «пространства коммуникации», пространства «своеобразной личностной селекции», «зоны уникального этнографического и языкового ландшафта», «холодного Шелкового пути» в контексте российской и мировой истории и культуры. В центре внимания конференции – исследование и репрезентация именно такой особой структуры северной модели мира в ее разнообразных взаимосвязях с другими парадигмами. Разговор о предпосылках и историко-культурных условиях становления и формирования цивилизации Севера, а также специфике ее существования на современном этапе развития прошел в рамках широких подходов и в совокупности языковых, литературных, антропологических, этнографических, исторических, политических, социальных, культурных, правовых и экономических практик. Центр гуманитарных проблем Баренц региона был

представлен достойным научным «десантом» – пять человек выступили с докладами: А. С. Давыдова, А. А. Зайцев, О. В. Змеева, К. С. Казакова, И. А. Разумова.

Пленарное заседание открылось приветственным словом главы республики Карелия Парфенчиковом Артуром Олеговичем, а также организаторами конференции в лице директора Института филологии Петрозаводского государственного университета Абрамовой Оксаны Геннадьевны. «Притяжение Севера» можно назвать новой страницей в развитии гуманитарных наук на территории Карелии, первой встречей исследователей, организованной в таком масштабном формате, — уверены организаторы (рис. 1).

Рис. 1. Участники конференции на пленарном заседании

В рамках пленарного заседания прозвучали разносторонние доклады по истории, культуре Европейского Севера, а также выступления, касающиеся современных проблем развития региона. В своем сообщении «Север и пересекающиеся исторические нарративы: может ли историография стать инструментом конструирования региональной идентичности» И. М. Соломещ (Петрозаводск) предложил различные варианты ответа на вопрос о том, может ли северная идентичность стать основой или условием устойчивого развития региона. К. Ю. Замятин (Хельсинки), выступивший с докладом «Языковая политика и практика в финно-угорских республиках России», рассуждал о проблеме изучения родного языка в финно-угорских республиках России, таких как Карелия, Удмуртия, Татарстан, Чувашия и др. В докладе были приведены данные об увеличении с начала 2000-х годов численности школьников титульной национальности в республиках, изучающих родной язык, которое автор объясняет ростом национального самосознания.

Оживленную дискуссию вызвал доклад Е. А. Пивневой (Москва), посвященный аборигенным сообществам севера России и затрагивающий проблему этнических границ. В своем выступлении Елена Анатольевна на основе экспертных данных и полевых материалов рассказывала о проблеме соотношения коллективных прав и персональной идентичности коренных малочисленных народов Севера. Особое внимание было уделено социальной сложности аборигенных сообществ, а также выработке универсальных подходов к решению вопросов государственной поддержки статусной категории «коренные малочисленные народы Севера».

В рамках работы конференции исключительно продуктивной можно назвать работу секции «Антропология и этнография арктических и субарктических регионов России», руководителями которой выступили Разумова И. А. (Апатиты) и Новикова Н. И. (Москва). Все без исключения доклады вызвали активные обсуждения и живой отклик у слушателей. Ирина Алексеевна Разумова в своем докладе «"Полуостров сокровищ" как утраченный рай» рассказала о возведении городов на Кольском полуострове. Итогом анализа оценок и интерпретаций процесса и результата индустриального освоения Крайнего Севера, осуществленного во многом за счет «мученичества» его участников, стала «картинка» «утраченного рая». В докладе «Сакральное и профанное в пространстве арктических городов» А. С. Давыдова поднимала вопросы, связанные с восприятием пространства. На материалах интервью, собранных автором в городах Кировск и Апатиты, были представлены основные культурные значения и смыслы, которыми наделяются появляющиеся объекты городской среды как светского, так и религиозного назначения. О. В. Змеева рассказала о заполярных экспедициях А. Е. Ферсмана.

Доклад С. Ю. Королевой «Кадильница в народно-православной традиции язьвинских пермяков и русских Северного Прикамья» раскрывал семантику вещи в похоронно-поминальной ритуалистике. Захоронениям на межах, их интерпретации и практикам было посвящено выступление К. А. Онипко. К. К. Логинов рассказал о традиционных чертах в современной жизни поморов Онежского Поморья. На обширном визуальном материале (фотографиях) докладчик показал, что поморы в настоящее время активно используют материально-бытовые знания: сооружают телеги, конструируют лодки и т.д. в соответствии с поморскими традициями. Завершило работу секции сообщение Н. И. Новиковой и Е. С. Яптик, повествующее об аборигенной правовой идентичности, «Город как память, мечта и площадка выбора (жизненные истории российских аборигенов севера)».

Интересные доклады были представлены на секционном заседании «История Европейского Севера России». В сообщении на тему «Переселенцы с юга на карельской земле: проблемы адаптации» С. Э. Яловицина (Петрозаводск) затронула проблему мигрантов в Карелии. Автор проанализировала особенности адаптации людей, приезжающих в республику с юга России и из бывших союзных республик, рассказала о результатах социологического исследования, направленного на изучение отношения принимающего населения к этническим мигрантам. Светлана Эрккиевна подчеркнула, что в настоящее время терпимое отношение принимающей стороны сменилось на негативное. Кроме того, в своем докладчик озвучила предварительные данные по проекту Карельского научного центра, направленному на изучение отношения переселенцев к Карелии как месту жительства.

Доклад И. Н. Ружинской (Петрозаводск) «Старообрядческий социум в создании и освоении сакрального пространства Европейского Севера» был посвящен традиционной для карельских историков теме старообрядчества и истории города Пустозерска как центра сакрального пространства Европейского Севера. Региональной тематике, в частности, судьбам заключенных Карелии и их роли в становлении профессионального искусства в регионе в 1930-е годы, был посвящен доклад С. Н. Филимончик. На основании представленных документов и материалов автор делает вывод о том, что, несмотря на то что учреждения культуры в республике были «убыточными», государство их финансировало, так как в 1930-е годы через искусство создавалось правильное видение социальной реальности. С материалами научных архивов г. Санкт-Петербурга в качестве историко-этнографического источника по изучению духовной жизни кольских саами в XVIII–XX веках присутствующих ознакомил А. А. Зайцев.

История развития образования на Европейском Севере была представлена увлекательным докладом К. С. Казаковой (Апатиты) «Полярная Одиссея инспектора училищ Николая Козмина в 1911 году». В своем выступлении Ксения Сергеевна проанализировала этнографическое сочинение, в котором раскрываются историко-культурные особенности деятельности первых церковно-приходских школ на Кольском Севере. В продолжение темы истории развития образования прозвучал доклад Т. Н. Жуковской (Санкт-Петербург) и Е. А. Калининой (Москва) «Петербург – Петрозаводск – Архангельск: профессиональные и жизненные траектории выпускников университета на Европейском Севере в первой половине XIX в.».

В ходе конференции состоялись заседания секций, имеющих филологическую направленность: «Фольклор и книжность Русского Севера», «Северный текст русской литературы: традиции и современность», культурологическую — «Север: пассионарность и культурная идентификация человека», «Феномен Севера в философии и культурологии». Конференция завершилась образовательными программами для стипендиатов Оксфордского российского фонда и работой магистрантских круглых столов, посвященных ментальности, культуре и традициям северных народов. В целом I международная научно-практическая конференция «Притяжение Севера: язык, литература, социум» продемонстрировала высокий научный уровень докладов и сообщений и собрала представительный состав ученых, занимающихся проблемами северных территорий.

Список литературы

Притяжение Севера: язык, литература, социум. URL:
<https://petsu.ru/news/2017/36680/mezhdunarodnaya-naut#t20c>

Сведения об авторах

Казакова Ксения Сергеевна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Давыдова Алена Сергеевна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Kazakova Ksenia Sergeevna,

PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

Davydova Alyona Sergeevna

PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

А. С. Давыдова, О. А. Сулейманова

**ШЕСТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПОЛЯРНЫЕ ЧТЕНИЯ – 2018»:
«ТЕХНОЛОГИИ И ТЕХНИКА В ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ АРКТИКИ»**

A. S. Davydova, O. A. Suleymanova

**SIXTH INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE
«POLAR READINGS – 2018»: «TECHNOLOGIES AND TECHNICS
IN THE HISTORY OF ARCTIC DEVELOPMENT»**

Стало традиционным участие сотрудников ЦГП КНЦ РАН в ежегодной международной научно-практической конференции «Полярные чтения», организуемой Музейно-выставочным центром технического и технологического освоения Арктики (Арктический музейно-выставочный центр) и Филиалом Музея Мирового океана в Санкт-Петербурге «Ледокол «Красин»». С 2014 года конференция проходит в преддверии Фестиваля ледоколов на Неве.

27–28 апреля на борту ледокола «Красин» в дружелюбной атмосфере собралось 50 докладчиков и более 100 слушателей для обсуждения истории технического и технологического освоения Арктики — основной тематики конференции¹. В центре внимания были сюжеты, связанные с историческим опытом адаптации хозяйственной и исследовательской деятельности человека к условиям Крайнего Севера. Также в рамках Шестых чтений были обсуждены вопросы, связанные с практиками природопользования и организации жизни коренных малочисленных народов Севера. В истории комплексного развития Советской Арктики значительное внимание было уделено рассмотрению технологий и различных видов техники (ледоколы, исследовательские суда, самолеты полярной авиации, вездеходы, подводные лодки).

Присутствие на конференции специалистов из различных областей научных знаний обеспечило ее мультидисциплинарность. Чрезвычайно интересными стали выступления, посвященные истории промыслов в Арктической зоне. Например, доклад Крайковско-го Алексея Викторовича и Дадыкиной Маргариты Михайловны (Санкт-Петербург) «Поморские промыслы на Шпицбергене в XVIII в. — организация и технологии» раскрывал практики организации плаваний и освоения природных ресурсов архипелага Шпицберген в XVIII – нач. XIX вв. Российским государством и поморами. В сообщении поднимались наиболее существенные аспекты данной темы, а также освещались различные проблемы и подходы к ним в отечественной и зарубежной историографии.

Вопросы поиска, сохранения и реставрации объектов технического освоения Арктики также не были обойдены вниманием. Кантор Юлия Зороховна

¹ Всю информацию о предыдущих конференциях можно найти на сайте международной научно-практической конференции «Полярные чтения»: <http://polarconf.ru/>. Также см. статью Бодровой О. А. о Чтениях 2016 года.

(Санкт-Петербург, Москва) в своем докладе «Север: музейное измерение» рассказала о музейной проектной деятельности, связанной с арктической территорией. Сотрудница Нижневарттовского краеведческого музея Наталья Андреевна Катаева поведала о реставрационных работах, направленных на сохранение барки — старинного торгового судна конца XVIII в., найденного в долине реки Кирьяс, которое в будущем станет экспонатом музея. Павел Анатольевич Филин (Санкт-Петербург), один из организаторов «Полярных чтений» и руководитель проекта по созданию Арктического музейно-выставочного центра, посвятил свой доклад проекту реставрации музейной экспозиции в ангаре на полярной станции «Бухта Тихая».

Участники конференции на борту ледокола «Красин». Фото Емелиной М. А.

В этом году ледокол отметил свой 101-й день рождения. «Красин» является единственным сохранившимся и находящимся на плаву судном, принимавшим участие в полярных конвоях и морских сражениях в период Второй мировой войны. Проведение конференции на его борту придает особый оттенок формату мероприятия. Посещение в конце второго дня конференции флагмана Фестиваля ледоколов на Ниве — судна «Новороссийск» — стало нетривиальным событием для участников конференции 2018 года.

По окончании работы Чтений участниками была утверждена Резолюция конференции. В ней содержатся важные рекомендации и обращения к органам власти, научно-исследовательским организациям и иным заинтересованным сторонам. Лейтмотивом почти всех пунктов Резолюции является актуальность и значимость изучения Арктики, ее наследия и вопросов, связанных с развитием приоритетной арктической проектной деятельности.

«Полярные чтения – 2019» будут посвящены истории и перспективам взаимодействия государства и общества в управлении Арктикой. Актуальность данной тематики связана с необходимостью выработки эффективных механизмов управления арктической деятельностью. В рамках Седьмых чтений предполагается рассмотреть опыт работы Главного управления Северного морского пути, различных комитетов по Арктике, Госкомсевера и других организаций, занимавшихся управлением Арктикой.

Список литературы

Бодрова О. А. Научно-практическая конференция «Полярные чтения на ледоколе «Красин» – 2016. Культурное наследие в Арктике. Вопросы изучения, сохранения и популяризации» // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. Вып. 9. С. 176–179.

Сайт международной научно-практической конференции «Полярные чтения». Режим URL: <http://polarconf.ru>.

Сведения об авторах

Давыдова Алена Сергеевна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Сулейманова Олеся Анатольевна,

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Davydova Alyona Sergeyvna,

PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

Suleymanova Olesya Anatolievna,

PhD (History), Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.126-129

О. В. Змеева

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ЧАСТНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ
РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ»**

O. V. Zmeyeva

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE «PRIVATE AND PUBLIC
IN THE EVERYDAY LIFE OF THE POPULATION OF RUSSIA:
HISTORY AND MODERNITY»**

В городе Пушкин 15–17 марта 2018 г. прошла Международная научная конференция «Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность». Организаторами мероприятия выступили Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина и Общественная организация Ленинградской области «Культурно-просветительское товарищество».

Специалисты различных направлений — историки, социологи, антропологи, этнологи, филологи, культурологи, философы — стали участниками научных дискуссий. Привлечены к обсуждению вопросов «жизненных миров» населения также были краеведы, представители общественных организаций и др.

Проблемы «Частного и общественного...» обсуждались российскими исследователями, а также сотрудниками научных, образовательных и культурных учреждений Беларуси, Грузии, Молдовы, Узбекистана. Несмотря на заявленную в теме конференции географию, на практике исследовательские границы расширились. Одна из причин — миграционные процессы. Переезд русского и русскоязычного населения за пределы России, адаптация и формирование этнических анклавов стали предметом научных выступлений. Тематика охватывала не только широкую географию, но и множество вопросов, связанных как с современной, так и с исторической повседневностью. Участники конференции обращались к специфике «интерсубъективных миров» (А. Шюц) жителей XIX–XXI вв.

Интерес к истории, социологии и антропологии повседневности стал актуален в современном гуманитарном знании. Проведенная в г. Пушкине конференция подтвердила внимание специалистов к проблемам «жизненного мира» человека в настоящее время и в ретроспективе.

Понятие повседневности чрезвычайно широкое, и оно используется в разных дисциплинарных полях. Это сказалось на тематике, круге проблем, разнообразии содержания и подходов, представленных на конференции. Заявленные темы некоторых выступлений не отражали общий предмет обсуждения — «частное и общественное в повседневной жизни...». Отдельные доклады не смогли совместить фокусы, оставаясь в плоскости обстоятельств, выявления исторических фактов и т.д. Часть докладов опиралась на документы и свидетельства очевидцев тех или иных событий, дневниковые записи, которые явились отражением определенного повседневного мира и в то же время стали предметом рефлексии авторов материалов. Содержание части исторических выступлений оказалось за рамками повседневного мира в связи с характером использованных источников, в том числе с отсутствием каких-либо письменных свидетельств. В этом случае микроисторические исследования оказывались малорезультативными, они представляли реконструкцию событий или, в случае письменных подтверждений, отражали только фактические данные. Интерпретация повседневной жизни какой-либо группы в подобных случаях отсутствовала.

Работа конференции была организована в рамках пленарного заседания, секций и круглых столов.

Объектом исследований участников мероприятия стали разные этнические, социальные и возрастные группы, а также профессиональные сообщества. Рассматривались индивидуальные миры повседневности и коллективные, социальные практики как городских, так и сельских жителей, представителей отдельных хозяйственно-культурных типов и т.п. Кроме этого внимание уделялось деятельности и функционированию социальных институтов и общественных организаций, отдельных возрастных групп, взаимодействию власти и общества, общественной активности. Отдельная тема — отражение в периодической печати конца XIX — начала XX вв. повседневных практик и «жизненных миров» жителей различных населенных пунктов.

Выступления докладчиков продемонстрировали эклектичность восприятия и представления понятий «повседневность», «повседневная жизнь»

специалистами разных научных направлений. Обсуждались вопросы экстремальной, городской, гендерной, экономической повседневной жизни. Отдельно — проблемы методологии и источниковедения российской повседневности. Подобное соединение научной мысли позволяет вообразить «интерсубъективный мир» разнообразных этнических, социальных, профессиональных групп, отдельных личностей и т.д.

Пленарными докладчиками была задана атмосфера конференции, представлено разнообразие в понимании предмета обсуждения. Участники показали жизненный мир различных групп, представителей отдельных исторических периодов. Так, выступления О. Р. Демидовой и З. З. Мухиной были посвящены гендерной специфике. Соответственно, в первом случае – восприятию эмигрантской повседневности, а во втором – социализации крестьянских женщин в пореформенной России.

Два следующих доклада продемонстрировали повседневность локальных и возрастных групп через анализ воспоминаний и документов о военных исторических событиях. К проблеме освещения в историографии и источниках темы повседневной жизни ленинградцев в дни советско-финляндской войны был обращен доклад В. О. Левашко. Сотрудники Юго-Западного государственного университета г. Курска Е. А. Головин и В. В. Коровин рассказали об опыте использования немецкими спецслужбами во время Великой Отечественной войны советских детей и подростков в разведывательно-диверсионных целях.

Доктор экономических наук Р. М. Нуреев проанализировал потенциальные позитивные и негативные последствия «косыгинских» реформ, если бы они были реализованы. Им показано, с одной стороны, осмысление принятых мер советским правительством, с другой стороны, отношение власти и общества в период послевоенных реформ.

Завершилось пленарное заседание презентацией книги заместителя директора Института истории, государства и права при Академии наук Молдовы Лилии Заболотной «История жизни Марии Кантемир в письмах и документах», в которой на основании материалов польских и российских архивов обнародованы частные документы, отдельные факты и особенности правового положения молдавской женщины.

Сотрудники ЦГП КНЦ РАН также стали участниками конференции, выступили с докладами на секциях и круглых столах: И. А. Разумова («Семья спецпереселенцев как социальная и символическая общность»), О. В. Змеева («Стражники на строительстве Мурманской железной дороги: инструкции и функции, идентичность и адаптация»), К. С. Казакова («Механизм социальной опеки дореформенного университета над студентами и выпускниками (на примере Санкт-Петербургского университета первой половины XIX века)»).

Остановимся на выступлениях участников одного из круглых столов «Повседневная жизнь отдельных социальных групп». Как и на других площадках, доклады этого круглого стола отражали мир повседневности. Обратила на себя внимание группировка докладов по темам. Обсуждаемыми социальными группами были представители отдельных современных и исторических поселенческих общностей, социальных слоев Российской империи, профессиональных, этнических, религиозных сообществ и др. Разнообразие социологических объектов не только осложняло работу руководителя круглого стола, но и затрудняло восприятие отдельных, сугубо фактических докладов.

Участники круглого стола обсуждали детали как исторической, так и современной повседневности. Историческая часть была представлена выступлениями Е. В. Годовой — о повседневной станичной жизни казаков, Л. И. Новиковой — о повседневной жизни жителей Кронштадта в конце XIX – начале XX вв., О. В. Змеевой — о взаимодействиях стражников с представителями власти и группами рабочих на строительстве Мурманской железной дороги, С. В. Степанова — по воспоминаниям крестьян о жизни в Ямбургском уезде Санкт-Петербургской губернии.

Интерес вызвал доклад К. В. Лосевой, посвященный отражению «жизненного мира» крестьянства в печатной прессе в конце XIX – начале XX вв. В частности, автор показала изменение отношения крестьян к деятельности врачей и представителей неофициальной медицины (на примере родовспомогательной деятельности) в зависимости от статуса, стоимости услуг, узнаваемости и конфликтности как внутри поселенческой общности, так и внутри официального и неофициального медицинских сообществ.

Анализ актуальной повседневности был представлен в докладах Н. В. Иевлева (о роли современных православных братств), Е. А. Пивневой (о жизни рыболовов Обского Севера), Е. П. Мартыновой (об адаптации и повседневных практиках ямальских оленеводов).

Особый интерес вызвало выступление И. В. Кудрявцева, адъютанта Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии РФ. Докладчик проанализировал различные проблемы, с которыми сталкивается военнослужащий при переводе на новое место службы. В презентации были наглядно суммированы проблемы различного уровня: финансовые, социальные, психологические и т.д. Особенность доклада заключалась в том, что он был сделан от первого лица, то есть самим представителем одной из закрытых групп российского общества. Автор-военнослужащий систематизировал вопросы и основные препятствия социального, государственного и других уровней, с которыми ему и членам его семьи пришлось столкнуться.

Следует выделить выступления, связанные с биографиями отдельных личностей, а также доклады, в которых отдельные исторические обстоятельства или функционирование социальных общностей рассматривались посредством анализа жизненного пути. Все статусы, достижения, а также этапы биографии отражены уже в самих темах выступлений. К этой группе можно отнести доклады С. И. Подольского («Воспоминания П. Е. Луненка (1906–2000) о горном деле, гражданской войне и советском обществе»), П. Ю. Гуйвана («Тракторист, орденосец, партийный работник, партизан М. И. Седюк»), В. И. Сычева («Предыстория событий рассказа Ф. М. Достоевского “Вечный муж” из переписки писателя и архивных документов»).

В докладах специалистов перед участниками конференции предстали разнообразные социальные миры. Социальная реальность, зафиксированная в материалах персональных фондов, в биографических, литературных, архивных и других документах, мир культурных объектов, социальных институтов стали отражением отдельных сфер человеческого опыта, пространства повседневности.

Сведения об авторе

Змеева Ольга Васильевна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН

Zmeyeva Olga Vasiliyevna,
PhD (History), Senior Research Fellow of the Barents Centre of the Humanities, FRC KSC RAS

АСПИРАНТСКИЕ ТЕТРАДИ

POSTGRADUATE NOTEBOOKS

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.130-139
УДК 903.27

В. А. Лихачев

**ПЕТРОГЛИФЫ КАНОЗЕРА И НОМИНАЦИЯ
В ЛИСТ ВСЕМИРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО
«ПЕТРОГЛИФЫ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА И БЕЛОГО МОРЯ»**

V. A. Likhachev

**ROCK CARVINGS OF KANOZERO AND NOMINATION
TO THE UNESCO WORLD HERITAGE LIST "PETROGLYPHS
OF ONEGA LAKE AND THE WHITE SEA"**

Abstract

The article suggests a new look at the concept of "White Sea Petroglyphs ". Since the discovery of Kanozero petroglyphs in 1997, this concept has ceased to be associated only with the Belomorsk petroglyphs discovered in 1924 at the mouth of the Vyg River (near Belomorsk, the Republic of Karelia). The article substantiates the belonging of both groups of petroglyphs, at a certain time interval, to one tradition of rock art and an ancient tradition of marine nature use. When forming a nomination for the UNESCO World Heritage List "Petroglyphs of the Onega Lake and the White Sea", which is currently being prepared, it is important considering the compliance of the "White Sea" style of the Kanozersky petroglyphs, to expect the possibility of their inclusion in this nomination, if all the necessary documents will be provided by Murmansk region authorities. The author of the article proposes the formulation of criteria for the nomination "Petroglyphs of Onega Lake and the White Sea" taking into account the inclusion of Kanozersk petroglyphs in it.

Keywords:

Kanozero, Petroglyphs of the White Sea, rock art, objects of cultural heritage, UNESCO, World Heritage List.

В 2017 году специалистами по охране объектов культурного наследия Республики Карелия был предложен к рассмотрению проект серийной номинации на включение в лист всемирного наследия ЮНЕСКО петроглифов Онежского озера и Белого моря. В первую очередь данная формулировка подразумевает, что в данной серийной номинации к включению в список предлагаются петроглифы, расположенные на территории Республики Карелия: Онежские петроглифы и Беломорские (Бесовы Следки, Залавруга и другие скопления в устье реки Выг). На семинаре для экспертов, проходившем 12–14 июня 2017 года на Беломорских и Онежских петроглифах, а также на острове Кижы было высказано предложение рассмотреть возможность последующего включения в данную номинацию петроглифов Канозера (Кольский полуостров, Мурманская область). Данное предложение было обосновано следующими основными соображениями. Петроглифы Канозера

открыты сравнительно недавно, в 1997 году (Лихачев, 2007; Лихачев, 2010) и потому менее изучены и известны широкой аудитории. Они относятся к общей культурной традиции выбивания петроглифов в Восточной Фенноскандии (рис. 1), не уступают ни по размерам, ни по количеству и уникальности скоплениям Карельских петроглифов и тем самым усиливают позиции при сравнительном анализе с другими подобными объектами в обосновании *универсальной ценности* серийного объекта.

Важным моментом для номинации является ее название. С учетом высказанного предложения о возможности в дальнейшем включить в эту номинацию Канозерские петроглифы становится важным принципиально по-новому взглянуть на формулировку «Петроглифы Белого моря», а также на связь и сходство Канозерских петроглифов с другим объектом в номинации — петроглифами Онежского озера.

Рис. 1. Карта Северной Фенноскандии с обозначением крупнейших скоплений петроглифов

Петроглифы Белого моря

До 1997 года понятие петроглифы, или наскальные изображения Белого моря, являлось синонимом понятию «Беломорские петроглифы» — данное название происходит как от Белого моря, так и от расположенного рядом города Беломорск². С открытием Канозерских петроглифов в 1997 году в это достаточно широкое понятие — «Петроглифы Белого моря» — справедливо включить и «Канозерские петроглифы».

² Так, например, каталог петроглифов устья реки Выг составленный под ред. В. И. Равдоникаса, называется «Наскальные изображения Белого моря» (1938).

Какие имеются на это основания?

1. И те и другие скопления петроглифов *находятся в акватории Белого моря*, относительно недалеко даже от современного побережья Белого моря. Беломорские петроглифы в устье реки Выг в 4-х км от морской береговой линии. Канозеро расположено в 14 км от береговой линии Белого моря. Петроглифы реки Выг расположены на 300 км к югу от петроглифов Канозерских — на южном берегу Белого моря.

2. *Сходство в стиле и тематике* петроглифов в обоих скоплениях свидетельствует об общей культуре и связанном с морем природопользовании у авторов данных наскальных изображений — морских охотников. В силу естественных причин скалы с петроглифами реки Выг покрывались петроглифами лишь в течение тысячелетия с небольшим [Жульников, 2006] 6–7 тыс. лет назад и, следовательно, относятся исключительно к неолитической традиции данного периода. Петроглифы Канозера выбивались как в данный период, что легко прослеживается по совпадению стиля, так и позднее, и, возможно, представителями других культур (более поздних переселенцев), не связанных с культурой неолитических морских охотников.

Исследователи Канозерских и Беломорских петроглифов сходятся во мнении о безусловном сходстве этих рисунков [Лихачев, 2011; Колпаков, Шумкин, 2012; Лобанова, 2005]. Сюжетное сходство рисунков ярко проявляется в многофигурных сценах морской охоты (охота как с одной, так и с нескольких лодок на китов или белух) и в нарративных сценах зимней лесной охоты (преследование зверя на лыжах по следам): на Канозере есть сцена преследования медведя, на петроглифах Новой Залавруги — сцена преследования лосей. В данных сценах улавливается схожее стилистическое решение как изображения антропоморфных фигур охотников, так и композиционное решение всей сцены (преследование по следам, следы лыж и палок, размещение фигур относительно друг друга и следов, размер фигур). Можно также говорить об очевидном стилистическом и композиционном сходстве верениц лосей, встречаемых в обоих скоплениях.

Среди Канозерских и Беломорских петроглифов в сходном стиле изображаются профильные фигуры, в частности, лыжников — форма головы, размер фигуры, характерная поза в полуприсяде, манера держать лыжную палку, копьё или лук. Также стилистически близки изображения лесных животных: лосей, медведя, лисы и морских белух, китов. Изображения лодок с широкими бортами, стиль изображения лосиной головы, украшающей форштевень, способ изображения пассажиров в лодке, наличие изображений с пустыми лодками — все это также говорит о стилистическом единстве традиций выбивания петроглифов по обе стороны Белого моря.

Вышеуказанные стилистические сходства еще требуют детального искусствоведческого анализа.

Следующим аргументом в пользу включения Канозерских и Беломорских петроглифов в одно понятие «Петроглифы Белого моря» является подход, использованный в датировке петроглифов Канозера. Известны сложности с датировкой наскальных рисунков. Датирование, связанное с трансгрессией моря, не работает в случае с Канозерскими петроглифами, поскольку озеро не являлось морским заливом и сходные стилистически и тематически изображения встречаются на различной высоте. И лишь стилистическое сходство позволяет

соотнести Канозерские петроглифы с датами, полученными для Беломорских петроглифов [Колпаков, Шумкин, 2012: 350]. Для петроглифов Выга на основании анализа типов керамики из перекрывавшего петроглифы культурного слоя, высотного расположения петроглифов над уровнем моря и радиоуглеродных дат была получена датировка: начало IV – конец III-го тыс. до н.э. [Жульников, 2006: 246]. Но нужно отметить, что данным периодом можно датировать только первичный (возможно, самый крупный) пласт Канозерских петроглифов. В отличие от устья реки Выг на Канозере традиция выбивания изображений продолжалась, о чем свидетельствует изменение стиля и техники исполнения некоторых соседствующих изображений, отличающихся от карельских. В некоторых из них появляются атрибуты, характерные для петроглифов бронзового века, известных в Южной Швеции (в частности, Бохуслен). Изучение Канозерских петроглифов требует глубокого стилистического анализа с целью выделения различных стилистических пластов в группах изображений, связанных как с изменением культурной традиции во времени, так и, возможно, с привнесением других культурных традиций создания петроглифов мигрантами из других мест.

Таким образом, в петроглифах Канозера и устья реки Выг имеется стиль, который в более чистом виде ярче всего (без посторонних примесей поздних выбивок) сохранился на Выге и представлен на данный момент там наибольшим количеством изображений. Я предлагаю данный стиль называть «беломорский неолитический» (или просто «беломорский»), отдавая должное месту (возле г. Беломорск), где данные изображения были выявлены впервые. Многие аспекты этого стиля, как, например, полнофигурные изображения пассажиров в профиль на лодках, «нарративные» сцены в меньшей степени и порой лишь фрагментарно представлены на Канозере, что, возможно, говорит о более древних корнях существования «беломорской» традиции выбивания на Выге.

Петроглифы Белого моря и Онежского озера

Петроглифы Белого моря (Беломорские и Канозерские) и Онежского озера также объединены рядом черт. Некоторое количество изображений Онежского озера относится к вышеописанному Беломорскому неолитическому стилю. Наиболее соответствуют данному стилю антропоморфные изображения и медведь со следами из скопления на острове Корюшкин [Лобанова, 2015: 236–239]. Также имеются близкие «беломорскому» стилю изображения лосиноголовых форштевней лодок, «процессии» оленей и медведей, сцены охоты с лодки на белуху, медвежья охота. Вероятно, что в данном случае мы имеем элементы «беломорского» стиля, вошедшие в более поздний «онежский» стиль. Данный стиль отличается от беломорского отсутствием развернутых нарративных композиций (при незначительном по сравнению с беломорским стилем количеством композиций вообще), преобладанием антропоморфных фигур в фас, причем две из них весьма значительных размеров (1–2,4 м), наличием существенного процента контурных фигур (в основном лосей и лебедей), преобладающим количеством орнитоморфных изображений (лебедей), значительным количеством изображений объектов неопределенного характера (так называемых «солярных и лунарных знаков»), изображением лосиноголовых жезлов, а также некоторым количеством антропоморфных изображений с «увечьями» (на которых отсутствуют некоторые части тела (голова, руки, ноги).

Среди Канозерских петроглифов, где традиция выбивания продолжала развиваться после «беломорского» периода, можно четко выделить пласт изображений, перекликающийся с изображениями в «онежском» стиле. Так, например, здесь встречаются:

- крупные антропоморфные изображения в фас, и вообще изображения в фас, как и на Онежском озере, преобладают над профильными; некоторые из них сходны с онежскими формой головы;
- изображения лосиноголовых жезлов;
- изображения лунниц, крупного «солярного знака»;
- сходные по стилю изображения лисы, выдры и бобра;
- значительное количество чашечных углублений, возможно, коррелирует с «кружками» на скалах Онежского озера, которые, еще по мнению Густава Хальстрема, могли быть аналогом чашечных углублений петроглифов бронзового века Южной Швеции. Возможно, в силу твердости онежских гранитов выбивки в виде кружков не приобрели формы чашечных углублений.

Как мы видим, Беломорские, Канозерские и Онежские петроглифы имеют ряд стилистических, тематических и композиционных сходств и являются свидетельством исчезнувшей культуры морских и лесных охотников и рыбаков Восточной Фенноскандии. Это выделяет их среди других петроглифических комплексов Северной Европы и позволяет предлагать все три объекта в одну заявку на серийную номинацию в список всемирного наследия ЮНЕСКО как «Петроглифы Белого моря и Онежского озера».

Требования для номинации и критерии универсальной ценности объекта

При подготовке номинации в список всемирного наследия ЮНЕСКО необходимо соответствие серийного объекта критериям, сформулированным в рамках четырех основных требований [Подготовка номинаций объектов всемирного наследия, 2011]:

- формулировка выдающейся универсальной ценности,
- целостность,
- подлинность,
- управление памятником.

Критерии, под которые подпадают петроглифы Белого моря и Онежского озера согласно требованиям из руководства [Подготовка номинаций объектов всемирного наследия, 2011]:

Критерий (iii): являются уникальным или, по меньшей мере, исключительным свидетельством исчезнувшей культурной традиции или цивилизации, существующей или исчезнувшей.

Свидетельство исчезнувшей цивилизации морских и лесных охотников и их религии.

Критерий (v): являются выдающимся образцом характерного для данной культуры (или культур) землепользования или традиционного водопользования, человеческого или поселения, выдающимся образцом взаимодействия человека с окружающей средой — особенно в тех случаях, когда такой образец стал уязвимым под воздействием необратимых перемен.

Свидетельство исчезнувшей в связи с изменением климата традиции и технологии природопользования (водопользования) — морской охоты на китов в Белом море.

Проект формулировки выдающейся универсальной ценности серийного объекта «Петроглифы Белого моря и Онежского озера»

Все три объекта содержат около 6000 наскальных изображений. Это самые крупные скопления петроглифов в Восточной Фенноскандии. Их существование говорит о долговременной традиции приблизительно с 4000 лет до н.э., на протяжении тысяч лет, встречаться на определенных местах, вероятнее всего, связанных с сезонными маршрутами охотников и рыболовов. Судя по мотивам и изображениям животных, это происходило весной, когда скалы освобождались от снега, активизировалась охота на лесного зверя и птицу и начиналась охота на морского зверя.

Наскальные рисунки демонстрируют коммуникацию между миром людей и миром духов. Петроглифы отражают веру в то, что духи способствовали удаче в охоте, плодородию лесного и морского зверя, плодовитости женщин племен охотников и рыболовов.

Петроглифы Белого моря и Онежского озера — исключительный памятник, демонстрирующий в значительном объеме две традиции природопользования: морскую охоту на китообразных и охоту на лыжах и с лодок на крупных парнокопытных (лосей).

Особенно богато это представлено среди комплексов Канозера и реки Выг. Данные скопления по количеству сцен морской охоты, размерам включенных в них фигур значительно опережают все известные крупные скопления Северной Европы и Арктической зоны и являются самым выдающимся примером изображений подобной деятельности в мире.

Развернутые повествовательные сцены преследования крупного зверя по снегу на лыжах — также являются исключительным признаком этих комплексов петроглифов Восточной Фенноскандии. Рекордное количество зафиксированных изображений лыжников выделяет этот регион из других регионов наскальных изображений и позволяет сделать вывод о том, что именно здесь формировался с изобретением лыж инновационный способ охоты — преследование крупного зверя (лося или медведя) по насту на лыжах и его добыча.

Выдающиеся экземпляры изображений связаны с духовной культурой морских и лесных охотников: это крупные антропоморфные изображения с поднятыми руками и растопыренными кистями рук размером до 2,4 м (Онежский бес — 2,4 м, Беломорский бес — 0,6 м, Канозерский Бес — около 1 м). Данные фигуры окружены как сценами морской охоты, так и изображениями представителей морской и озерной фауны, что говорит об их важном сакральном значении в религии морских и лесных охотников, озерных рыболовов.

Выдающиеся среди наскального искусства Северной Европы образы, связанные с магическими обрядами плодородия и продолжения человеческого рода, в значительном количестве представлены среди петроглифов Белого моря и Онежского озера. Сцены беременности, родов и сексуального характера отражают духовную обрядность морских и лесных охотников, связанную с этим аспектом человеческого бытия. Рекордное для Фенноскандии количество изображений лося, как отдельно, так и в предметах духовной культуры и быта

(лосиноголовые жезлы, украшения форштевной лодок), говорят о развитом культе лося, что является специфическим значимым моментом сакральной культуры древнего населения Восточной Фенноскандии.

Петроглифы Восточной Фенноскандии представляют основной спектр фауны эпохи неолита на данной территории: лесной (лось, медведь, олень, бобр, выдра, лиса, волк, заяц, белка и др.), озерной и речной (семга, щука, налим, стерлядь и др.) и морской (киты, белуха, дельфины, касатки, акула, тюлень, морж, палтус).

Артефакты, изображенные на петроглифах, позволяют связать их с находками, сделанными при раскопках стоянок в регионе.

Сохранность петроглифов позволяет изучать их технику исполнения. Канозерские петроглифы выделяются глубиной выбивки (до 4 см), позволяющей также выделить несколько стилей выбивки петроглифов.

Изучение стоянок вблизи скоплений петроглифов дает лучшее понимание социального контекста, отраженного в наскальных рисунках. Наскальные рисунки и связанные с ними находки стоянок демонстрируют коммуникацию и общие духовные верования на значительных территориях в тысячах километров друг от друга.

Целостность

К включению предлагаются все известные скопления всех трех объектов. Исключение составляют некоторые фрагменты скал с петроглифами Онежского озера, вывезенные в музей.

Наскальные рисунки создавались близко к береговой линии, которая имела в данных местах. Ландшафт, в котором найдены наскальные рисунки, в большинстве случаев существенно не изменился. На каждом объекте посетитель может легко себе представить изменения ландшафта в доисторические времена.

Исключения: 1) дамба возле скопления «Бесовы следки» в устье реки Выг и изменение водного режима в регионе из-за гидротехнических сооружений ГЭС; 2) защитный павильон над скоплением Бесовы следки; 3) защитный купол над скоплением Каменный 7, о. Каменный, Канозере; 4) место, откуда вывезен в Эрмитаж фрагмент скалы с петроглифами (Онежское озеро).

Естественная эрозия и вандализм являются потенциальными угрозами петроглифам. Для широкой публики открыты лишь отдельные скопления: *два* на Канозере, *два* на Беломорских петроглифах, *три* на Онежских петроглифах.

Как часть стратегии управления посещением на Беломорских и Канозерских объектах оборудованы деревянные мостки и платформы, защитный купол и павильон с целью уберечь наскальные рисунки от повреждений.

Подлинность

Почти все петроглифы Восточной Фенноскандии найдены на скальных поверхностях *in situ*. Большинство петроглифов обнаружено на скальных обнажениях. Исключения составляют некоторые отколовшиеся куски скал. Степень сохранности петроглифов зависит от прочности горных пород. Так, на гранито-гнейсах реки Выг, Беломорских и Онежских гранитах петроглифы сохранились лучше, чем на скалах Канозера за счет более твердых горных пород. Значительная часть петроглифов была скрыта под дерном и грунтом и на данный момент обнажена. Защиту скал с петроглифами из мягких горных пород Канозера

частично обеспечивает защитный купол над самым крупным скоплением наскальных изображений. Осуществляется чистка скал от разрушающих их растительности и лишайников, что также существенно улучшает их распознавание.

Требования к охране и управлению (только по Канозерской части)

На петроглифах Канозера ежедневное управление памятником осуществляет созданный в 2008 году муниципальный музей «Петроглифы Канозера».

В непосредственной близости от петроглифов расположен кордон музея, на котором круглый год дежурят смотрители и специалисты по сохранению культурного наследия. Смотрители осуществляют постоянный мониторинг местонахождений петроглифов, следят за потоком туристов, осуществляют меры по благоустройству памятника (обустройство мостков, аншлагов и т.п.). В п. Умба расположены офис музея и выставочный зал. Специалисты музея проводят экскурсии для посетителей, осуществляют документацию петроглифов и формируют цифровой архив.

Основные вызовы, с которыми сталкиваются специалисты музея, это процессы выветривания скал вследствие их зарастания, морозов и других естественных процессов. Вандализм также остается потенциальной угрозой.

Для предотвращения активных процессов выветривания и вандализма на острове Каменный над самым крупным скоплением петроглифов (около половины всех петроглифов объекта) установлен защитный купол (рис. 2). Данная мера существенно сократила несанкционированное посещение объекта и предотвращает воздействие природных влияний (процессов выветривания) на наиболее уязвимую скалу (ранее скрытую под слоем дерна) с наиболее хорошо сохранившимися изображениями.

Рис. 2. Купол над петроглифами. Остров Каменный. Оз. Канозеро

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что дает включение петроглифов Канозера в заявку на номинацию «Петроглифы Белого моря и Онежского озера» для продвижения данного серийного объекта в список всемирного наследия ЮНЕСКО:

1. Обогащает номинацию, демонстрируя более широкие временные пределы существования традиции выбивания петроглифов в регионе Восточной Фенноскандии: от неолита «беломорской» традиции к раннему металлу (2000 тыс. до н.э).

2. Глубина Канозерских выбивок (до 4 см) позволяет лучше понять бытование и использование сходных образов на гранитных и гранито-гнейсовых скалах петроглифов Карелии.

3. Канозеро расширяет представления о техниках выбивок и приемах работы с камнем.

4. Расширяется спектр тем и видов изображений. Также становится легче проследить эволюцию тем, образов и стилей, общих для всех петроглифов Восточной Фенноскандии.

5. Увеличивается количество крупных уникальных изображений в номинации: крупное изображение кита, крупнейшее по размеру и количеству лодок изображение морской охоты и т.п., которые ярко характеризуют культуру морских и лесных охотников неолита.

6. Снимается ряд проблем сравнительного анализа в заявке на номинацию.

На данный момент Беломорские и Онежские петроглифы лучше изучены и задокументированы в силу более долгого периода их изучения и лучшей сохранности. Петроглифы Канозера гораздо уязвимее Беломорских и Онежских в силу мягких горных пород.

Признание петроглифов Канозера особо ценным памятником и включение его в список всемирного наследия ЮНЕСКО позволит расширить международное сотрудничество и финансирование специализированных программ, связанных с изучением памятника и разработкой специальных мер по его охране.

На данный момент возможность включения петроглифов Канозера в серийную номинацию «Петроглифы Онежского озера и Белого моря» поддерживается специалистами по сохранению объектов культурного наследия и археологами.

Соответствующим органам власти Мурманской области необходимо подготовить документы для формирования заявки на номинацию по ее Канозерской части. Прежде всего это историко-культурная экспертиза и определение границ памятника. В любом случае, данные работы необходимы для признания памятника особо ценным объектом культурного наследия и создания в дальнейшем музея-заповедника на островах Канозера.

Список литературы

Жульников А. М. К вопросу о датировке беломорских петроглифов // Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 238–247.

Колпаков Е. М., Шумкин В. Я. Петроглифы Канозера. СПб.: Искусство России, 2012. 424 с.

Лихачев В. А. Канозеро: портрет в пространстве и времени Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. Вып. 2. С. 169–180.

Лихачев В. А. Петроглифы озера Канозеро: история открытия // Кольский сборник. СПб., 2007. С. 146–154.

Лихачев В. А. Рисунки Канозера: открытие, изучение, сохранение. Кольский центр охраны дикой природы. Апатиты, 2011. 124 с.

Лобанова Н. В. Тайны петроглифов Карелии. СПб., 2005.

Лобанова Н. В. Петроглифы Онежского озера. Университет Дмитрия Пожарского. Петрозаводск – Москва, 2015. 439 с.

Подготовка номинаций объектов всемирного наследия. Информационное руководство. Второе издание. 2011. URL: http://icomos.org.ru/images/docs/rukovodstvo_po_podgotovke_nominacii_objektov_v_semirnogo_nasledia.pdf.

Сведения об авторе

Лихачев Вадим Алексеевич,

аспирант факультета дизайна и искусств университета Лапландии (Рованиеми, Финляндия). Главный хранитель МАУК МНИ «Петроглифы Канозера», пос. Умба

Likhachev Vadim Alekseevich,

post-graduate student of the Faculty of Design and Arts of the University of Lapland (Rovaniemi, Finland). The main museum curator of the MAUK MNI “Petroglyphs of the Kanozero”, Uмба town

DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.139-144

УДК 061.6:94(470.21)"1944/1949"

К. В. Мулин

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА ПЕРИОДА ВОССТАНОВЛЕНИЯ КБАН СССР (1944–1949 ГГ.)

Аннотация

На основе архивных материалов за 1944–1950 гг. в статье описывается и анализируется ускоренное восстановление и развитие кадрового потенциала Кольской Базы АН СССР в послевоенное время. Освещены проблемы реэвакуации и дано хронологическое описание решений кадрового вопроса.

Ключевые слова:

восстановление КБАН, кадровый состав, Кольская база АН СССР, НА КНЦ РАН, подготовка научных кадров, реэвакуация.

K. V. Mulin

STAFF POLICY IN THE PERIOD OF THE KOLA BASE OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES RECOVERY (1944–1949)

Abstract

Based on the archived materials of the period of 1944–1950, the article concerns and analyzes the accelerated recovery and development of the Kola Base staff potential |

during the post-war period. Presented are the problems of re-evacuation and characterized chronologically are the solutions of the staff issue.

Keywords:

Kola Base of the USSR Academy of Sciences recovery, scientific staff, Kola Base of the USSR Academy of Sciences, scientific staff training, Russian Academy of Sciences, scientific archive of the Kola Science Center, re-evacuation.

Кольская научно-исследовательская база им. С.М. Кирова АН СССР возникла в 1930 году — почти одновременно с началом строительства горно-химического комбината «Апатит», на который было возложено промышленное освоение хибинских апатитовых руд. На начало 1941 года База успешно прогрессировала, коллектив насчитывал 90 человек, включая 44 научных работника. С началом ВОВ развитие Кольской базы было приостановлено. По приказу правительственной комиссии № 29 от 11 августа 1941 г. и распоряжению Президиума Академии наук часть Кольской базы АН СССР была эвакуирована в г. Сыктывкар Коми АССР, а на Кольской земле остался небольшой стационар в г. Кировске.

Кировский стационар продолжал работу в прифронтовых условиях. Он состоял из 10 сотрудников (среди них руководитель Н. А. Аврорин, Л. И. Боброва, А. Л. Курсанов, Б. А. Мишкин, Л. Я. Мишкина, Н. Н. Дьячков, Л. Я. Аврорина, Н. Ф. Синицина (Шарова), М. Я. Мирошкин и Л. А. Васильева (Юсупова)). Основной задачей кировского стационара являлась работа по сохранению коллекционных фондов растений и оказание помощи военным частям и госпиталям, обеспечение их витаминными, лекарственными и пищевыми растениями. В годы войны работа Сада была приравнена к боевому заданию, и за успешное его выполнение сотрудники получили боевые награды [Ученые Кольского научного центра 1930–2010, 2010: 9]. Коллектив эвакуированных ученых с осени 1941 по весну 1944 гг. тоже работал в интересах фронта и выполнил не только поставленные задачи, но и смог открыть для страны новый ракурс освоения хозяйственных объектов, а также указал перспективы применения полезных ископаемых на территории Коми АССР и дал материальный и научный фундамент для развития академического учреждения в г. Сыктывкаре. По ходатайству руководства Мурманской области Распоряжением Совета Народных Комиссаров СССР № 8153-р от 15 апреля 1944 г. Президиуму Академии наук СССР было поручено восстановить Кольскую базу им. С. М. Кирова [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 123. Л. 1].

Со дня основания Кольской базы (в виде Хибинской горной станции) и до своей смерти (20 мая 1945 г.) ее организатором и научным руководителем был А. Е. Ферсман. Всем комплексом научно-организационных, финансово-хозяйственных вопросов по реэвакуации и восстановлению Базы руководил зам. директора Ф. М. Терновский, сподвижник академика А. Е. Ферсмана еще с довоенных времен [Макарова, Петров, Токарев, 2016: 15]. В период работы на Кольской базе АН СССР с 1940 г. Ф. М. Терновский являлся организатором научно-исследовательских работ по изучению производительных сил Кольского полуострова. В начале войны он оперативно направил работу Базы на выполнение задач военного времени, руководил работами по эвакуации КБАН СССР в Коми АССР, участвовал в создании и руководил работами Базы по изучению Севера в г. Сыктывкаре в 1941–1944 гг.; осуществлял реэвакуацию и восстановление Кольской базы АН СССР в г. Кировске [КНЦ РАН, 2010: 428]. Ф. М. Терновский

внес значительный вклад в восстановление Базы в послевоенные годы. Наряду с решением главных проблем последствий возвращения Кольской базы особое внимание он уделял кадровому вопросу, о котором писал в отчете за 1947 год: «...Кольская База за период войны перетерпела ряд сложных изменений. В августе 1941г. она была эвакуирована <...> где буквально на голом месте, с помощью Коми Обкома ВКП(б) и Совнаркома в кратчайший срок начала научные исследования в условиях новой территории и военного времени. <...> основные ее <КБАН СССР – прим. автора> кадры были советом филиалов и баз оставлены в Сыктывкаре на укомплектование отпочковавшейся от Кольской базы, Коми АССР. В Кировск прибыло к концу 1944 года всего 19 научных и научно-технических сотрудников» [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 160б. Л. 8]. Возвратившись в Кировск, База вынуждена была заново создавать лаборатории и организовывать рабочее место, так как «Тиетта» сгорела в 1941 г. Без повседневной помощи Мурманского областного и Кировского районного комитетов ВКП (б), без содействия дирекции Комбината «Апатит» не получалось бы оперативно справляться с этой задачей, так как помощи со стороны Совета филиалов и баз не было [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 150б. Л. 7].

С трудностями при решении кадровых проблем в послевоенное время столкнулись практически все региональные филиалы АН СССР [Макарова, Петров, 2010: 112]. Как уже отмечалось, Кольская база возвратилась после эвакуации в г. Кировск в составе 19 человек, научного персонала с учетом специалистов из Кировского стационара — 10 младших научных сотрудников и 4 кандидата наук. Среди них Н.А. Аврорин, получивший в 1936 г. ученую степень кандидата биологических наук без защиты диссертации по совокупности работ. Первыми кандидатами наук Кольской базы АН СССР были также В. С. Быкова, защитившая диссертацию в 1938 г., В. В. Ламакин — в 1942 г., С. Н. Игнатьевская — в 1944 г. [Саморукова, Петров, 2013: 97]. Такой научный состав не мог обеспечить решение поставленных задач по восстановлению и развитию КБАН. Было решено пополнять кадровый резерв путем приглашения высококвалифицированных специалистов в основном из Ленинграда и Москвы [Там же]. Однако решению кадрового вопроса препятствовали следующие проблемы: 1) резкая нехватка финансовых ресурсов; 2) общая нехватка профильных высококвалифицированных специалистов по стране; 3) низкая привлекательность региона Крайнего Севера для специалистов, как из-за сурового климата так и по причине низкого уровня развития социальных и научных инфраструктур. Именно поэтому, как в и предвоенные годы, приходилось прибегать к услугам высококвалифицированных консультантов из АН СССР и других учреждений, которые приезжали сюда на краткие сроки в 2–3 дня. Никто из академиков и докторов не хотел перебираться сюда «насовсем». Несмотря на это, к концу года численность штата выросла более чем в 2 раза и составила 46 человек, в том числе 14 научных сотрудников, из них 4 кандидата наук.

Кадровые трудности появлялись также из-за трудностей в финансировании. Выполнение тематического плана на 1945 г. было запроектировано исходя из народно-хозяйственных задач края и требовало увеличения штата с 46 до 129, а фактическое увеличение было проведено только на 4 единицы. Финансирование тематического плана требовало ассигнований в размере 717,4 тыс. руб., фактически утверждено 192,0 тыс. руб., то есть

финансирование работ выражалась в 25 % требуемой суммы. «Этих средств было даже не достаточно профинансировать полевые работы наличного штатного контингента», — сетовал Ф. М. Терновский [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 150б. Л. 2]. Слабые улучшения финансирования и качественного прироста кадров продолжались и в 1945 г. Секретари Мурманского обкома ВКП (б) А. М. Кутырев и И.И. Федоров много внимания уделяли восстановлению Кольской базы АН СССР, это содействовало тому, что уже весной 1945 г. база смогла начать нормальную работу [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 141в. Л. 4]. Однако мало было создать условия для работы, нужно было добиваться увеличения штата научных работников и, что особенно важно, его укомплектования высококвалифицированными сотрудниками. К концу 1946 г. научных кадров в штате насчитывалось 43 (с учетом сотрудников, работающих по совместительству), в том числе 1 доктор наук и 14 кандидатов. Кроме того, в качестве постоянных консультантов в работах Базы принимали систематическое участие 5 академиков и 7 докторов наук. Бюджет Кольской базы в этом году вырос в два с лишним раза (с 1431 тыс. руб. до 3293 тыс. руб.) по сравнению с 1945 годом, это позволило значительно пополнить оборудование и снабдить лаборатории [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 141в. Л. 6]. Бюро Мурманского обкома партии ВКП (б) 8 апреля 1947 г. по докладу дирекции КБАН СССР (Ф. М. Терновского) приняло постановление, в котором указало на необходимость не только изменений в направлении работ Базы, но и на необходимость перераспределения штатного контингента за счет сокращения биологических секторов и Ботанического сада и усиления геолого-минералогических, химико-технологических и энергетических работ. Количество таких специалистов нужно было увеличивать, в том числе из-за того, что в их услугах, например, стало нуждаться Печенгское меднорудное месторождение, отошедшее СССР по итогу Великой Отечественной войны. Выполняя эту директиву, было проведено следующее перераспределение штатного контингента и научных и научно-технических работников (рисунок).

	1946 г.	1947 г.	1948 г.
1. Сектор геологии	10	12	18
2. Сектор минералогии.....	9	13	14
3. Лаборатория геохимии.....	16	16	17
4. Лаборатория гидроэнергетики	-	-	7

Итого:	35	41	56
5. Почвенно-ботанический сектор	15	14	15
6. Лаборатория биохимии.....	11	10	7
7. Сектор зоологии.....	7	5	-
8. Ботанический сад.....	28	21	21

Итого:	56	50	48

Динамика численности сотрудников КБАН СССР, 1946-1948 гг.
[НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 150б. Л. 34]

Особое внимание было уделено укреплению научными кадрами сектора геологии и лаборатории геохимии. Однако, несмотря на неоднократные запросы и указания Президиума АН СССР, управление кадров Академии наук в течение нескольких лет не направило на Кольскую базу ни одного высококвалифицированного специалиста этой сферы, и дирекция Базы продолжала принимать меры к приглашению для работы на Базе специалистов. Так, в 1947 г. сектор геологии был пополнен тремя младшими научными сотрудниками (Д. Д. Клячина, А. И. Морозов, И. А. Коровяков), а лаборатория геохимии четырьмя младшими научными сотрудниками (П. А. Игуменов, Д. Б. Дедух, Е. И. Успенская и Я. Г. Горощенко — и.о. зам. директора Института химии и технологии редких металлов и минерального сырья КФАН СССР (1958–1962)). Одновременно были приняты меры к укреплению кадров научно-технических работников. Для научно-технических работников по каждому сектору и лаборатории была разработана специальная программа повышения квалификации и установлен минимум обязательных знаний [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 150б. Л. 26]. Ряд лаборантов был заменен лицами, имеющими среднее техническое образование (окончившими горно-химический техникум), тем самым обеспечивая качественный прирост кадров [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 150б. Л. 25].

Еще одной из таких мер было открытие аспирантуры. В 1945 г. при Кольской базе им. С.М. Кирова была организована подготовка аспирантов и утвержден прием 9 аспирантов по специальностям петрография, минералогия, почвоведение [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 130. Л. 173]. Особенно отмечалась результативность работ аспиранта И.В. Белькова, которому 1 марта 1948 г. была назначена Сталинская стипендия [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 155. Л. 10]. И. В. Бельков первым в 1948 г. защитил кандидатскую диссертацию.

Политика сокращения биологических секторов в пользу геолого-химических прослеживается и в 1948–1949 гг., первых становится на пять меньше, последних больше на 7 сотрудников. Однако появлялись другие проблемы. Отмечалось, что решения Президиума АН СССР о выделении и направлении научных сотрудников геологической специальности выполнялись отделом кадров Академии наук СССР крайне медленно и формально. Совершенно не учитывалась специфика геологии Кольского полуострова, которая требует преимущественно геологов петрографического и геохимического направления. Кроме того, многие из выделенных научных сотрудников не имели допуска к закрытым работам и, по сути дела, не могли быть сотрудниками Кольского филиала. Необходимо отметить большую «текучесть» научных сотрудников в течение 1949 года. Так, за 1949 г. убыло из Филиала 14 человек, а прибыло 11 человек. Такой показатель обусловлен тем, что Кольский филиал, осуществляя указание Президиума АН СССР, постепенно очищался от людей неустойчивых в морально-политическом и деловом отношении. Для Кольского филиала, где вся тематика работ являлась закрытой, подобные мероприятия по увольнению лиц, не внушающих политического доверия, являлись делом первостепенной важности [НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 160б. Л. 73]. Впрочем, это не сильно повлияло на позитивную динамику развития штата сотрудников. К тому же в 1949 г. Кольская база была реорганизована в Кольский филиал Академии наук, и с помощью ассигнований АН СССР форсировалось капитальное строительство по сооружению жилых и производственных объектов Кольской базы АН СССР. Такое преобразование

повысило статус и привлекательность КФАН и повлияло на настроения переезжающих в Кировск специалистов. После реорганизации КФАН сделал огромный скачок, как в количественном, так и в качественном эквиваленте. В 1950 г. штат сотрудников насчитывал уже 137 чел. и почти утроил этот показатель в 1955 г.

Несмотря на все сложившиеся трудности после, по сути, «перерождения» Кольской базы АН СССР, общая динамика увеличения кадрового состава, как в качественном, так и в количественном плане прослеживается на протяжении всего наблюдаемого периода. Грамотная политика руководящих отделов смогла привлечь высоких научных деятелей для того, чтобы достичь запланированных целей. За наблюдаемый период База смогла не только восстановиться, но и преумножить довоенные показатели, тем самым создать большой задел для большого будущего Кольского филиала Академии наук.

Список сокращений

АН – Академия Наук
АССР – Автономная советская социалистическая республика
ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВОВ – Великая Отечественная война
КБАН – Кольская база Академии наук
КНЦ РАН – Кольский научный центр Российской академии наук
КФАН – Кольский филиал Академии наук
НА – Научный архив

Список источников

НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Президиум Ордена Ленина Кольского научного центра Российской академии наук.

Список литературы

Макарова Е. И., Петров В. П. Деятельность Академии наук на Кольском полуострове: к реконструкции истории промышленного освоения Евро-Арктического / Баренц региона (1920–1940 гг.) // Труды Кольского научного центра. Серия «Гуманитарные исследования». 2010. № 1. С. 94–114.

Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Хроника послевоенного развития академической науки на Кольском Севере: от КБАН до КФАН СССР (1944–1949) // Труды Кольского научного центра. Серия «Гуманитарные исследования». 2016. № 10. С. 14–29.

Саморукова А. Г., Петров В. П. О работе аспирантуры Кольского филиала АН СССР в 1945–1985 гг. // Труды Кольского научного центра. Серия «Гуманитарные исследования». 2013. № 4. С. 96–108.

Ученые Кольского Научного Центра 1930–2010 / Под ред. В. Т. Калининкова. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2010. 514 с.

Сведения об авторе

Мулин Кирилл Валерьевич,
аспирант ФИЦ КНЦ РАН

Mulin Kirill Valeryevich,
post-graduate of the FRC KSC RAS

